В. ЛИБКНЕХТЪ

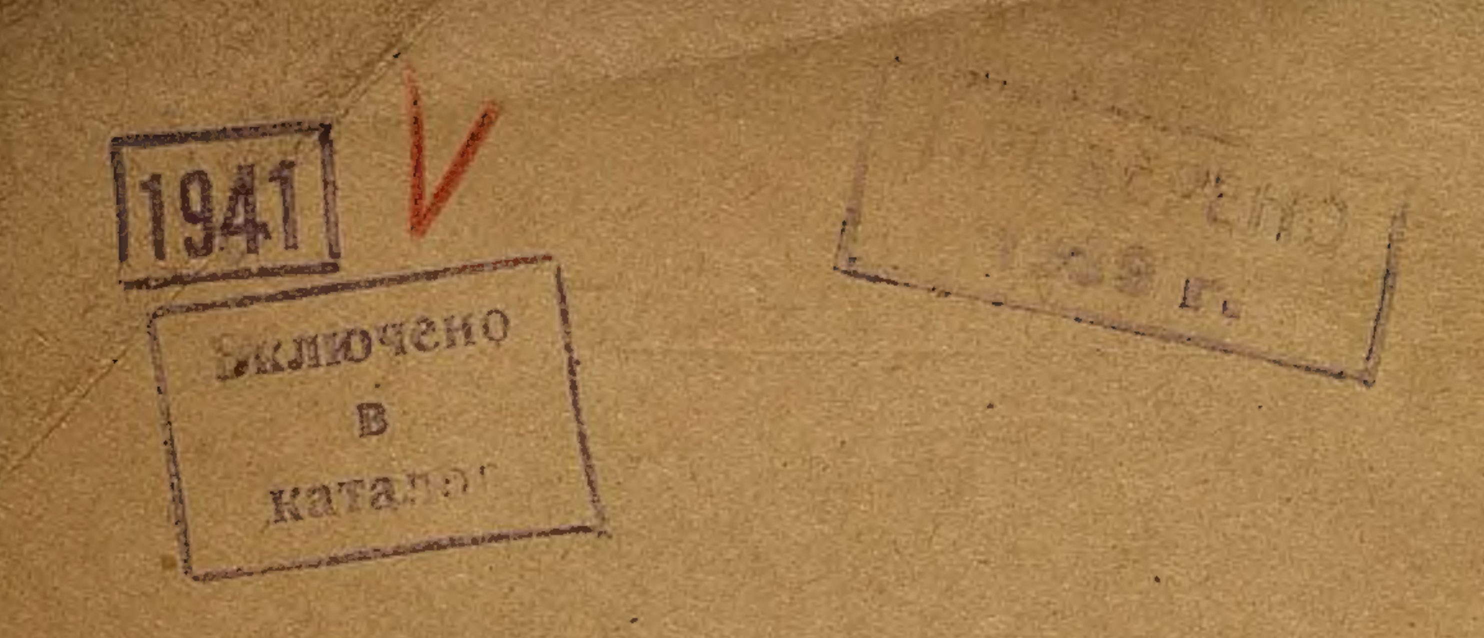
КЪ ЮБИЛЕЮ МАРТОВСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ

Переводъ съ нѣмецкаго

Б. АЛЕКСАНДРОВОЙ

Издательство Петроградскаго Совѣта Раб. и Красноарм. Депутатовъ.
ПЕТРОГРАДЪ
1918

1941
Включено
в
катало

В. ЛИБКНЕХТЪ.

Къ юбилею мартовской революціи.

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО.
Б. АЛЕКСАНДРОВОЙ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТРОГРАДСКАГО СОВДЕПА

ПЕТРОГРАДЪ.
1918.

Типогр. Акц. О-ва Копѣйка.

Вамъ, мертвецы, посвящены эти страницы въ память, вамъ, живые,—въ назиданіе.

Вамъ, мертвецы, посвящены онѣ отъ имени молодого поколѣнія, которое осуществитъ то, что носилось передъ вами въ смутныхъ грезахъ, какъ высшій идеалъ,—всѣмъ вамъ: и тѣмъ, кто нашелъ смерть на берегахъ Дуная, Шпрее, Эльбы или Рейна, и тѣмъ, кто палъ на баррикадахъ, въ уличной борьбѣ или на полѣ битвы, въ Баденѣ или Пфальцѣ, и тѣмъ, кто лежитъ, сраженный пулею военнаго суда, въ Бригитенау или Мангеймѣ, на кладбищѣ у Вире или въ раштаттскихъ траншеяхъ,—всѣмъ вамъ посвящены эти страницы. Вамъ, отъ кого позорно отрекается теперь большинство класса, стоявшаго тогда на стражѣ свободы, вамъ, кому суждено было, когда ваши изрубленные и простѣленные трупы давно уже успѣли превратиться въ пыль и прахъ, пасть жертвой святотатственнаго заговора, осквернившаго могилы,—заговора гнусной клеветы, которая пытается сорвать съ васъ вѣнокъ чести и славы и забросать васъ грязью, дабы вы изъ предмета благодарнаго и благоговѣйнаго преклоненія сдѣлались для потомства предметомъ презрѣнія и отвращенія. Несчастные! Они переоцѣниваютъ свои силы. Какъ будто ихъ грязныя руки и комки грязи могутъ достичь вашей высоты!

И ваша память, ваша честь, ваша слава находится подъ надежной охраной.

Не даромъ вы боролись. Не даромъ вы гибли. Вамъ нечего стыдиться живыхъ. Уже взошелъ посѣвъ, брошенный

вашею рукою и орошенный вашею кровью. Роскошнѣе и обильнѣе взошелъ онъ, чѣмъ могли вы мечтать. Тамъ, гдѣ вы стояли одинокой и безпорядочной кучкой, тамъ нынѣ выстроилась могучая армія, имѣющая арміи братьевъ и союзниковъ во всѣхъ концахъ земного шара, и всѣ онѣ образуютъ одну великую армію—армію, спаянную въ одно неразрывное цѣлое дисциплиною *долга*—безконечно болѣе крѣпкимъ цементомъ, чѣмъ желѣзная дисциплина *насилія*. И каждый рядовой этой арміи видитъ передъ собою одну великую цѣль—освобожденіе человѣчества; въ ясныхъ и отчетливыхъ очертаніяхъ встаетъ она передъ нашими духовными очами—не ослѣпительный воздушный замокъ, а земное зданіе, которое будетъ воздвигнуто на нашей прекрасной землѣ, такъ гостепріимно предлагающей пріютъ, пищу и счастье всѣмъ своимъ дѣтямъ.

Памятникъ изъ камня или металла, въ которомъ отказываютъ вамъ подлое малодушіе и партійная вражда, не имѣетъ для васъ никакой цѣны; у васъ есть другой памятникъ—и нѣтъ такого монарха, кто былъ бы властенъ построить его въ память своихъ или чужихъ дѣяній,—этотъ нерукотворный памятникъ прочнѣе и камня, и металла: онъ воздвигнутъ въ сердцахъ рабочаго народа, доросшаго уже до сознанія своихъ правъ и обязанностей, рабочаго народа, который проведетъ въ жизнь вашу послѣднюю волю, написанную кровью вашего сердца.

Эту священную клятву приноситъ вамъ въ день полувѣкового юбилея мартовской революціи, *вашей* революціи и *нашей* революціи, исполнительница вашего духовнаго завѣщанія: германская соціалъ-демократія.

А вамъ, живые, вамъ, кому эти страницы посвящены такъ же, какъ и мертвымъ,—только шесть словъ:

Вы знаете свою обязанность—исполняйте ее!

Мартовская революція?

Но можно ли, вообще, назвать революціей эти событія? Развѣ мы не слышали тысячу разъ, что въ то время народъ самъ не зналъ, чего онъ хотѣлъ, что онъ остановился на полъ-пути къ своей цѣли, что за краткимъ опьяненіемъ наступило похмелье: онъ былъ обманутъ, устраненъ отъ плодовъ своей побѣды, обязанной, скорѣе, внезапности нападенія, чѣмъ превосходству силы. И развѣ мы не читаемъ во всѣхъ органахъ господствующихъ партій, что 18-го марта въ Берлинѣ происходило «позорное возстаніе», мало того: много шуму изъ ничего, что мартовскимъ борцамъ ничего не удалось добиться сверхъ того, чѣмъ они уже обладали до борьбы и независимо отъ нея?

Уже сами по себѣ эти усердныя старанія враговъ народа всякихъ оттѣнковъ и направленій принизить значеніе 18-го марта и вообще мартовской революціи или, точнѣе говоря, окончательно свести его на-нѣтъ,—уже одни эти старанія служатъ лучшимъ доказательствомъ *въ пользу* ихъ значенія. Какое-нибудь незначительное событіе, по прошествіи цѣлаго полустолѣтія, не могло бы статъ объектомъ систематическаго извращенія, фальсификаціи и клеветы. Этотъ походъ лжи и клеветы теперь, когда полъвѣка отдѣляетъ насъ отъ названныхъ событій, краснорѣчивѣе хора восторженныхъ похвалъ доказываетъ тотъ фактъ, что 18-е марта и мартовская революція, даже 50 лѣтъ спустя, не утратили своего значенія.

Все это и оправдываетъ названіе «мартовская революція», придуманное народомъ для событій «бурнаго года», 1848 года, вмѣстѣ съ заключительнымъ актомъ и эпилогомъ 1849 года.

Конечно, если понимать слово «революція» въ болѣе широкомъ смыслѣ—коренного переворота, какимъ была, напримѣръ, Великая Французская революція въ концѣ прошлаго столѣтія —то это названіе будетъ непримѣнимо къ

мартовской революціи. Однако, событія и группы событій, къ которымъ по праву можно примѣнить названіе революцій, обладаютъ различными размѣрами и различной степенью важности, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что нѣмецкая мартовская революція съ большимъ правомъ носитъ свое названіе, чѣмъ французская *февральская революція*, дѣтищемъ которой она является. Правда, февральская революція разрушила тронъ и превозгласила республику, чего не сдѣлала мартовская революція; но зато послѣдняя имѣла болѣе глубокое и продолжительное вліяніе. Во Франціи побѣда революціи не была побѣдою какого-либо новаго принципа. Февральская республика была лишь отблескомъ и отраженіемъ республики 1792 года; она быстро исчезла, ибо новый принципъ, пробивавшійся на сцену, принципъ *соціализма*, восторжествовавшій на мгновеніе въ іюньскіе дни, вскорѣ внушилъ буржуазіи такой паническій страхъ, что она поспѣшила стряхнуть съ себя республику, вмѣстѣ съ другими «ошибками молодости»; а затѣмъ, въ лицѣ «племянника своего дяди», Луи Бонапарта, беззастѣнчиваго авантюриста, всегда готоваго на самую отчаянную выходку, она наняла себѣ палача, который—сперва въ качествѣ «президента», потомъ въ качествѣ «императора»—отправлялъ солидно оплачиваемую «почетную должность», имѣвшую цѣлью изгнать красный призракъ, а для этого изрубить и перестрѣлять всѣхъ рабочихъ, дерзко нарушающихъ покой господина буржуа; къ его услугамъ были сабля и ружье, эти два столпа капиталистическаго общества. Февральская республика существовала лишь въ теченіе трехъ четвертей года: съ 24 февраля до 10 декабря 1848 года, когда «Бустрапа» *) подавляющимъ большин-

*) Насмѣшливое прозвище Луи Бонапарта, составленное изъ начальныхъ слоговъ трехъ словъ, намекающихъ на три его великіе подвига: двѣ комическія «вспышки» въ *Бу*лони и *Стра*сбургѣ и трагическая бойня въ *Па*рижѣ (2 декабря 1851 года), когда три тысячи безоружныхъ людей пали подъ пулями во славу государственнаго переворота.

ствомъ голосовъ былъ выбранъ въ президенты республики, съ молчаливымъ полномочіемъ завести ее въ тупой уголъ при первомъ же удобномъ случаѣ, о чемъ онъ и позаботился достодолжнымъ образомъ. Разъ устранивъ республику, это «неудобное побочное обстоятельство», капитализмъ могъ снова приняться за свое дѣло грабежа, прерванное ружейными выстрѣлами 22-го февраля. Имперія оказалась достойнымъ чадомъ орлеанской монархіи, самый вліятельный и способный государственный дѣятель которой, Гизо, бросилъ буржуазіи боевой кличъ: Enrichissez-vous! Обогащайтесь! Господинъ Гизо, человѣкъ безусловной честности, никогда не думалъ о *собственномъ* обогащеніи, подъ этимъ понятіемъ онъ не подразумѣвалъ ничего несправедливаго: это былъ своего рода идеалистъ, считавшій „увеличеніе національнаго богатства“ высшимъ правомъ и высшей обязанностью всякаго гражданина—друга порядка. Но господа граждане-буржуа—по своему положенію или по своимъ стремленіямъ—понимали дѣло по-своему и какъ слѣдуетъ: они брали деньги всюду, гдѣ только ихъ находили, нисколько не справляясь, чѣмъ отъ нихъ отдаетъ. Въ то время «зарабатывались» громадные куши, но въ воздухѣ носился букетъ сомнительныхъ арроматовъ, проникавшій даже въ высшія правительственныя сферы; а темный народъ, который своимъ ограниченнымъ пролетарскимъ разсудкомъ не въ состояніи былъ постигнуть «высокой морали» подозрительныхъ арроматовъ, строилъ баррикады, стрѣлялъ въ мелкихъ воровъ и прогонялъ крупныхъ. Совершилась февральская революція, получившая названіе «революціи нравственнаго отвращенія», окрещенная самимъ Луи-Филиппомъ «моральнымъ возстаніемъ», Извѣстная часть мелкой буржуазіи, не успѣвшей еще возвыситься до тухлой морали капитализма, присоединилась къ пролетаріямъ. Это была роковая интермедія, которая бомбой врѣзалась въ оргію третьяго сословія, уже превратившагося въ буржуазію. Когда же былъ сдѣланъ подсчетъ всѣмъ убыткамъ, а побѣжденные *іюньскіе борцы* частью раз-

стрѣляны, частью отправлены на «сухую гильотину» *), тогда почтенные буржуа открыли, что бомба принесла сравнительно немного вреда. А послѣ трехлѣтняго промежутка, когда было покончено съ республикой, обладающей свойствомъ будить неудобныя надежды, оргія могла возобновиться: имперія оказалась достойной наслѣдницей іюльской монархіи, лишь болѣе внушительныхъ размѣровъ. Между тѣмъ, капитализмъ успѣлъ вырасти: увеличились его объемъ, его аппетиты, сила его кулаковъ, емкость его желудка, цѣпкость его пальцевъ. Деньги ужъ не считались какими-нибудь жалкими сотнями тысячъ франковъ—онѣ считались милліонами. Рѣкою текли онѣ въ карманы Мире, Фульдовъ, Перье, въ карманы всей голодной банды выскочившаго въ императоры атамана шайки и прежде всего, разумѣется, въ его собственные. Никому и не снилось, чтобы можно было достигнуть большаго въ области «обогащенія». Одна лишь Третья республика, смѣнившая монархію послѣ Седана, свершила невозможное, и этому невозможному имя—*Панама*. Панама во всѣхъ областяхъ—въ государствѣ и въ обществѣ, въ правительствѣ, въ администраціи, въ арміи—всюду царитъ Панама. Между тѣмъ, капитализмъ успѣлъ развиться еще больше: сотни тысячъ орлеанской монархіи, милліоны Второй имперіи превратились въ цѣлые милліарды, которыми долженъ «обогащаться» капиталъ, чтобы наполнить свою ненасытную волчью утробу.

Читатель видитъ, что во Франціи февральская революція сыграла лишь роль романическаго эпизода. Напротивъ, для Германіи мартовская революція была зарею новой эры—разрывомъ съ прошлымъ, исходнымъ пунктомъ легшимъ въ основу *новаго государственнаго строя*. Этой новой основой явился принципъ *самодержавія народа*, одержавшій побѣду въ мартѣ 1848 года, столь прочную

*) Соотвѣтствуетъ французскому выраженію «guillotine sèche» многіе изъ іюньскихъ борцовъ были сосланы въ Кайенну, осуждены на пожизненное заключеніе и т. д., что равносильно «безкровной» смерти. (*Прим. переводчика*)

побѣду, что ее признаетъ даже «самый убогій изъ всѣхъ избирательныхъ законовъ», законъ для прусскаго ландтага.

И избирательный законъ для выборовъ въ рейхстагъ, самое могучее, самое неотразимое наше орудіе борьбы, былъ завоеванъ въ мартѣ 1848 года. Если мартовскіе борцы и не въ силахъ были построить новое общество и новое государство, то они нанесли такой ударъ основамъ феодальнаго государства, что даже Бисмаркъ, воздвигая свою прусско-нѣмецкую имперію Гогенцоллерновъ, принужденъ былъ положить въ основу ея принципъ самодержавія народа и всеобщее избирательное право 1848 года, а, слѣдовательно, и *мартовскую революцію.*

Антагонизмъ между народомъ и правительствомъ

сдѣлался въ Германіи «основой государственнаго существованія» («Staatsraison»). Хотя съ «равноправіемъ», которое красуется во всѣхъ современныхъ конституціяхъ, дѣло обстоитъ очень плохо во *всѣхъ* странахъ—ибо *классовое господство* въ капиталистическомъ обществѣ несовмѣстимо съ равенствомъ,—но на долю Германіи выпала сомнительная честь превзойти всѣхъ ихъ въ этомъ отношеніи: нѣмецкій народъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій не принималъ ни малѣйшаго участія въ государственной жизни, онъ находился въ полномъ безправіи и безсиліи. Причины такого положенія дѣлъ надо искать въ злополучномъ направленіи, которое приняло развитіе нашего отечества съ самаго начала XVI столѣтія. Съ потерей мірового рынка послѣ открытія Америки, буржуазія лишилась своей экономической основы. Реформація, которая для англичанъ и французовъ облегчила экономически-необходимое государственное объединеніе, явилась для Германіи исходнымъ пунктомъ гибельнаго раздробленія, доставивъ нѣмецкимъ монархамъ, не знавшимъ

другихъ интересовъ, кромѣ династическихъ, удобный предлогъ сдѣлаться независимыми отъ «Имперіи и императора» («Kaiser und Reich»). Крестьяне, поддерживаемые извѣстной частью буржуазіи и рыцарства (Гуттенъ, Зиккингенъ, Флоріанъ Гейеръ), въ *«великой крестьянской войнѣ»* сдѣлали попытку установить національное единство, съ императоромъ, какъ истиннымъ его представителемъ, во главѣ; это возстаніе было потоплено въ крови; религіозныя войны, продолжавшіяся до средины XVII столѣтія,—въ особенности истребительная тридцатилѣтняя война,—окончательно истощили источники національной силы и уничтожили послѣдніе остатки свободы и народныхъ правъ. Исчезла всякая тѣнь участія народа въ правительствѣ, администраціи, законодательствѣ, судопроизводствѣ. Въ ту эпоху, когда во Франціи подготовлялась міровая держава абсолютнаго монарха Людовика XIV, а въ Англіи народъ разбивалъ, какъ кусокъ стекла, самодержавный тронъ помазанниковъ Божіихъ,—Германія представляла изъ себя поле, усѣянное развалинами и трупами, гдѣ стояла мертвая тишь, безъ признака жизни, гдѣ царило тупое насиліе въ образѣ нѣмецкихъ монарховъ, безстыдно копировавшихъ развратъ французскаго двора, у котораго они состояли на жалованьи за свои измѣнническія услуги. Императоръ—призрачный монархъ, нѣмецкая имперія—прости Господи! гораздо лучше бы назвать ее «нѣмецкимъ Лазаремъ»—и полное отсутствіе нѣмецкаго народа!

При такихъ-то общественныхъ отношеніяхъ и на такой-то почвѣ въ Германіи постепенно зарождался тотъ культъ *всемогущества правительственной власти*, который не могъ свить себѣ прочнаго гнѣзда въ другихъ странахъ, гдѣ народъ не былъ такъ глубоко угнетенъ. Въ обладаніи властью есть что-то притягивающее: прежде чѣмъ въ данномъ государствѣ и обществѣ вполнѣ осуществится принципъ равноправія и правительство сведется къ роли простой комиссіи, завѣдующей общественными дѣлами, каждому правительству и каждому правительствен-

ному органу, естественно, присуще стремленіе къ расширенію круга своей власти и къ усиленію орудій господства. Хотя для самаго элементарнаго человѣческаго разсудка ясно, что правительство существуетъ для народа, а не наоборотъ—вѣдь даже «старый Фрицъ», очевидно, въ разсчетѣ на то, что бумага все терпитъ, назвалъ себя «слугою государства»,—но, тѣмъ не менѣе, въ Германіи государство было отдѣлено отъ народа, поставлено надъ нимъ, какъ нѣчто высшее, и надѣлено божественными аттрибутами; альфой и омегой государственной мудрости стало убѣжденіе въ томъ, что правительство само по себѣ, какъ представитель, какъ воплощеніе государства, есть нѣчто неизмѣримо высшее, чѣмъ народъ, есть божество. При такомъ вопіющемъ извращеніи здраваго смысла, съ одной стороны, правительство надѣляется божественными аттрибутами всемогущества, всевѣдѣнія, всеблагости, всеправедности, непогрѣшимости, съ другой стороны: за народомъ отрицается всякая критическая и даже мыслительная способность вообще, всякая самостоятельность; ему вмѣняется въ обязанность слѣпо вѣрить въ правительство, рабски ему повиноваться. Въ эпоху древне-римскихъ цезарей, французскихъ Бурбоновъ и англійскихъ Стюартовъ подобное понятіе о государствѣ и власти тоже порождало причудливые цвѣточки и ягодки; но во Франціи и Англіи сдерживающимъ факторомъ—пока дѣло не дошло до крайности—служила жизненная сила народа, а въ разлагающейся Римской имперіи безумства цезарей встрѣчали отпоръ въ остаткахъ старой свободы, а также въ лицѣ надменной преторіанской гвардіи, которая, сознавая свою силу, соглашалась служить цезарямъ лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы они, въ свою очередь, служили ея интересамъ. Подобные порядки мы встрѣчаемъ позднѣе и въ Россіи. Непокорный цезарь, безъ дальнихъ словъ, отправлялся на тотъ свѣтъ.

Но въ Германіи иссякла народная сила, исчезли послѣдніе слѣды народной свободы—народъ превратился въ

трупъ. А другіе факторы, которые могли бы ограничить абсолютизмъ, совершенно отсутствовали въ государствѣ. Вѣнскій императоръ былъ безсиленъ; знатное дворянство пользовалось неограниченной властью и на свой страхъ и рискъ разыгрывало роль маленькихъ самодержцевъ; а мелкое дворянство, погрязшее въ придворной, казарменной или полицейской службѣ, поставляло изъ своей среды необходимыхъ абсолютизму солдатъ, которые въ звѣрскихъ расправахъ съ народомъ забывали унизительность своего собственнаго положенія. Что касается духовенства, которое въ католическихъ и магометанскихъ государствахъ ставитъ извѣстныя границы свѣтской власти, въ протестантской Германіи оно стремилось лишь къ одной цѣли: служить абсолютизму вззапуски съ дворянствомъ. Въ ту эпоху ни въ одной странѣ не было такъ раболѣпно духовенство, такъ развращено дворянство. Ничего другого и нельзя было ожидать при полномъ отсутствіи народной жизни. Вся жизненная сила государства заключается въ народѣ: прекращается народная жизнь, изсякаетъ и источникъ силы—даже для *виновниковъ* этого прекращенія. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить англійское дворянство съ нѣмецкимъ.

Такимъ образомъ, Германія превратилась въ тѣсный гробъ, въ которомъ лежалъ бездыханный трупъ народа. Онъ не двигался, не шевелилъ ни однимъ членомъ. Народъ былъ ничто: государство—все, а олицетвореніемъ государства было правительство.

Къ счастью, смерть народовъ—только мнимая смерть. И нѣмецкій народъ постепенно пробуждался изъ своего летаргическаго сна, который, въ сущности, являлся лишь крайнимъ истощеніемъ силъ; это обусловливалось продолжительнымъ отсутствіемъ всякаго питательнаго матеріала, благодаря полному застою въ промышленности и торговлѣ и насильственному подавленію народной и общественной жизни. А общественная жизнь такъ же необходима для развитія народа, какъ свѣтъ и воздухъ—для развитія растенія или животнаго.

Прошло много времени, прежде чѣмъ мнимо-умершій сталъ подавать признаки жизни. Летаргія длилась до первой половины прошлаго столѣтія. Часто говорятъ о тысячелѣтней ночи средневѣковья, нависшей надъ Европой съ побѣдоноснымъ вторженіемъ германцевъ въ Римскую имперію,—ночи, которая внесла столь скудную лепту въ сокровищницу культуры. Въ нашей бѣдной Германіи, сверхъ того, ночь царила еще на протяженіи двухъ вѣковъ: съ момента пораженія народа въ крестьянской войнѣ, съ момента крушенія первой попытки національнаго объединенія снизу вверхъ. Въ теченіе этихъ двухъ столѣтій замерла не только экономическая и политическая, но и умственная жизнь нашего народа. Кромѣ отвратительныхъ поповскихъ перебранокъ, ни одинъ живой звукъ не нарушалъ свинцовой тишины, царившей въ этой могилѣ духа. Литература, искусство, наука, даже *нѣмецкій языкъ*—все умерло. Ужасная смѣсь латинскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ, къ которой примѣшалъ свой варварскій грубый жаргонъ наемный сбродъ изъ отбросовъ всѣхъ странъ, призванный въ Германію нашими богоданными монархами, жертвовавшими безъ колебанія отечествомъ для своихъ династическихъ интересовъ,—эта смѣсь не могла назваться языкомъ, она была лишь грудою обломковъ, какъ и вся Германская имперія. Нѣмецкій языкъ необходимо было создать снова. Какъ для отдѣльной личности, такъ и для народа языкъ является незамѣнимымъ и безусловно необходимымъ орудіемъ развитія; подобно ребенку, до такой степени задержанному въ своемъ развитіи, благодаря продолжительной болѣзни, что онъ успѣлъ не только разучиться ходить, но даже забыть уже знакомый ему языкъ, — нѣмецкій народъ принужденъ былъ вторично учиться говорить, прежде чѣмъ онъ отважился вступить въ общественную жизнь, робкій и боязливый, какъ выздоравливающее дитя въ своихъ первыхъ попыткахъ вторично научиться ходить. «Старый Фрицъ», котораго *историческая* легенда (еще болѣе великая грѣшница противъ

стины, чѣмъ *церковная* легенда) выставляетъ воскресителемъ нѣмецкой націи, не умѣлъ правильно писать или сказать по-нѣмецки ни одного слова; онъ написалъ на французскомъ языкѣ смертный приговоръ нѣмецкому языку и нѣмецкой литературѣ, годнымъ, по его мнѣнію, для однихъ варваровъ. Не будемъ останавливаться на томъ, какимъ образомъ люди, создавшіе нашу національную литературу и бывшіе дѣйствительными воскресителями нашей націи, цѣною медленнаго, упорнаго труда, цѣною невыразимыхъ усилій совершили дѣло обновленія и *возрожденія* нѣмецкаго языка. Область литературы, науки, искусства открылась нѣмецкому генію, который въ экономической сферѣ встрѣчалъ на своемъ пути всевозможныя препятствія, благодаря трусости и деспотическимъ замашкамъ всесильнаго правительства; послѣднее стремилось такъ же герметически закрыть для него доступъ и въ область политики, этой исключительной собственности нѣмецкихъ государей и ихъ чиновниковъ. Почти невѣроятнымъ кажется то полнѣйшее равнодушіе, съ которымъ, еще въ концѣ прошлаго вѣка, широкія массы нашего народа относились къ бурной трагедіи, разыгрывавшейся во Франціи, гдѣ очнувшаяся отъ сна нація чинила судъ и расправу, и то абсолютное непониманіе, которое эти массы проявляли по отношенію ко всему, кто не оставался безучастнымъ. Это было наивное изумленіе *Каспара Гаузера*, который, послѣ юности, проведенной въ заключеніи, вдали отъ людей, въ тѣсной клѣткѣ, безъ всякаго движенія, вдругъ увидѣлъ людской муравейникъ, суету и движеніе на улицахъ. И такимъ Каспаромъ Гаузеромъ среди народовъ являлся тогда нѣмецкій народъ. Однимъ изъ немногихъ, постигшихъ сущность «міроваго поворота», былъ тотъ универсальный геній, котораго радикальные филистеры, по какому-то странному недоразумѣнію, заклеймили именемъ «врага народа» и «княжескаго холопа»: это былъ *Гёте*, который въ Англіи сдѣлался бы не только царемъ поэзіи и свѣтиломъ науки, но и великимъ *государствен-*

нымъ дѣятелемъ, какъ Беконъ и Томасъ Моръ. Правда въ этой странѣ онъ, вѣроятно, не былъ бы пѣвцомъ «Фауста».

Только въ нашемъ столѣтіи, когда нѣмецкая имперія перестала существовать, благодаря отсутствію отечества не для нѣмецкихъ государей, ибо они никогда не были нѣмецкими, а для монарховъ, управлявшихъ Германіей, тогда только нѣмецкій народный геній *обратился* въ матеріальную сторону жизни. Отчасти подъ *покровительствомъ* иноземнаго «непримиримаго врага» кое-гдѣ стала развиваться промышленность, возникала *торговля*, и давно заглохшій интересъ къ политикѣ и общественнымъ дѣламъ медленно пробуждался вновь. Но здоровое національное чувство впервые проявилось въ 1806 году, **когда** подъ *Іеной* рухнула старая, заржавѣлая государственная и правительственная система, изобрѣтенная абсолютными монархами, чуждыми какой-либо высшей цѣли и помысла, въ тѣ долгія столѣтія, когда наша бѣдная, опозоренная Германія не подавала никакихъ признаковъ политической жизни,—система, получившая свое окончательное и самое отталкивающее выраженіе въ прусскомъ государствѣ солдатчины.

Итакъ, была разрушена самая огромная и ужасная изъ всѣхъ тюремъ, въ которыхъ, какъ въ исполинской Бастиліи, томился духъ нѣмецкаго народа. А надъ ея развалинами бурнымъ потокомъ неслись изъ Франціи идеи права и свободы, идеи Французской революціи.

Съ Іеной, этой могилой мрачнаго казарменнаго деспотизма, начинается современная Германія. Чтобы спастись отъ гибели, династія Гогенцоллерновъ принуждена была искать опоры въ тѣхъ самыхъ идеяхъ Великой революціи, которыя нанесли смертельный ударъ прусской арміи въ 1792 году въ Шампани и въ 1806 подъ Іеной — въ послѣдней битвѣ, впрочемъ, на службѣ у корсиканскаго императора. Новыя идеи вдохнули въ мумію жизнь и силы — Наполеонъ былъ побѣжденъ. Теперь можно было

сказать: «Моор исполнилъ свой долгъ, Моор можетъ уйти!» Камень за камнемъ была вновь возведена старая Бастилія; изъ арміи, изъ школы, изъ всѣхъ остальныхъ государственныхъ органовъ методически изгонялись послѣдніе слѣды демократическаго духа, пока къ началу 40-хъ годовъ народный духъ не окрѣпъ настолько, что былъ въ силахъ начать борьбу противъ строителей и тюремщиковъ новой Бастиліи. И Бастилія была разрушена вторично—въ *мартовской революціи.*

У старой Пруссіи была вторая Іена—18-го марта.

Наполеонъ

убійца и наслѣдникъ Французской революціи, былъ побѣжденъ при *Ватерлоо* (въ іюнѣ 1815 года), а въ Belle-Alliance, городкѣ въ окрестностяхъ Ватерлоо, гдѣ находились во время битвы три союзныхъ монарха (русскій, австрійскій и прусскій, возникаетъ мысль претворить въ дѣйствительность названіе этого мѣста, поддерживая и на будущее время Belle-Alliance — «прекрасный союзъ» противъ наслѣдника революціи. Три мѣсяца спустя — 15 сентября 1815 года — былъ заключенъ «*Священный Союзъ*» между царемъ Александромъ, императоромъ Францемъ и королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ III, которые взаимно «поклялись относиться другъ къ другу *по-братски,* управлять своими *подданными* въ духѣ *братской* любви и *христіанскаго* милосердія и поддерживать миръ и справедливость во всей Европѣ». Главою этого тройственнаго союза былъ царь Александръ, котораго толкнули въ объятія христіанскаго ханжества и христіанской ханжи, набожной развратницы «фонъ-Крюденеръ» воспоминанія, связанныя со смертью отца его, Павла. «Братское, христіанское отношеніе къ подданнымъ» обнаружилось три года спустя, на *ахенскомъ конгрессѣ* (начавшемся 30 сентября 1818 г.) Тогда четвертымъ членомъ Союза былъ

законный король Франціи, въѣхавшій въ нее верхомъ «на казацкомъ конѣ». Четырехлистникъ былъ теперь въ полномъ составѣ: Романовъ, Габсбургъ, Гогенцоллернъ и Бурбонъ. Конгрессомъ была принята слѣдующая резолюція: «Союзные монархи постановили направить всѣ свои усилія на охрану мирныхъ искусствъ и на поднятіе *благосостоянія своихъ государствъ*, а также на возстановленіе *религіознаго и нравственнаго* чувства, вліяніе котораго крайне ослаблено современными бѣдствіями». Мы знаемъ порядокъ, мы знаемъ и текстъ. Когда много говорятъ о мирѣ и благоденствіи народовъ, эти народы всегда имѣютъ основаніе опасаться самаго худшаго. А «возстановленіе религіознаго и нравственнаго чувства» означало не что иное, какъ борьбу съ революціей или, по тогдашнему выраженію, «съ разрушительными стремленіями». Въ *Испаніи и Италіи* дѣло дошло до народнаго возстанія. Здѣсь прежде всего предстояло потрудиться Священному Союзу. Онъ сыгралъ роль европейской полиціи и потопилъ въ крови народныя возстанія въ обѣихъ странахъ. Но главная работа ждала каждаго члена Союза у себя *дома*, въ собственной странѣ—особенно въ Германіи, этомъ старомъ классическомъ полѣ нелѣпыхъ и беззастѣнчивыхъ правительственныхъ экспериментовъ. И здѣсь было не мало дѣла. Во время борьбы съ Наполеономъ были обѣщаны сословное представительство и другія хорошія вещи. Но *исполненіе* своихъ обѣщаній не принадлежало къ числу христіанскихъ добродѣтелей благочестиваго Священнаго Союза. Отсюда возникло недовольство, которое, за отсутствіемъ развитой буржуазіи и, слѣдовательно, и сознательнаго рабочаго класса, проявлялось, преимущественно, въ университетахъ, въ ученыхъ и студенческихъ кругахъ и вообще среди такъ называемыхъ идеологовъ. Въ одномъ изъ университетскихъ городовъ, особенно замѣчательномъ интенсивностью своей умственной жизни, *Іенѣ*, гдѣ 12 іюня 1815 г. была основана первая студенческая корпорація (Burschenschaft), 17-го и 18-го октября

1818 года былъ отпразднованъ студентами вмѣстѣ съ ихъ единомышленниками *Вартбургскій праздникъ*, а 18-го октября 1818 года основанъ «Всеобщій студенческій союзъ» («Allgemeine Burschenschaft»), который, кромѣ Іены, пользовался особенной популярностью и вліяніемъ въ *Гессенѣ*. Между тѣмъ, правительства стали менѣе довѣрчивыми. Хотя политическая программа студенчества — поскольку она вообще существовала — была совершенно безвредна: центромъ ея являлась объединенная Германская имперія; хотя Арндтъ, Океиъ и другіе ученые, недовольные дипломатическимъ уродцемъ Германскаго Союза, отличались не меньшей политической невинностью, — несмотря на все это, уже одинъ фактъ недовольства самъ по себѣ угрожалъ опасностью какъ Германскому Союзу, такъ и Священному Союзу. А то обстоятельство, что на Вартбургскомъ праздникѣ, при общихъ восторженныхъ кликахъ, былъ сожженъ «жандармскій уставъ» піонера прусскихъ оберъ-шпіоновъ, *Кампца* (само собою разумѣется, «тайнаго совѣтника»), уже явно указываетъ на существованіе «заговора» противъ Священнаго Союза, а также и Германскаго Союза, особенно противъ королевства Пруссіи, конституція которой, въ ожиданіи обѣщанной «сословной», была настоящимъ жандармскимъ уставомъ. Когда же, нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ объединенія студенческихъ обществъ, 23 марта 1819 года, одинъ экзальтированный студентъ, *Людвигъ Зандъ*, закололъ кинжаломъ въ Мангеймѣ литературнаго пачкуна и совершенно безвреднаго — для всѣхъ и всего, кромѣ нѣмецкой литературы, — русскаго статскаго совѣтника Коцебу, то новый руководитель Священнаго Союза *Меттернихъ* такъ высоко подпрыгнулъ отъ радости, какъ 49 лѣтъ спустя его ученикъ и преемникъ Бисмаркъ послѣ торговольскаго выстрѣла полуидіота Геделя. Меттернихъ немедленно созвалъ въ *Карлсбадъ* конгрессъ, который выработалъ знаменитыя «*Карлсбадскія постановленія*» 6 іюля 1819 г. и внесъ порядокъ и систему въ «*преслѣдованіе демагоговъ*». Свя-

тая троица, во имя которой дѣйствовалъ Священный Союзъ, была, наконецъ, разоблачена. Полиція, опять полиція и еще разъ полиція! Управленіе и судопроизводство, все государство—одинъ полицейскій участокъ, политика и полиція — синонимы. Пресса обуздана цензурнымъ намордникомъ—поскольку еще надо было что-нибудь обуздывать—и, такимъ образомъ, отдана подъ непосредственный надзоръ полиціи, всякое свободное мнѣніе — въ опалѣ, всякій независимый умъ—внѣ закона, повсюду безсмысленно-звѣрская травля на мысль и мыслящаго человѣка. Въ настоящее время травля демагоговъ отмѣчена позорнымъ клеймомъ исторіи — современное поколѣніе не нуждается въ дальнѣйшихъ поясненіяхъ,—она была прелюдіей *«травли соціалистовъ»*, которую потомство отмѣтитъ такимъ же клеймомъ: то же лицемѣріе, та же лживость, тѣ же ходячія словечки и то же позорное фіаско. Реакція ничему не научается и ничего не забываетъ. Въ своемъ идейномъ убожествѣ она постоянно повторяется и кружится на одномъ мѣстѣ, какъ осёлъ на молотьбѣ.

Къ 20-му мая 1820 года Людвигъ Зандъ, причинившій себѣ ужасныя раны послѣ своего дѣла, былъ такъ хорошо вылѣченъ, благодаря сердобольному уходу, что его могли по-христіански потащить на эшафотъ и по-христіански отрубить ему голову. Травля демагоговъ нуждалась въ крещеніи кровью, какъ позднѣе травля соціалистовъ, получившая 49 лѣтъ спустя святое крещеніе въ крови полуидіота Геделя. Нѣтъ ни одной уловки, ни одной адской выдумки реакціи, которая не была бы извѣстна уже въ тѣ времена, да и то по наслѣдству отъ прошлаго.

Іюльская революція портитъ дѣло Священнаго Союза: на мгновеніе онъ чувствуетъ въ ней угрозу. Франція вдругъ отрывается отъ четырехлистника, а въ Германіи, гдѣ, между тѣмъ, буржуазія успѣла нѣсколько окрѣпнуть, начинается броженіе въ широкихъ массахъ. Гнѣвъ на Германскій Союзъ за его позорное хозяйничанье прорывается наружу. Печальное шествіе побѣжденныхъ поляковъ черезъ

Германію въ гостепріимную Францію превращается въ тріумфальное шествіе свободы, въ бурный протестъ противъ отечественнаго горя, противъ отечественнаго позора. 27 мая 1832 года тысячныя и десятитысячныя массы стекаются со всѣхъ концовъ Германіи въ прекрасный Пфальцъ, къ *Гомбахскому замку*, гдѣ впервые празднуется великій *майскій праздникъ* свободы, гдѣ такіе люди, какъ Виртъ, Берне, Зибенпфейферъ, въ пламенныхъ рѣчахъ призываютъ народъ разбить свои цѣпи. Не прошло и года, какъ была сдѣлана небольшая практическая попытка. 3 апрѣля 1833 года отважная горсть студентовъ и другихъ воодушевленныхъ людей напала врасплохъ на *полицейскую стражу* во Франкфуртѣ на-Майнѣ. Предполагалось, обезоруживъ солдатъ, распустить сеймъ, засѣдавшій въ старой столицѣ, и провозгласить въ Германіи демократическую конституцію. Но движеніе не захватило народныхъ массъ, попытка потерпѣла крушеніе, и единственными людьми, которымъ она доставила большую радость, были Меттернихъ и братія, ибо для нихъ теперь представлялся еще болѣе драгоцѣнный случай, чѣмъ 14 лѣтъ тому назадъ, послѣ убійства Коцебу. Карлсбадскія постановленія были усилены по мѣрѣ возможности, травля демагоговъ организована въ болѣе крупныхъ размѣрахъ и, наконецъ, въ началѣ 1834 года въ Майнцѣ основана «*Союзная центральная комиссія*» (Bundeszentralbehörde). Это учрежденіе представляло собою не что иное, какъ централизацію полицейскаго дѣла для всѣхъ союзныхъ государствъ; а такъ какъ въ Германіи политика и полиція являлись синонимами, то это было и политическое объединеніе Германіи въ томъ специфическомъ смыслѣ, въ какомъ оно понималось нѣмецкими правительствами: національная кутузка, общественная нагайка. И эта идея, какъ видитъ читатель, не блещетъ новизною.

Между Вѣной и Берлиномъ возникаетъ благородное соревнованіе за пальму первенства въ гнусной человѣческой травлѣ. Въ Вѣнѣ было главное гнѣздилище реакціи, въ

Берлинѣ—главное ея филіальное отдѣленіе, которое стремилось превзойти свою метрополію со всѣмъ жаромъ пламеннаго честолюбія. И, дѣйствительно, берлинское отдѣленіе обладало болѣе тонкимъ практическимъ чутьемъ; оно доказало это, вызвавъ къ жизни *Таможенный Союзъ*, одновременно съ основаніемъ Союзной центральной комиссіи.

Сразу Союзная центральная комиссія и Таможенный Союзъ—пощечина буржуазіи и на-ряду — дружеское приглашеніе, ласковое заигрываніе по адресу буржуазіи. Никогда не проявлялась рѣзче двойственность прусской политики. Эта двойственная природа объясняется происхожденіемъ и историческимъ развитіемъ прусскаго государства. Чисто династическій продуктъ, возникшій на счетъ нѣмецкаго государственнаго единства,— что общаго въ «національномъ» смыслѣ у Германіи съ чуждой по происхожденію Пруссіей?—прусское государство было заранѣе предназначено къ тому, чтобы увеличиваться на счетъ Германской имперіи постоянными захватами, по мѣрѣ силъ и возможности. Это стремленіе красной нитью проходитъ черезъ всю исторію Пруссіи и лишь кое-гдѣ прикрывается всевозможными фиговыми листками. Нѣтъ ничего менѣе основательнаго, чѣмъ вздорная выдумка нашей «національной исторіографіи», будто князь Бисмаркъ, основывая прусско-нѣмецкое государство, провелъ въ жизнь новую политическую программу. Это была старая программа еще «великаго» курфюрста. Когда послѣдній, три съ половиною вѣка тому назадъ, отправился въ St-Germain en Laye къ побѣдоносному французскому королю Людовику XIV, чтобы отдать ему въ закладъ нѣмецкую корону за солидное годовое жалованье; когда, въ концѣ прошлаго столѣтія, преемникъ «великаго» курфюрста на *Базельскомъ* мирѣ выбросилъ «непримиримому врагу» лѣвый берегъ Рейна— все это были проявленія той же политики,—въ иной формѣ и съ иными пріемами,—которую пускалъ въ ходъ князь Бисмаркъ въ концѣ 50-хъ годовъ, отправляясь къ Наполеону въ Біаррицъ и Пломбьеръ, чтобы предложить французамъ

возобновленіе базельскаго договора или стремясь вовлечь русскихъ, итальянцевъ, чеховъ и венгровъ въ коалицію противъ Австріи.

Эта династическая политика завоеванія, которую позднѣе стали величать «нѣмецкой миссіей» и «національной политикой», неизбѣжно должна была представлять собою двуликаго Януса. Одна ея физіономія — реакціонная — была обращена внутрь, другая — либеральная — наружу, т.-е. ко всей остальной Германіи, которой предстояло быть «завоеванной». Внутри—полицейски-военная держава, налагающая свою желѣзную лапу на всякое свободное движеніе мысли; извнѣ—«государство интеллигенцій», «государство науки». Внутри—всякія козни и притѣсненія по отношенію къ буржуазіи; извнѣ—трогательная заботливость объ интересахъ той же буржуазіи. Всякое деспотическое завоевательное государство, въ достаточной степени «культурное», хорошо понимаетъ, что торговля не можетъ процвѣтать безъ завоеваній въ области «морали». Древняя Македонія, современная Россія являются образчиками такой двойственности. Политика съ такою точностью опредѣляется общественными отношеніями, что существенное отклоненіе въ сторону для нея немыслимо. Подобно тому, какъ *духовное завѣщаніе Петра Великаго*, написанное почти сто лѣтъ тому назадъ, и до сихъ поръ является слово въ слово программой русской политики, точно также же и мемуары, составленные въ свое время «великимъ корфюрстомъ» для его парижскаго хозяина, содержали бы въ себѣ всю національную и патріотическую политику великаго Фридриха и великаго Бисмарка—вѣдь «велики» всѣ они безъ исключенія,—если бы они сохранились до настоящаго времени. Ибо такъ называемый «фридриціанизмъ» и бисмаркизмъ представляютъ собою лишь различные оттѣнки одного и того же цвѣта. Удивительно, въ самомъ дѣлѣ, какъ далеко можно уйти, имѣя въ запасѣ лишь одну прямолинейную идею, и какъ мало требуется умственнаго багажа, чтобы управлять міромъ.

Таможенный Союзъ былъ необходимъ нѣмецкой буржуазіи. Понявъ эту экономическую необходимость, Пруссія одержала побѣду надъ Австріей, правительство которой не подозрѣвало всей важности экономическихъ силъ. Причина этой прозорливости крылась не въ большемъ «либерализмѣ» прусскаго правительства, а въ присущемъ ему инстинктѣ завоевателя, умѣющаго использовать для своихъ цѣлей всякія силы и даже наиболѣе ему ненавистныя; этотъ-то инстинктъ подсказалъ Пруссіи, какую пользу можно извлечь изъ буржуазнаго стремленія къ экономическому объединенію. Промышленность и торговля развились до такихъ размѣровъ—главнымъ образомъ, въ Рейнской провинціи и Вестфаліи, Саксоніи и Силезіи,—что многочисленность нѣмецкихъ государствъ превратилась для нихъ въ оковы, которыя необходимо было сокрушить во что бы то ни стало. Каждая изъ таможенныхъ заставъ между отдѣльными государствами—а ихъ было цѣлыхъ четыре дюжины—являлась стѣною, на которую наталкивалась молодая торговля, а безъ торговли невозможно развитіе промышленности. Таможенный Союзъ разбилъ эти оковы, уничтоживъ, правда, не многочисленность государствъ, а лишь таможенныя заставы. Буржуазія не оказалась неблагодарной. Не прусскія войска, не прусское юнкерство, не битвы при Кениггрецѣ, Мецѣ и Седанѣ, а *Таможенный Союзъ* доставилъ Пруссіи гегемонію въ Германіи и возложилъ нѣмецкую имперскую корону на голову Гогенцоллерновъ.

Въ срединѣ 30-хъ годовъ травля демагоговъ была въ полномъ разгарѣ: къ этой эпохѣ относится убійство заключеннаго *пастора Вейдига*. Но оппозиціонный духъ продолжалъ расти и крѣпнуть. «*Семеро геттингенцевъ*»—семь профессоровъ, отказавшихся одобрить нарушеніе конституціи въ Ганноверѣ,—чествовались по всей Германіи. Въ наше время подобное ничтожное событіе прошло бы почти незамѣченнымъ. Мы привыкли къ болѣе крѣпкому «душку»! Со смертью прусскаго короля Фридриха-

Вильгельма III, преданнаго союзника Меттерниха и заклятаго врага всякихъ новшествъ, какъ это обыкновенно бываетъ, зародились надежды на наслѣдника престола. «Многообѣщающій кронпринцъ», Фридрихъ Вильгельмъ IV, взошелъ на престолъ 7 іюня 1840 года. Этотъ король, самый способный и образованный изъ всѣхъ Гогенцоллерновъ, за исключеніемъ, конечно, «стараго Фрица», сумѣлъ польстить туманнымъ національнымъ стремленіямъ еще болѣе туманными, но красивыми фразами: заря новой эры засіяла на горизонтѣ передъ ослѣпленными людьми; но путь въ обѣтованную страну лежалъ черезъ сѣти. И не однѣ увлекающіяся головы—даже благоразумные, расчетливые люди повѣрили въ чудо. Въ 1842 году рейнская буржуазія основала подцензурный органъ, съ цѣлью неутомимой пропаганды своихъ требованій. Редакторомъ этой газеты былъ *Карлъ Марксъ*, сторонникъ гегельянской философіи, съ высотъ которой бурная, стремительная юность прокладывала себѣ путь на землю, въ область практической политики. Газету стали постепенно душить и, наконецъ, 31 марта 1843 года прихлопнули. Марксъ, для котораго еще не настало время въ Германіи, пустился въ поиски по бѣлому свѣту, гдѣ взгляды свободнѣе, гдѣ общественныя отношенія здоровѣе, развитѣе и выше. Рѣчи юнаго короля, своею безпорядочностью, логическими скачками и постояннымъ повтореніемъ навязчивыхъ идей уже выдававшія ужасную болѣзнь, помутившую разсудокъ несчастнаго монарха,—эти рѣчи все болѣе и болѣе теряли свое либеральное направленіе: самый мрачный мистицизмъ, романтическія грезы о реакціонномъ государствѣ прошлаго совершенно завладѣли умомъ короля, который утратилъ свою популярность съ такою же быстротою, съ какою пріобрѣлъ ее. Конфликтъ съ католической церковью—въ эту трясину заманилъ его блуждающій огонекъ примиренія папства съ протестантизмомъ—естественно, повлекъ за собой сильное пораженіе короля въ культуркампфѣ; а этотъ фактъ—не менѣе естественнымъ образомъ---нисколько не повышалъ политич-

государственному дѣятелю Бисмарку совершить ту же попытку, только въ болѣе крупномъ масштабѣ, и тѣмъ подготовить себѣ пораженіе соотвѣтствующихъ размѣровъ. [illegible] партіи существуютъ только для того, чтобы [illegible] господами государственными дѣятелями, ахиллесовой пятой которыхъ всегда являются [illegible] позиціи. За поддержку культуркампфа и [illegible] въ культуркампфѣ должны были расплатиться [illegible] и монархія. Но дѣло не ограничилось этимъ пораженіемъ. Одна ошибка влекла за собой другую. Общее недовольство все болѣе и болѣе обострялось. Несмотря на цензуру, несмотря на давленіе сверху, настроеніе становилось все враждебнѣе существующему порядку. Въ памфлетахъ, въ стихотвореніяхъ, при всякомъ удобномъ случаѣ,—особенно въ юго-западной Германіи, гдѣ было больше простора для политической жизни, чѣмъ въ палатахъ,—велась борьба противъ господствующаго строя. Прутцъ, Гервегъ, Фрейлигратъ, Гейне стали любимцами народа; покушеніе Чеха на прусскаго короля (26 іюля 1844 года), вмѣсто взрыва нравственнаго возмущенія, вызвало лишь потокъ открытыхъ оскорбленій величества словомъ, письмомъ или кистью. Въ самой Пруссіи все громче, почти угрожающе звучитъ требованіе конституціи. Раскаленной лавой падаетъ грозный призывъ *Іоганна Якоби* на совѣсть буржуазіи. Король, жаждущій похвалъ, какъ и всѣ фразеры, рѣшается на спасительный шагъ. Въ Пруссіи существовала дюжина жалкихъ пародій на народное представительство, такъ называемыхъ „*провинціальныхъ ландтаговъ*“. Королевскимъ указомъ 3 февраля 1847 года всѣ эти провинціальные ландтаги созывались къ 10 апрѣля въ Берлинъ, гдѣ они должны засѣдать подъ названіемъ „*Соединеннаго ландтага*“ и подавать королю «совѣщательный голосъ». Язвительный смѣхъ былъ отвѣтомъ проснувшагося общественнаго мнѣнія. Чтобы никто не обманывался «безсмысленными мечтаніями», король въ первомъ же засѣданіи объявилъ «соединенный»

пулямъ, что они не имѣютъ никакого права защищать какія-либо мнѣнія, и онъ никогда не потерпитъ, чтобы *листъ бумаги* сталъ между Владыкой «Небеснымъ и этой страной». Листомъ бумаги была торжественно обѣщанная конституція, а представителемъ Владыки Небеснаго на землѣ былъ помазанникъ Божій. «Соединенный ландтагъ» занимался переливаніемъ изъ пустого въ порожнее до 26 іюня, а въ этотъ день его постигла королевская немилость: онъ былъ распущенъ. Спасительный шагъ только ухудшилъ положеніе дѣлъ. Никто не поддался на удочку высокопарнаго названія «Соединенный ландтагъ». Дюжина маленькихъ косичекъ, свалявшихся въ одинъ большой колтунъ,—что путнаго могло выйти изъ такой комбинаціи? А между тѣмъ Трейчке сдѣлалъ открытіе, что этотъ колтунъ былъ «началомъ новой Германіи»!

Трудно описать настроеніе, царящее въ Германіи. Буржуазія пользуется даже религіей, какъ орудіемъ проявленія своего оппозиціоннаго духа. Въ 1844 году въ Трирѣ былъ выставленъ чудесный хитонъ безъ швовъ; это обстоятельство вызвало усиленное движеніе въ пользу основанія *нѣмецко-католическихъ* и *евангелическихъ свободныхъ общинъ*, движеніе, которое являлось замѣной организованнаго политическаго движенія, существовавшаго лишь въ зародышѣ. Возбужденіе по поводу *августовской рѣзни* въ Лейпцигѣ (1845 года) показало, что воздухъ насыщенъ электричествомъ. Къ грознымъ раскатамъ политическаго недовольства, къ громче и громче раздающимся требованіямъ свободы печати, представительнаго правленія, реформы сейма примѣшивались стоны и вопли жертвъ общественныхъ и экономическихъ бѣдствій. Между тѣмъ какъ въ Рейнской провинціи и Вестфаліи начинала возникать современная крупная индустрія, въ *Силезіи* кустарная промышленность переживала мучительную агонію. *Голодный тифъ* значительно разрѣдилъ ея ткацкое населеніе; а тѣхъ изъ оставшихся въ живыхъ, у кого еще хватило силъ, чтобы наброситься въ слѣпой ярости на

своихъ угнетателей, правительство навѣки успокоило пулями, этимъ единственнымъ средствомъ государственной помощи. Душераздирающая трагедія *возстанія силезскихъ ткачей* (1844 г.) смѣнилась пошлымъ фарсомъ—провокаторской дѣятельностью полицейскаго генія *Штибера*, которому суждено было, заслуживъ себѣ шпоры на этомъ поприщѣ, въ теченіе тридцати лѣтъ быть геніемъ-вдохновителемъ прусской политики и прусской полиціи, и эту миссію онъ выполнилъ съ такимъ успѣхомъ, какъ будто былъ посланъ самимъ Провидѣніемъ. Въ довершеніе народныхъ бѣдствій, въ результатѣ засухи пожарнаго года («Гамбургъ въ огнѣ») 1842 г. и проливныхъ дождей 1844 г., наступили неурожаи, за которыми слѣдовало нѣсколько лѣтъ недородовъ и дороговизны; источникомъ послѣдней отчасти была картофельная болѣзнь, опустошившая Ирландію и проникшая въ Германію. *Рыночный мятежъ* и *картофельная крамола* нанесли смертельный ударъ престижу власти, и безъ того значительно расшатанному безпорядочными рѣчами и поступками короля. Всюду одно настроеніе: всеобщее недовольство, всеобщее сомнѣніе въ прочности существующаго порядка, всеобщее ожиданіе какого-то потрясающаго событія, которое расчиститъ атмосферу и положитъ конецъ общественному позору. И всѣ взоры были *обращены на западъ*.

Нѣмецкая буржуазія

къ тому времени уже достаточно развилась, чтобы начать сознавать свою силу, но еще недостаточно для того, чтобы почерпнуть *изъ своихъ собственныхъ нѣдръ* иниціативу буржуазной революціи противъ средневѣковаго феодальнаго хлама, какъ это сдѣлала два вѣка тому назадъ англійская буржуазія и два поколѣнія тому назадъ—французская.

Ей необходимъ былъ толчокъ. И ожиданія не были обмануты: толчокъ пришелъ съ *запада*. Уже давно сказано: солнце свободы движется, въ противоположность дневному свѣтилу, не съ востока на западъ, а съ запада на востокъ. И дѣйствительно, иноземная, чуждая по происхожденію Франція всегда оказывала гораздо большее вліяніе на политическія судьбы Германіи, чѣмъ родственная Англія. Этотъ фактъ, который, между прочимъ, служитъ доказательствомъ ошибочности того ученія, по которому «національный» принципъ является важнѣйшимъ, если не единственнымъ, факторомъ въ процессѣ образованія государствъ, объясняется географическими и историческими условіями. Между тѣмъ, какъ германская Англія, со своей стороны, оказывала сильное и продолжительное политическое вліяніе на романскую Францію, которая, впрочемъ, какъ указываетъ самое ея названіе, не лишена значительной примѣси германской крови—не менѣе значительной, чѣмъ восточно-прусская Германія,—та же Англія почти абсолютно не имѣла политическаго вліянія на Германію; послѣдняя уже съ XVI и XVII вв. до такой степени отстала въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ, что одно уже это обстоятельство являлось препятствіемъ для установленія болѣе близкой связи между обѣими странами. И въ самомъ дѣлѣ, что могли заимствовать у насъ англичане? Въ міровой торговлѣ они намъ не уступали, и Германія не имѣла для нихъ никакой цѣны. Тѣмъ болѣе замѣчательно литературное вліяніе Англіи на Германію, вліяніе, которому мы въ значительной степени обязаны возрожденіемъ нашей литературы въ прошломъ столѣтіи. Франція же, напротивъ, еще прежде, чѣмъ получила это названіе, находилась въ постоянныхъ раздорахъ съ Германіей по поводу пограничной линіи. Между владѣніями галловъ и германцевъ никогда не существовало опредѣленныхъ, общепризнанныхъ границъ. Поэтому войны изъ-за пограничнаго вопроса никогда не прекращались. Въ эпоху римскаго владычества границы Германіи были да-

лево отодвинуты назадъ—вплоть до того момента, когда Галлія была завоевана франками. А послѣ дѣлежа франкской монархіи, охватывавшей при Карлѣ Великомъ Францію и Германію, границы между обѣими странами подвергались постояннымъ передвиженіямъ. Упадокъ, въ которомъ находилась Германія съ самаго начала XVI столѣтія, долженъ былъ явиться стимуломъ для французскаго вмѣшательства въ нѣмецкія дѣла. Германская имперія была тогда въ такомъ же положеніи, какъ современная Турція: она представляла собою огромный общественный пирогъ, служившій приманкой не для однихъ только отечественныхъ монарховъ,—Германія страдала не отъ анархіи—напротивъ: на горе, небо надѣлило ее слишкомъ многочисленными правителями. Каждый стремился урвать себѣ кусокъ этого пирога, что и дѣлалъ съ успѣхомъ. Само собою разумѣется, что французы стремились къ тому же и не отставали отъ другихъ. Было бы смѣшно возмущаться по этому поводу. Тотъ, кто *честно* возмущается тогдашними недостойными и позорными порядками, долженъ направить свое негодованіе по настоящему адресу: по адресу предательской клики нѣмецкихъ монарховъ, которые всѣ, безъ единаго исключенія, измѣнически заключали союзы съ коронованными хищниками другихъ странъ, чтобы съ ихъ помощью завладѣть по возможности большей частью Германіи. Только круглое невѣжество или подлое холопство можетъ отрицать тотъ безспорный фактъ, что національный упадокъ пустилъ гораздо болѣе глубокіе корни на тронахъ и у подножія троновъ, чѣмъ въ остальныхъ слояхъ населенія. И всякій историкъ, который не съ византійскими румянами или лакомъ фальсификатора, а съ фонаремъ Діогена въ рукахъ будетъ искать среди сотенъ и тысячъ монарховъ Германской имперіи хоть одного, кто былъ бы дѣйствительно *нѣмецкимъ* государемъ,—этотъ историкъ не найдетъ того, чего онъ искалъ. Во Франціи, Англіи, Италіи—какъ ни низокъ былъ и тамъ нравственный уровень—все же встрѣчались среди государей, но

крайней мѣрѣ, единичныя личности, жившія національными интересами и стремившіяся къ величію своей націи. Въ Германіи же не было ни одного.

40-е годы нашего столѣтія были неблагопріятны для монархіи и законности: величественное сіяніе Священнаго Союза замѣтно тускнѣло. Изъ-подъ почвы то и дѣло вспыхивали подозрительные языки и язычки пламени, вѣстники подземнаго огня. 15 декабря 1843 года *военное и народное возстаніе* охватило *Аѳины*. Пушечныя жерла направились на замокъ бѣднаго баварца Оттона Греческаго. И «конечный аргументъ», выставляемый здѣсь противъ короля, являлся неотразимымъ—требованіе конституціи необходимо было удовлетворить. Хотя Оттонъ былъ лишь мелкимъ государемъ и своимъ вступленіемъ на греческій престолъ, собственно, выдѣлился изъ семьи европейскихъ монарховъ, но сущность дѣла заключалась въ томъ, что монархическій принципъ принужденъ былъ склониться передъ революціей,—душа Меттерниха омрачилась скорбью. Но вскорѣ болѣе серьезная опасность отклонила его вниманіе: въ сохранившемся остаткѣ *Польши*—Краковѣ и сосѣднихъ съ нимъ польскихъ провинціяхъ Австріи, Пруссіи и Россіи подготовлялось возстаніе, которое и разразилось зимою 1845—46 года. Меттернихъ очень искусно принялъ свои мѣры. Онъ гомеопатически лѣчилъ одно возстаніе другимъ. Въ Галиціи заговорщиками были преимущественно дворяне, которыхъ глубоко ненавидѣли мѣстные русинскіе крестьяне,—почтеннѣйшій Меттернихъ направилъ крестьянъ на дворянство и аккуратно уплачивалъ черезъ своего агента солидное вознагражденіе за каждый сожженный дворянскій замокъ, за каждую отрубленную дворянскую голову. Средство подѣйствовало. Въ Галиціи скоро было водворено спокойствіе; въ Пруссіи и Россіи возстаніе было подавлено въ зародышѣ, а для вящшей вѣрности кусокъ Кракова упрятанъ въ карманъ Австріей. Эпилогъ этого возстанія разыгрался въ Берлинѣ во время *польскаго процесса* въ августѣ мѣсяцѣ 1847 года,

а заключительный актъ его и мщеніе исторической немезиды въ *мартѣ* 1848 года.

Не успѣло водвориться спокойствіе въ Польшѣ, какъ забилъ набатъ на сѣверѣ. *Шлезвигъ-голштинскій вопросъ* впервые вспыхиваетъ въ «открытомъ письмѣ» датскаго короля Фридриха VIII и поддерживается въ этомъ состояніи «горѣнія» почти цѣлыхъ двѣсти лѣтъ. Частности этого спора, а именно, такъ называемый правовой вопросъ, лишены всякаго интереса. Это былъ одинъ изъ тѣхъ искусственно сфабрикованныхъ вопросовъ, которые дипломатія выбрасываетъ, какъ кость, общественному мнѣнію, чтобы отвлечь его вниманіе отъ тѣхъ вопросовъ, гдѣ кроется серьезная опасность. Съ демократической и *родственной* Даніей—къ которой этотъ эпитетъ гораздо болѣе примѣнимъ, чѣмъ къ *соплеменному* Шлезвигъ-Голштейну—стали обращаться, какъ съ объектомъ для политической вивисекціи, къ величайшей радости тупоумныхъ филистеровъ. Передъ Россіей тогда раболѣпствовали и ловили ея приказанія на-лету. Демократическая Германія никогда не была въ разладѣ съ Даніей. Въ одинъ прекрасный день прусскаго короля осѣнила счастливая мысль. Онъ подумалъ: «ненависть между датчанами и нѣмцами—одна изъ величайшихъ глупостей нашего столѣтія». Эту-то «величайшую глупость» онъ и использовалъ въ «бурный годъ». Но объ этомъ послѣ. Пока замѣтимъ одно: само собою разумѣется, что при этой игрѣ «въ кошку и мышку» мышка Шлезвигъ-Голштейнъ, въ концѣ концовъ, попала на обѣдъ кошкѣ Пруссіи.

Въ «безбрежное море» восторговъ и ликованій вдругъ бомбой врывается извѣстіе объ удачной революціи. 9 октября 1846 года радикалы, при помощи пушекъ и ружей, свергли консервативное кантональное правительство Джемса Фази; при всѣхъ своихъ небольшихъ размѣрахъ, это была революція по всѣмъ правиламъ, въ самомъ дурномъ парижскомъ стилѣ. Но особенно зловѣще звучало извѣстіе объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ эту революцію.

Въ *Швейцаріи*, которой «Священный Союзъ» оставилъ ея «республиканскій» режимъ съ той цѣлью,—по признанію преемника царя Александра—Николая I,—чтобы она своими крайностями внушала монархическимъ народамъ отвращеніе къ республикѣ, подобно тому, какъ нѣкогда пьяные илоты должны были внушать молодымъ спартанцамъ отвращеніе къ пьянству,—въ этой странѣ радикалы задумали, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, отнять у республики характеръ пугала. Для этого было необходимо коренное измѣненіе конституціи. Священный Союзъ далъ отдѣльнымъ кантонамъ абсолютный суверенитетъ, такъ что самый ничтожный коренной кантонъ могъ запретить всякую реформу посредствомъ liberum veto, того самаго орудія, съ помощью котораго три хищническія державы подготовили Польшу къ раздѣлу. Католическіе кантоны, за спиной которыхъ скрывался Меттернихъ и К°., призвали въ страну противъ радикаловъ небесную полицію—іезуитовъ. Радикалы сперва хотѣли отдѣлаться отъ черной банды кратчайшимъ путемъ—при помощи добровольныхъ отрядовъ, но имъ не посчастливилось: они принуждены были избрать болѣе длинный путь—*пересмотра конституціи*. Но для этого необходимо было выиграть требуемыя двѣ трети голосовъ въ сеймѣ. Дѣло не терпѣло отлагательствъ. Для самообороны, въ случаѣ внезапнаго нападенія, католическіе кантоны въ 1844 году заключили между собою «Отдѣльный Союзъ» («Зондербундъ») и привлекли на свою сторону одного изъ полководцевъ Союза. Швейцаріи грозило распаденіе, если немедленно не будетъ положенъ конецъ такимъ раздорамъ. Консервативныя кантональныя правительства протестантской Швейцаріи стояли на сторонѣ Зондербунда. Самымъ вліятельнымъ изъ этихъ правительствъ было женевское, и оно пало. Это событіе предвѣщало скорую гибель Зондербунда. Прошло, однако, немало времени, прежде чѣмъ пришла въ движеніе старая, тяжелая на подъемъ союзная машина. Но она *пришла* въ движеніе. Тщетно рвалъ и металъ Меттернихъ, взывая къ своимъ

достойнымъ союзникамъ во Франціи, Пруссіи и Россіи— на засѣданіи 20 іюля 1847 года было получено требуемое большинство голосовъ и рѣшено распущеніе Зондербунда, подъ угрозой высылки войскъ со стороны Союза. Срокъ былъ назначенъ на 18 октября. Этотъ срокъ истекъ. Не желая слишкомъ торопить, правительство еще разъ отложило засѣданіе—до 29 октября. Но кантоны Зондербунда не покорились: они начали готовиться къ войнѣ. Тогда федеральное правительство стало дѣйствовать такъ же быстро, какъ и энергично. 4 ноября союзный генералъ Дюфуръ стоялъ уже во главѣ 65.000 вооруженныхъ людей; двое изъ мятежныхъ кантоновъ немедленно капитулировали, а 23 ноября войска Зондербунда потерпѣли такое сильное пораженіе при Гисликонѣ, что не могло быть и рѣчи о дальнѣйшемъ сопротивленіи. Лишь послѣ этого Швейцарія могла произвести коренную реформу своей конституціи: тогда была положена основа современной швейцарской конституціи, системѣ народной милиціи, а также демократической общественной собственности на землю. Швейцарскія событія произвели грандіозное впечатлѣніе: это была блестящая побѣда демократіи и тяжкое пораженіе монархической Европы, ибо въ лицѣ Зондербунда разбиты были Меттернихъ и Гизо, Фридрихъ-Вильгельмъ IV и царь Николай. «Пьяный плотъ» показалъ свою мощь надменному опричнику.

«Въ горахъ раздался первый выстрѣлъ». Озадаченные рыцари Священнаго Союза охотно организовали бы крестовый походъ противъ Швейцаріи: особенно взбѣшенъ былъ Фридрихъ-Вильгельмъ IV, потерявшій при этомъ свой излюбленный Невшатель (Neuenburg), который до того принадлежалъ Пруссіи, хотя и былъ швейцарскимъ кантономъ (дѣло рукъ Вѣнскаго конгресса). Но, между тѣмъ пришла бѣда, растворяй ворота!—пожаръ вспыхнулъ уже въ другомъ мѣстѣ. И гдѣ же? Тамъ, гдѣ его меньше всего на свѣтѣ можно было ожидать—въ области его святѣйшества, ангела-хранителя Священнаго Союза — въ *папской*

области. 16 іюня 1846 года въ Римѣ собралась коллегія кардиналовъ для выбора новаго папы: она избрала кардинала Мастай-Ферретти, который вступилъ на папскій престолъ подъ именемъ *Пія IX* — Pio Nono. Пока все шло хорошо. Но, едва вступивъ на престолъ, новый папа обнародовалъ всеобщую амнистію, а не только амнистію для воровъ и другихъ уголовныхъ преступниковъ, какъ принято у современныхъ монарховъ. *Политическая* амнистія! Это было [illegible], но ни въ какомъ случаѣ не по-папски. [illegible] умъ. Въ Италіи всеобщее изумленіе, всеобщій восторгъ. Либеральный папа! Народный папа! Evviva Pio Nono!

Италія находилась тогда въ такомъ же состояніи раздробленія и порабощенія, какъ и Германія. Бурбоны въ южной ея части, Габсбурги въ сѣверной играли роль полицейскихъ, а нерѣдко и палачей. Идея объединенія насчитывала уже многочисленныхъ мучениковъ: она носила національный характеръ, такъ какъ ненавистные австрійцы были главными поработителями и главными врагами національнаго единства. Являлся вопросъ, захочетъ ли папа стать во главѣ національнаго движенія. Но папа не только преклоняется передъ этимъ движеніемъ, онъ льститъ ему, онъ оказываетъ ему поддержку. Черезъ годъ послѣ своего вступленія на папскій престолъ Пій IX становится конституціоннымъ монархомъ: онъ разрѣшаетъ собраніе консульты, т.-е. палаты. Утроенный, удесятеренный восторгъ. Карлъ-Альбертъ, король маленькаго Савойскаго Пьемонта, мечтавшій разыгрывать такую же роль въ Италіи, какую Пруссія — въ Германіи, и видѣвшій въ Италіи лакомый кусокъ, сталъ завидовать папѣ и стремиться превзойти его въ либерализмѣ. Даже *Мадзини*, человѣкъ весьма неглупый и опытный, повѣрилъ въ демократическаго папу и самымъ серьезнымъ образомъ призывалъ его — въ ноябрѣ 1847 года — стать во главѣ національнаго движенія. И въ самомъ дѣлѣ, демократическій папа менѣе невозможенъ, чѣмъ демократическій императоръ, точно такъ, какъ *со-*

ціальное папство болѣе немыслимо, чѣмъ *соціальное королевство* или *соціальная имперія*. Итальянское движеніе растетъ съ быстротою лавины. Въ январѣ 1848 года вспыхиваетъ возстаніе въ Сициліи. Неаполитанскій король Фердинандъ II, будущій «Король Бомба», обѣщаетъ конституцію, король Альбертъ также обѣщаетъ конституцію, великій герцогъ тосканскій Леопольдъ, въ свою очередь, обѣщаетъ конституцію. Въ такомъ положеніи остаются дѣла до февраля 1848 года. Меттернихъ и К° какъ громомъ поражены. Что-то будетъ?

Священный Союзъ уже расшатанъ: но его фундаментъ, его основа остается незыблемой. Обманчивая иллюзія! Въ фундаментѣ вдругъ получается трещина, и краеугольный камень, на которомъ держится искусственное зданіе, съ трескомъ разлетается вдребезги. Старый революціонный кратеръ снова началъ клокотать и дымиться, въ его нѣдрахъ исчезаетъ *французская буржуазная монархія*.

«Король-гражданинъ» Луи-Филиппъ, «лучшій изъ республиканцевъ», какъ назвалъ его въ 30-хъ годахъ старый «простофиля» Лафайетъ, вначалѣ былъ страшилищемъ для законныхъ монарховъ, благодаря революціонному происхожденію своей короны, которую онъ получилъ по милости улицы; на его голову сыпалось немало брани. Но впослѣдствіи, поморщивъ нѣкоторое время августѣйшіе носы и убѣдившись, наконецъ, въ томъ, что революціонный «король баррикадъ» ничего въ мірѣ такъ не боится, какъ баррикадъ и революцій, и что онъ, въ общемъ, довольно благоразумный и покладистый малый,—европейскіе монархи приняли его въ свою «семью», какъ «добраго брата», какъ приняли они, 20 лѣтъ спустя, мошенника и негодяя Луи-Наполеона: «на Олимпѣ» царитъ не особенно разборчивая компанія. Такая терпимость является необходимымъ условіемъ самого «ремесла», по выраженію императора Іосифа II, «ремесла», которое, замѣтимъ мимоходомъ, всегда стояло выше пошлаго, присущаго лишь темной черни «національнаго» предразсудка. Поэтому, во всемъ мірѣ нѣтъ болѣе

интернаціональнаго общества, чѣмъ общество монарховъ, отличительнымъ признакомъ которыхъ уже спокон вѣка, служитъ революціонный красный цвѣтъ: только онъ называется у нихъ пурпуромъ. Каждый членъ этого общества готовъ править всевозможными странами, у каждаго, безъ исключенія, есть «родные человѣчки» во всѣхъ концахъ земного шара. «Король-гражданинъ» скоро превратился въ буржуазнаго короля; онъ съ такимъ искусствомъ водилъ за носъ щепетильный французскій народъ, что былъ поставленъ «олимпійцами» на-ряду съ самимъ Меттернихомъ, бывшимъ до того единственнымъ въ своемъ родѣ, и превознесенъ до небесъ восхищеннымъ королемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ IV: «Государь, вы—щитъ европейскихъ монархій, рука, подъятая Провидѣніемъ, чтобы спасти дѣло цѣлыхъ столѣтій и укрѣпить общество на его исконныхъ, но потрясенныхъ основахъ».

Такъ писалъ Фридрихъ-Вильгельмъ IV 31 января 1848 г. А нѣсколько недѣль спустя, тотъ самый «щитъ», который 18 лѣтъ тому назадъ подобрали на «*парижской* мостовой», валялся, сломанный, въ грязи на улицахъ *Лондона*.

Но мы зашли слишкомъ далеко. «Король-гражданинъ» превратился въ буржуазнаго короля и пока еще твердо сидитъ на своемъ тронѣ. Но въ началѣ 30-хъ годовъ королевское спокойствіе было нарушено голоднымъ возстаніемъ ткачей, вспыхнувшимъ въ Ліонѣ, гдѣ кустари были обречены на гибель введеніемъ машиннаго производства. «Vivre en travaillant ou mourir en combattant!»—«жить работая, или умереть, сражаясь!» Этотъ до глубины души потрясающій боевой кличъ прозвучалъ грознымъ вѣстникомъ *соціальной революціи*, нежеланнаго дѣтища *экономической революціи*, которая всюду выростаетъ изъ-подъ земли, гдѣ касается ея желѣзная стопа побѣдоноснаго капитализма. Но развѣ тираны когда-нибудь видятъ грозное «мене текелъ фаресъ», огненными буквами начертанное на стѣнѣ? Голодные ткачи были усмирены по хорошо извѣстному интернаціональному рецепту: теперь Гизо — этотъ

серьезный пророкъ буржуазной монархіи, стоявшій у кормила правленія попеременно со *смѣхотворнымъ* пророкомъ и паяцомъ Тьеромъ, — могъ свободно проповѣдывать господамъ капиталистамъ *единственное* евангеліе, полное для нихъ глубокаго смысла: «Enrichissez-vous!—*Обогащайтесь!*—Обогащайтесь! Передъ вами Франція, передъ вами 35 милліоновъ французовъ — грабьте Францію, обирайте 35 милліоновъ французовъ! Буржуазная монархія — ваша охрана! Мы—*ваше* правительство!» И господа капиталисты были удовлетворены. Въ палатѣ депутатовъ эти «удовлетворенные» творили волю правительства, какъ само правительство творило ихъ волю. То была знаменитая «палата удовлетворенныхъ», der «Satisfaits!» Но народъ, «vile multitude», какъ называли его господа «удовлетворенные»,—подлая чернь, состоящая изъ тѣхъ, кто *не* грабилъ и *не* эксплоатировалъ, а, напротивъ, самъ былъ *жертвой* грабежа и эксплоатаціи,—этотъ народъ не былъ «удовлетворенъ». Республиканскія идеи широко распространились въ массахъ; соціализмъ овладѣлъ головами и сердцами всѣхъ, безъ исключенія, республикански настроенныхъ рабочихъ. Луи-Филиппа больше чѣмъ ненавидѣли: онъ вызывалъ презрительный смѣхъ своей алчностью и мѣщанскими повадками. Всеобщее недовольство проявлялось въ многочисленныхъ заговорахъ, мятежахъ, покушеніяхъ,—но тронъ все еще оставался незыблемымъ. Жалкая роль, сыгранная правительствомъ по отношенію къ „Зондербунду“, и частые скандалы, раскрывавшіе язву глубокаго разврата, проникшаго даже въ высшіе правительственные круги, обостряли народное ожесточеніе, выраженіемъ котораго явилось такъ называемое «движеніе въ пользу реформы». Радикальная партія напала на мысль приложить рычагъ къ «удовлетворенной палатѣ», или, вѣрнѣе, подвести *подъ* нее. Эта палата, фигурировавшая въ качествѣ «народнаго представительства», была, въ дѣйствительности, избрана голосованіемъ менѣе четверти милліона гражданъ, платившихъ въ годъ свыше 200 франковъ прямыхъ нало-

говъ, а, слѣдовательно, она была избрана самыми богатыми людьми во Франціи — *капиталистами*. Необходимо было расширить избирательное право. О *всеобщемъ* избирательномъ правѣ радикалы тогда еще и не мечтали: они стремились лишь къ пониженію избирательнаго ценза, которое могло бы создать тогда контингентъ избирателей — около полумилліона.

Начался періодъ «*банкетовъ реформы*» («идейные» банкеты были тогда въ большой модѣ), число посѣтителей которыхъ росло со дня на день. Правительство нѣкоторое время не придавало имъ никакого значенія. Но мало-помалу въ немъ пробудилась тревога, и, когда 21 февраля 1848 г. въ Парижѣ былъ объявленъ банкетъ на слѣдующій день, правительство запретило его. Это запрещеніе подлило масла въ огонь. 22 февраля «подлая чернь» толпами прогуливалась по улицамъ, что въ Парижѣ съ давнихъ поръ является весьма опаснымъ для правительства развлеченіемъ. «Да здравствуетъ реформа!» несется изъ тысячи грудей, все громче и громче звучитъ этотъ возгласъ. Полиція безсильна: она не успѣваетъ разогнать одну кучку, какъ на ея мѣстѣ выростаетъ другая, болѣе многочисленная. «Подлая чернь» — это *народъ*. Парижскій народъ вышелъ на улицу. [illegible] рабочіе вмѣстѣ съ радикально настроенной мелкой буржуазіей — тѣ самые два класса, которые плечомъ къ плечу сражались на баррикадахъ въ іюлѣ 1830 года и въ награду за это были обмануты «королемъ-гражданиномъ». Теперь можно отомстить за монархическую продѣлку и улучшить свое положеніе; эта мысль мелькаетъ на мгновеніе, но она еще не переходитъ въ дѣло. До настоящей борьбы въ этотъ день еще не доходитъ. На слѣдующее утро «подлая чернь» опять на улицахъ, болѣе многочисленная, болѣе гнѣвная, чѣмъ наканунѣ. Въ разныхъ мѣстахъ строятся баррикады. Войска надвигаются — столкновенія пока еще нѣтъ. Но вдругъ возгласъ: «Да здравствуетъ реформа!» смѣняется крикомъ: «Долой правительство! Долой монархію!» Улицы переполнены на-

рдость; весь Парижъ — одно грозное, бушующее море. Одна человѣческая волна докатывается — или ее докатываютъ — до дома Гизо, охраняемаго войсками. Человѣческая волна наталкивается на солдатъ, ей нѣтъ дороги ни назадъ, ни впередъ! Зловѣщее затишье передъ бурей... И вдругъ выстрѣлъ! Раздирающій душу [illegible]. И вслѣдъ затѣмъ — крикъ бѣшенства тысячной толпы, крикъ злобы и мести. Месть! Къ оружію! Баррикады! Долой Луи-Филиппа!

«Роковой» выстрѣлъ, оказавшійся впослѣдствіи «случайнымъ», какъ и другіе выстрѣлы, раздавшіеся послѣ него въ различныхъ мѣстахъ, оказалъ такое же дѣйствіе, какъ первый ударъ грома на грозовую тучу: буря съ трескомъ «разорвалась» и хлынула черезъ прорвавшіеся шлюзы весь гнѣвъ и все отчаяніе, которыя копили они въ своихъ нѣдрахъ. Въ мгновеніе ока выросли чуть-ли не сотни баррикадъ. Бой загорѣлся сразу въ сотнѣ мѣстъ.

Правительство все еще считало себя господиномъ положенія. Въ Парижѣ было сконцентрировано 37.000 солдатъ, подъ начальствомъ Бюжо, самаго жестокаго и свирѣпаго изъ алжирскихъ генераловъ. Алжирія играла роль «великой военной школы», въ которой люди *обучались* военному искусству и *отучались* отъ человѣчности. Подъ охраной Бюжо, съ его 37.000-нымъ войскомъ, Луи-Филиппъ чувствовалъ себя сравнительно спокойнымъ. Но, увы! Это спокойствіе продолжалось недолго. Аппетитъ разыгрывается при ѣдѣ... и при уличной борьбѣ. Войска, несмотря на все свое звѣрство, оказались безсильными противъ разраставшагося съ минуты на минуту возстанія. Уличный бой не прекращался всю ночь. А на слѣдующее утро, 24 февраля, возстаніе превратилось уже въ революцію. О реформѣ больше не было рѣчи. Всюду гремѣло раскатами: «Vive la République!»

Правительство потеряло голову. Луи-Филиппъ, его министры, его генералы — всѣ окончательно потеряли голову, какъ теряетъ ее всякій, кто во время бушующаго прилива чувствуетъ, какъ поглощаетъ его безпощадная стихія.

Смѣщеніе министерства! Преобразованіе государственнаго строя! Пересмотръ конституціи! Дутыя обѣщанія, какъ мыльные пузыри, летятъ одно за другимъ. — «Vive la République!» — раздается въ отвѣтъ. Бюжо неутомимъ: выстрѣлъ за выстрѣломъ, залпъ за залпомъ! Все тщетно.

Доморощенные мудрецы, крѣпкіе заднимъ умомъ, любятъ доказывать post factum, при помощи всевозможныхъ «если бы» да «кабы», что событія могли и должны были принять другой оборотъ: но противъ исторической необходимости еще не придумано спасительнаго зелья. Солдаты сражались энергично лишь до тѣхъ поръ, пока не увидѣли, что весь народъ противъ нихъ — весь, за исключеніемъ «удовлетворенныхъ»: эти сытые господа и не думали сражаться. Народъ беретъ приступомъ ратушу. Луи-Филиппъ поспѣшнымъ бѣгствомъ спасаетъ свою тучную особу, вмѣстѣ со своимъ тяжеловѣснымъ кошелькомъ, — настолько поспѣшно, что даже забываетъ обо всѣхъ своихъ. Министры и другія правительственныя лица спѣшатъ попрятаться по разнымъ норамъ или разлетаются въ разныя стороны, какъ стая встревоженныхъ куръ, завидѣвшихъ ястреба. Ихъ примѣру слѣдуютъ рухнувшія опоры трона — тучные господа «удовлетворенные», опасающіеся за свою драгоцѣнную жизнь, ибо баррикадные борцы наказываютъ воровство смертью. Въ часъ дня 24 февраля побѣдоносный народъ вступаетъ въ Тюильри, въ палату депутатовъ и въ городской ратушѣ, которая съ 11 часовъ дня находится во власти народа, провозглашается республика, а на Бастильской площади, тамъ, гдѣ теперь стоитъ памятникъ іюльской революціи, торжественно сжигается *тронъ* іюльской монархіи, вмѣстѣ со всѣми украшающими его побрякушками, вмѣстѣ съ роскошнымъ карнизомъ, на которомъ одинъ изъ баррикадныхъ борцовъ начерталъ мѣломъ слѣдующія слова:

Парижскій народъ ко всей Европѣ!
Братство, равенство, свобода!
Да здравствуетъ республика!

Франція—республика!

Перо отказывается описывать впечатлѣніе, вызванное революціей. Всюду цѣлые милліоны ждали чего-то чудовищнаго, какой-то катастрофы, какъ естественнаго разрѣшенія томительно-удушливой атмосферы, свинцовымъ кровомъ нависшей надъ политическимъ міромъ. И все-таки всѣ были поражены, оглушены совершившимся.

Франція—республика!

Это означало для всѣхъ народовъ земного шара смерть Священнаго Союза, конецъ гнусной полицейской системы, которая, подъ сѣнью Россіи, держала въ позорномъ рабствѣ весь европейскій материкъ изъ своихъ трехъ штабъ-квартиръ—въ Вѣнѣ, Берлинѣ и Парижѣ. Смерть Священнаго Союза! *Священнаго Союза*, на совѣсти котораго тяготѣли не менѣе многочисленныя и не менѣе ужасныя преступленія, чѣмъ на совѣсти *святой инквизиціи!* *Священный* Союзъ—*святая* инквизиція! Каждое изъ ряду выходящее, чудовищное преступленіе должно озаряться лучезарнымъ ореоломъ святости! Изъ всѣхъ европейскихъ государствъ одна Англія осталась глухой ко всѣмъ приманкамъ и угрозамъ Священнаго Союза, зато и до сихъ поръ она является предметомъ ненависти для всѣхъ, кто радуется мерзостямъ и преступленіямъ Священнаго Союза и кто охотно повернулъ бы назадъ колесо исторіи.

Но ни въ одной странѣ Священный Союзъ не успѣлъ натворить столькихъ мерзостей и преступленій, какъ въ Германіи; ни одинъ народъ онъ не успѣлъ такъ оскорбить и унизить, такъ глубоко втоптать въ грязь, какъ нѣмецкій народъ.

Франція—республика!

Это означало для Германіи, вмѣстѣ съ концомъ опеки Священнаго Союза, конецъ той системы, которая въ теченіе 33 лѣтъ навлекала на Германію всеобщее и даже ея собственное презрѣніе, поскольку возможно такое чув-

его. Это событіе, вмѣстѣ съ гибелью Священнаго Союза, конецъ [illegible] Союза, [illegible] и ядовитаго изъ всѣхъ [illegible] Священнаго Союза,—конецъ того [illegible] Союза, [illegible] исторія [illegible], не прерванн[illegible] въ своихъ пятидесяти [illegible] благородн[illegible] [illegible], является непрерывной [illegible] посягательствъ на свободу, благосостояніе и достоинство [illegible] народа.

Франція—республика! Конецъ Священному Союзу! Конецъ Священному Союзу!—[illegible]? Возможно ли это?

Если сравнить Европу съ садомъ, то въ этомъ саду Германія была уголкомъ, гдѣ возвышалась гигантская куча навоза—цѣлая [illegible] гніющихъ веществъ, которая, задерживая свѣтъ и воздухъ, своей тяжестью душила [illegible] и [illegible]. И вотъ, [illegible] какой-то [illegible] силы, эта куча [illegible] если и не [illegible], то сдвинута съ мѣста и разбросана въ разныя стороны, такъ что вдругъ открывается доступъ свѣта и воздуха [illegible], чахлымъ растеньицамъ, которыя еще не успѣли погибнуть. Можно ли было ожидать отъ этихъ [illegible], чтобы они въ короткій срокъ [illegible] въ [illegible] 33 года? Но [illegible] радовались воздуху, свѣту и прекрасному [illegible].

Представьте себѣ [illegible], никогда не знавшаго свободы, узника, который [illegible] цѣлые десятки лѣтъ въ тѣсной тюрьмѣ, вдругъ видитъ, [illegible] раскрывается [illegible] дверь, и слышитъ слова: *ты свободенъ!* Ты можешь дѣлать все, что хочешь! Нѣмецкій народъ находи[illegible] въ такомъ положеніи. [illegible] тюрьма рухнула— [illegible] дѣлать все, что угодно. Никакая злая [illegible] на [illegible], кромѣ собственной робости и [illegible]. [illegible] и [illegible] не только народъ, но и правительства— не меньше его. Они корчились и [illegible] и [illegible], когда человѣче[illegible] [illegible] ихъ камень. Что

дѣлать? Куда идти? Одинъ вопросъ занималъ умы и въ верхахъ, и въ низахъ. И ни въ верху, ни въ низу никто не могъ дать на него отвѣта.

Изъ всѣхъ культурныхъ странъ Германія является наиболѣе раздробленной и по отношенію къ составу, и культурному положенію своего населенія. Южная и сѣверная Германія гораздо рѣзче отличаются другъ отъ друга, чѣмъ южная и сѣверная Франція. Между германскимъ юго-западомъ, который уже 19 вѣковъ тому назадъ пріобщился къ римской культурѣ, и славянскимъ, преимущественно, сѣверо-востокомъ лежитъ почти нѣсколько тысячелѣтій культуры. И эта пропасть, которая съ тѣхъ поръ еще болѣе углубилась, благодаря отсталости остзейскихъ юнкеровъ, и поставила восточную Пруссію въ такое же отношеніе къ юго-западной Германіи, въ какомъ нѣкогда находилась Македонія къ Греціи, — эта пропасть сказалась въ пріемѣ, который встрѣтило извѣстіе о февральской революціи въ различныхъ частяхъ Германіи. На юго-западѣ, гдѣ политическая жизнь была интенсивнѣе и вліяніе Франціи непосредственнѣе, въ крикахъ восторга тотчасъ же зазвучали политическія требованія, —правда, это не были опредѣленныя, точно сформулированныя требованія, но все же политическія. Спокойнѣе была встрѣчена вѣсть въ Берлинѣ, который, несмотря на отвращеніе нѣмецкаго юго-запада къ прусской полицейски-военной системѣ, все болѣе и болѣе превращался въ интеллектуальный центръ Германіи, — въ Бреславлѣ и въ восточной Пруссіи, особенно въ Кенигсбергѣ, этомъ пограничномъ стражѣ и оплотѣ нѣмецкаго духа противъ русскаго вліянія. Здѣсь преобладали два стремленія, провозглашавшія въ стереотипной формѣ лозунга: *свободная и единая* Германія. *Свободная, единая Германія!* Сколько воодушевленія, сколько восторга будила въ сердцахъ эта идея въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій! Какой безумный энтузіазмъ, какое море блаженства охватило всѣхъ, когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, австрійскій эрцгерцогъ Іоганнъ на одномъ праздникѣ провозгла-

спилъ тостъ за *«единую* Германію, могучую и *свободную*, какъ ея горы». И этотъ восторгъ, это ученіе длились такъ долго, что они обнаружились на практикѣ — правда, самымъ непрактичнымъ образомъ — даже нѣсколько лѣтъ спустя. Но мы зашли слишкомъ далеко.

Свободная Германія! Единая Германія!

Свободная Германія — долой цензуру! Долой карлсбадскія постановленія и всякія другія союзные рогатки и намордники! Свобода печати! Свобода совѣсти! Суды присяжныхъ! Національное представительство въ Германскомъ Союзѣ! Національное управленіе! Національная конституція! Слово «національный», столь многозначительное на видъ, должно было скрывать недостатокъ опредѣленности. Таковы, приблизительно, были «національныя» требованія, какъ сформировались они въ Баденѣ, по среднему и нижнему Рейну, въ Саксоніи и, вообще, въ мѣстностяхъ, гдѣ политическая жизнь достигла наибольшаго развитія. И таковы были тѣ требованія, которыя бурнымъ ураганомъ зашумѣли въ ушахъ у всѣхъ властей, у всѣхъ правительствъ, едва только дошло въ Германію извѣстіе о паденіи іюльской монархіи.

Ну, а *«единая»* Германія? Что-жъ — она была просто-на-просто «единой» Германіей? Единая — бесспорно: каждый стремился къ единству, но *какимъ образомъ*? Пока дѣло такъ и покончилось «просто» на единствѣ, вопросъ же — *«какимъ образомъ?»* — былъ предоставленъ будущему.

Что же правительство? Что же власти? Всѣ онѣ были совершенно оглушены ударами, которые уже нѣсколько лѣтъ расшатывали старый порядокъ вещей, и, особенно, громовымъ февральскимъ ударомъ, окончательно поразившимъ его на смерть. Но это не помѣшало имъ весьма скоро очнуться. Если обладаніе властью и не придаетъ ума, зато оно даетъ инстинктъ господства и способность повиновенія, — ускользающую отъ порабощенныхъ, — отчего правительства всегда одерживаютъ верхъ надъ своими политическими противниками, если послѣдніе не успѣютъ

своевременно отнять у нихъ почву и орудія господства,— а справедливость этой мысли слишкомъ часто подтверждалъ намъ именно 1848 годъ. Едва только власти начали приходить въ себя, какъ онѣ сдѣлали то, что было самымъ разумнымъ при данныхъ обстоятельствахъ, а именно, одно изъ двухъ: или онѣ стали подражать тактикѣ нѣкоторыхъ животныхъ, которыя, натолкнувшись на болѣе сильнаго врага и видя, что спасеніе бѣгствомъ невозможно, обыкновенно притворяются мертвыми; или же онѣ принялись съ волками по-волчьи выть, съ овцами по-овечьи блеять. Такимъ образомъ, мы переживали небывалое зрѣлище: всѣ вдругъ бросились въ объятія «народности»; все захлебывалось отъ любви къ благу и свободѣ народа, къ благу и свободѣ отечества. Это былъ настоящій хаосъ ликующихъ голосовъ и ликующихъ людей, и особенно громко нерѣдко выдѣлялись въ немъ голоса тѣхъ, которые имѣли основаніе больше всѣхъ бояться послѣдствій февральской революціи. Въ этомъ водоворотѣ хаотическихъ восторговъ самый хладнокровный и проницательный наблюдатель не сумѣлъ бы различить границъ между партіями—даже въ самыхъ смутныхъ очертаніяхъ. И это въ томъ случаѣ, если бы такой наблюдатель существовалъ. Но его не было. Ибо все и вся кружилось вихремъ. Тотъ фактъ, что *революціонное настроеніе и революціонныя стремленія не встрѣчали никакой оппозиціи*, еще болѣе подчеркивался тѣмъ, что за кулисами въ реакціонномъ лагерѣ вытвердили хвастуны, которые утверждали, что они заранѣе предвидѣли настоящее положеніе и заранѣе боролись съ общимъ болѣзненнымъ стремленіемъ кружиться. Это было ложью. Ни одинъ изъ этихъ господъ не обладалъ ни такой проницательностью, ни такимъ мужествомъ, или, вѣрнѣе, безумной смѣлостью. Вообще, мужество въ реакціонномъ лагерѣ—гдѣ пребываетъ истинная «честь»—дѣло совсѣмъ особаго рода, и мы мимоходомъ скажемъ еще нѣсколько словъ по этому поводу. Два типическихъ случая заслуживаютъ вниманія.

среди радикальнѣйшихъ изъ радикаловъ уже въ послѣдніе февральскіе дни выдѣлялся въ Берлинѣ — когда тамъ началось движеніе — юный асессоръ *[illegible]*, онъ оставался ультра-радикаломъ до самаго лѣта. То была вторая метаморфоза (теперь говорятъ обыкновенно: линяніе, но это выраженіе крайне неточно, ибо линяніе вовсе не есть преобразованіе самой натуры, а только перемѣна оперенія) этого олицетворенія прусскаго полицейскаго государства. За нею послѣдовало не мало другихъ. Вторымъ типическимъ примѣромъ является *Союзный Сеймъ*. 25-го февраля вечеромъ, — тогда еще не былъ введенъ электрическій телеграфъ — до всѣхъ правительствъ и до Союзнаго Совѣта дошло извѣстіе о бѣгствѣ Луи-Филиппа, о провозглашеніи республики во Франціи. Съ 25-го до 28-го февраля Союзный Сеймъ былъ безъ движенія, какъ жукъ, притворяющійся мертвымъ. 28-го февраля онъ рѣшилъ «направить свое вниманіе на положеніе Германіи», а на слѣдующій день онъ почувствовалъ себя настолько сильнымъ, что началъ выть по-волчьи. Въ этотъ день — 1-го марта 1848 г. — выпустилъ онъ честное, сердечное «Воззваніе къ нѣмецкому народу» и, прежде всего, просилъ о благожелательномъ отношеніи къ себѣ: «Дружныя совмѣстныя дѣйствія правительствъ и народовъ являются теперь необходимыми; каждый въ своей области долженъ заботиться о согласіи и порядкѣ». Затѣмъ слѣдовало: «Германія будетъ и должна быть поднятой на подобающую ей высоту среди остальныхъ народовъ Европы. Но къ этому ведетъ только путь согласія, законнаго прогресса и общаго развитія. Сеймъ всецѣло *довѣряетъ* проявленнымъ, всегда въ самыя тяжелыя времена, *лояльнымъ чувствамъ, старой вѣрности и зрѣлому благоразумію* нѣмецкаго народа». Это, скорѣе, было блеяніемъ овецъ, чѣмъ воемъ волковъ. Но все-таки это были волки, выступавшіе здѣсь передъ нѣмецкимъ народомъ, съ овечьей шкурой поверхъ густой волчьей шерсти. И нѣжнымъ сладкимъ голосомъ волкъ говорилъ съ красной шапочкой: «О, онъ любилъ нѣмецкій

народъ такъ искренно, онъ довѣрялъ ему, восхвалялъ его вѣрность, а въ это время остальные волчьи зубы были еще красны отъ крови безчисленныхъ жертвъ, которыхъ требовали карлсбадскія постановленія и майнцкая центральная власть,—и вокругъ еще валялись обломки оковъ, которыя сеймъ налагалъ на злополучный нѣмецкій народъ и которыя теперь лежали разбитыми на землѣ. Но разбиты онѣ были не нѣмецкимъ сеймомъ, а другой, *повелѣвающей* силой. Союзный Сеймъ былъ такъ ошеломленъ нѣжностью къ нѣмецкому народу, что въ введеніи къ своему воззванію вмѣсто одного нѣмецкаго народа видѣлъ нѣсколько «народовъ»,—какъ это часто случается съ сильно охмѣлѣвшими людьми. Своимъ воззваніемъ Союзный Сеймъ сослужилъ хорошую службу; здѣсь снова повторилась старая исторія о силѣ, желающей совершить зло, но творящей добро. Нѣмецкій народъ не былъ стадомъ овецъ, за которое его принимали.

Попыткой блеять по-овечьи волкъ напоминалъ о своемъ существованіи. Онъ сдѣлалъ бы лучше, если бы еще дольше прикидывался мертвымъ. Народъ вспоминалъ при взглядѣ на него всѣ совершенныя имъ преступленія, всѣ тѣ униженія и тотъ позоръ, которые онъ перенесъ изъ-за него, и среди хаоса мыслей господствовала только одна: «Союзный Сеймъ долженъ немедленно убраться вмѣстѣ съ нѣмецкой союзной конституціей, которая, на самомъ дѣлѣ, вовсе и не была конституціей, и на развалинахъ стараго союза *снизу* народомъ выбранный *парламентъ* долженъ создать *новую Германію*». Это уже было кое-что. Впервые эта мысль возникла въ Баденѣ, откуда съ быстротою молніи она распространилась по всей Германіи, не принимая, однако, тотчасъ же опредѣленной формы. Размышлять не было времени. Событія смѣнялись, какъ въ калейдоскопѣ: каждое впечатлѣніе въ мгновеніе ока вытѣснялось другимъ.

Между тѣмъ во Франціи, гдѣ взошло солнце и гдѣ были озарены всѣ горы, какъ къ ясному [illegible]

станокъ старухи-исторіи не прекращалъ своей работы. Временное правительство юной республики возвѣстило міру устами своего сладкогласнаго оратора Ламартина, что Франція питаетъ дружескія чувства ко всѣмъ народамъ земного шара, желаетъ имъ свободы, но вовсе не намѣрена вмѣшиваться въ дѣла другихъ народовъ. Это заявленіе до нѣкоторой степени разогнало страхи тѣхъ, кто уже ждалъ, что Вторая республика, подобно своей матери—республикѣ 1792 года, объявитъ войну всѣмъ монархамъ и прокатитъ потокъ революціонной лавы по всей Европѣ. Тѣ, кто этого боялся, совершенно забыли, что тогда Франція отражала *нападеніе* тѣхъ самыхъ монарховъ, которые впослѣдствіи образовали Священный Союзъ, и что она *принуждена* была вести войну, чтобы отстоять свое государственное существованіе. Несмотря на успокоительныя заявленія со стороны Франціи, въ южной Германіи возникли слухи, будто приближается французская армія и ея авангардъ уже перешелъ Рейнъ. Эти слухи, источникомъ которыхъ являлась не совсѣмъ безосновательная газетная замѣтка объ образованіи въ Парижѣ *нѣмецкаго* легіона, были умышленно раздуты реакціонерами, которые не замедлили при этомъ выставить на показъ свою любовь къ опозоренному ими отечеству. Нѣтъ ни одной политической гнусности, которая не куталась бы въ плащѣ патріотизма. Какъ можно использовать *призракъ войны*—мы видѣли въ 1887 году, во время февральскихъ выборовъ. Но и эту уловку Бисмаркъ подсмотрѣлъ у своихъ предшественниковъ. Въ концѣ февраля и въ началѣ марта у нѣмецкаго крестьянина уже увели изъ хлѣва послѣднюю корову. Но тогда у нѣмецкаго Михеля *), который, замѣтимъ мимоходомъ, такъ же мало имѣетъ общаго съ еврейско-христіанскимъ архангеломъ Михаиломъ, какъ и съ гре-

*) Слово «Михель» старо-германскаго происхожденія и означаетъ: «сильный», «большой»; въ англійскомъ и шотландскомъ языкахъ оно сохранилось въ формахъ much mickle - много, сильный, большой

ческимъ язычникомъ Прометеемъ, хотя и онъ тоже далъ человѣчеству немного свѣта и долго былъ прикованъ къ скалѣ рабства злыми силами—у нѣмецкаго Михеля нервы были тогда крѣпче, чѣмъ послѣ семнадцатилѣтняго періода прусской гегемоніи. Въ отвѣтъ на реакціонный призывъ къ западной границѣ Германіи: *въ походъ на французовъ!* раздался революціонный призывъ къ восточной границѣ: *въ походъ на русскихъ! Революціонный* призывъ,—говоримъ мы, ибо онъ былъ призывомъ всѣхъ, кто надѣялся и ждалъ отъ французской революціи революціонныхъ плодовъ для Германіи. Здѣсь тревога была, повидимому, болѣе основательной. Царь Николай создалъ себѣ репутацію необыкновенно сильнаго монарха; и нѣмецкіе государи, которые послѣ французской революціи и Наполеона не могли уже искать защиты и покровительства у несущаго свободу «непримиримаго врага», съ извѣстной нѣмецкой скромностью избрали себѣ ангеломъ-хранителемъ и покровителемъ царя Николая, взамѣнъ какого-нибудь Людовика XIV. Когда онъ сдѣлалъ «семейный визитъ» въ Германію, всѣ нѣмецкіе монархи пресмыкались передъ нимъ, а политическая челядь Германіи, особенно прусскіе юнкера, прославляли его, какъ царя царей и императора императоровъ, какъ «мечъ законности и нравственнаго порядка», духовнымъ *главой* котораго былъ Меттернихъ. При первомъ же извѣстіи о «невѣроятныхъ событіяхъ» въ Парижѣ онъ отрѣзалъ пораженнымъ придворнымъ: *«Я двину туда свои войска!»* Такимъ образомъ, если со стороны Россіи ожидался какой-нибудь государственный актъ огромной важности—это было не совсѣмъ безъ основанія. Однако, событія сильнѣе людей. Ходъ революціонныхъ событій подѣйствовалъ на царя Николая такимъ ошеломляющимъ образомъ, что онъ совершенно забылъ о своей угрозѣ, и когда «мечъ» европейскаго порядка осмотрѣлъ свой мечъ, онъ нашелъ его такимъ заржавѣлымъ, сдѣланнымъ изъ такой плохой стали, что самъ былъ бы радъ найти себѣ ангела-хранителя. Но откуда его взять? Взять было неоткуда. Въ Вѣнѣ засѣдалъ

«духовный глава». Подумай! Самъ «глава» потерялъ голову и въ отчаяніи неподвижно устремилъ взоръ въ одну точку этого лучшаго изъ міровъ — міра, который онъ, несравненный, умомъ и нюхомъ непревзойденный въ геніальности государственный [illegible], Меттернихъ, въ теченіе тридцати лѣтъ правильно регулировалъ и заводилъ“, какъ хорошій часовщикъ свои превосходные часы, и который теперь вдругъ спятилъ съ ума и такъ закружился въ безумной пляскѣ, что европейское равновѣсіе потеряло свой центръ тяжести и точку опоры; все, что казалось прочнымъ, на вѣки вѣковъ установленнымъ, бѣшено полетѣло кувыркомъ — и всего бѣшенѣе какъ разъ то, что считалось наиболѣе устойчивымъ. Можно было подумать, что случилось землетрясеніе. И дѣйствительно, это *было* землетрясеніе. Ничто больше не устойчиво — больше нѣтъ ничего устойчиваго.

Между тѣмъ, въ Парижѣ кратеръ еще не закрылся. Правда, провозглашеніе республики не встрѣтило никакого сопротивленія, никакого протеста; правда и то, что временное правительство, которое ввело *всеобщее избирательное право* и на его основѣ объявило выборы въ *Національное Собраніе* для учрежденія, но не для *конституированія* республики (она впредь должна была оставаться неприкосновенной), — это правительство получило всеобщее признаніе до тѣхъ поръ, пока будущая палата не назначитъ законнаго правительства. Во Франціи нигдѣ не нарушался покой, но *экономическій* и *соціальный* вопросъ грозилъ серьезными осложненіями. Разорительный торговый и промышленный кризисъ, который начался и въ другихъ европейскихъ государствахъ, разразился во Франціи; сотни тысячъ рабочихъ были выброшены на улицу — въ одномъ Парижѣ добрыхъ 100,000. Среди нихъ-то и распространялся соціализмъ, который развивается [illegible] съ порождающимъ его капитализмомъ, давая опредѣленное направленіе ихъ мыслямъ и стремленіямъ. Безработные требовали хлѣба — республика должна была дать имъ хлѣба. Противная сторона-буржуазія, [illegible], [illegible] и не думали о другой

республикѣ, кромѣ *соціальной*. Поэтому они не хотѣли слышать о трехцвѣтномъ знамени «буржуазной монархіи», и Ламартину стоило немалаго труда помѣшать введенію *краснаго* знамени вмѣсто трехцвѣтнаго (tricolore). Но рабочіе не хотѣли уйти съ пустыми руками: имъ надоѣло вѣчно вытаскивать каштаны изъ огня для господина буржуа. Въ этой крайности временное правительство, въ которое принуждены были допустить «соціалиста» *Луи-Блана* и «рабочаго» *Альбера* (послѣдній, между прочимъ, въ дѣйствительности, былъ постоянно ремесленнымъ мастеромъ), провозгласило *«право на трудъ»* и объявило организацію *національныхъ мастерскихъ*.

«Право на трудъ» считалось тогда соціалистическимъ требованіемъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ оно является утопіей, ибо, съ одной стороны, въ соціалистическомъ обществѣ трудъ есть *обязанность* каждаго трудоспособнаго его члена; съ другой стороны, *капиталистическое* общество не можетъ доставить работу всѣмъ, такъ какъ *резервная армія* безработныхъ является необходимымъ условіемъ существованія капиталистическаго производства. Крайне ошибочное представленіе было въ Германіи и о національныхъ мастерскихъ. Ихъ считали соціалистическимъ учрежденіемъ, тогда какъ, въ дѣйствительности, онѣ были выдуманы *врагами* соціализма; тотъ самый Луи-Бланъ, которому молва приписывала ихъ иниціативу, нападалъ на нихъ самымъ рѣшительнымъ образомъ, несмотря на то, что его соціализмъ сильно отдавалъ буржуазнымъ духомъ.

Республика! Соціализмъ! Все было потрясено — государство и общество. Рой новыхъ мыслей, новыхъ понятій тѣснился въ умѣ; броженіе все усиливалось, и все труднѣе и труднѣе становилось оріентироваться въ этомъ хаосѣ.

Къ этому присоединялись вліянія изъ другихъ странъ. Могучій, непобѣдимый ураганъ, который революція — болѣе мощная, чѣмъ Эолъ — выпустила изъ французскихъ мѣховъ и послала по всѣмъ народамъ земного шара, этотъ ура-

гамъ бушевалъ не только въ Германіи, Австріи и Россіи. Всюду сметалъ онъ всякій хламъ, гнулъ и ломалъ все, что попадалось ему на пути, до мозга костей продувалъ и перетасовывалъ всѣ народы. И тамъ, гдѣ встрѣчалось особенно много рухляди, загромождавшей путь, тамъ предстояло ему больше всего разрушительной работы; поэтому самая генеральная чистка ожидала тѣ страны, которыя управлялись хуже всѣхъ,—Германію и Италію. Наиболѣе непосредственное вліяніе Франція оказала на *Италію*, которая, по милости демократическаго папы, представляла собою весьма благодарную почву для революціоннаго посѣва. Пламя возстанія въ Сициліи перекинулось черезъ Мессинскій проливъ на полуостровъ: въ Неаполѣ, Тосканѣ, Пьемонтѣ народъ повелительно требовалъ обѣщанной конституціи и войны противъ Австріи; а въ австрійскихъ провинціяхъ, Ломбардіи и Венеціи, несмотря на желѣзный гнетъ, происходили національныя манифестаціи, которыя ежеминутно заставляли ждать революціоннаго взрыва. Болѣе мелкіе итальянскіе государи, получившіе свои короны по милости Австріи,—герцоги Пармскій и Моденскій, для которыхъ у австрійцевъ не хватило свободныхъ солдатъ, готовились уже къ бѣгству; этотъ примѣръ не остался безъ подражанія. Въ самой Германіи и даже въ самомъ тихомъ уголку „тихой дѣтской" одна изъ коронъ такъ сильно покачнулась, что только слѣпой могъ этого не замѣтить. Въ *Баваріи*, гдѣ «тевтонскій» король Людовикъ I, оригиналъ, пользовавшійся расположеніемъ своихъ «подданныхъ», несмотря на ихъ насмѣшки надъ нимъ, довольно долго предавался двойному занятію кропанія стиховъ и управленія страной, безъ большого ущерба для чего бы то ни было, кромѣ нѣмецкаго языка (послѣдній, впрочемъ, привыкъ къ этому),—въ Баваріи съ нѣкоторыхъ поръ появилась нечистая сила, однимъ мановеніемъ руки перевернувшая все вверхъ дномъ. Нечистая сила, какъ обыкновенно, бываетъ въ такихъ случаяхъ, приняла оболочку красивой женщины *Лолы Мон-*

тесъ. Танцовщица и авантюристка, которая не разъ уже была связана узами брака и иными „узами“, она пріѣхала въ Мюнхенъ осенью 1846 года, съ цѣлью плѣнить короля Людвига I, обладавшаго хорошимъ вкусомъ, — что было очень нетрудно — и сдѣлаться, если не королевой, зато госпожей Германіи — что хоть и было гораздо труднѣе, но, въ концѣ концовъ, ей удалось. Извѣстна французская пословица: ce que femme veut, Dieu le veut — чего хочетъ женщина, того хочетъ Богъ. Католическое духовенство, усвоившее себѣ эту истину, всегда искало поддержки у женщинъ. Въ то время оно было всесильно въ Баваріи и охотно вступило бы въ сдѣлку съ Лолой, чтобы накинуть плащъ христіанской любви на «связь» короля (такъ величаютъ у сильныхъ міра сего конкубинатъ и даже кое-что худшее), если бы у Лолы, которая во всемъ остальномъ была выше принциповъ, не оказалось опредѣленныхъ принциповъ именно въ области религіи. Она ненавидѣла іезуитовъ (за что? — объ этомъ исторія умалчиваетъ: вѣроятно, въ числѣ ея старыхъ возлюбленныхъ былъ іезуитъ) и старалась низвергнуть іезуитски-ультрамонтанское министерство (министерство Абеля). И дѣйствительно, она *низвергла* его. За іезуитскимъ министерствомъ послѣдовало анти-іезуитское министерство (Маурера), бывшее, впрочемъ, непродолжительнымъ: скоро оно смѣнилось другимъ, которое *казалось* болѣе продолжительнымъ, но не было таковымъ на самомъ дѣлѣ (министерство князя Валленштейна). Эта война мышей и лягушекъ между «лоламонтанами» и ультрамонтанами, въ которой, вмѣсто крови, проливались рѣки пива, кончилась тѣмъ, что мюнхенцы произвели маленькую уличную революцію и sans façon *) прогнали короля-педераста. Это было въ началѣ февраля 1848 года, и отголоски баварской калупинады какъ разъ совпали съ громовыми раскатами февральской грозы во Франціи. Такъ въ жизни народовъ, какъ и въ человѣче-

*) Безъ церемоній. *Перев.*

своей жизни. Возвышенное всегда граничитъ съ трагическимъ, драма съ фарсомъ. Иначе слишкомъ скучно было бы жить на свѣтѣ. Одна изъ германскихъ революцій, конечно, [illegible] была революціей. Но она не осталась безрезультатной: она стоила короны [illegible], — и это была единственная корона, упавшая тогда въ Германіи съ королевской головы. Король Людвигъ не могъ простить мюнхенцамъ, такъ безцеремонно помѣшавшимъ ему жить въ свое удовольствіе, и отрекся отъ престола 20 марта.

И по злой ироніи судьбы, единственный нѣмецкій король, который [illegible] въ 48-мъ году, былъ именно тотъ, кто искреннѣе всѣхъ остальныхъ желалъ блага Германіи и нѣмецкому народу, что, впрочемъ, еще немного говоритъ въ его пользу. Лола Монтесъ умерла двѣнадцать лѣтъ спустя на чердакѣ въ Нью-Іоркѣ, превратившись, по традиціонной программѣ, въ «старую святошу», что, впрочемъ, нисколько не мѣшало ей [illegible] сокровища...

Ледъ — въ началѣ марта. Первый часъ — броженіе; изъ массы выступаютъ опредѣленные пункты, вокругъ которыхъ кристаллизуются массы и понятія, какъ на морозѣ кристаллы льда устремляются къ опредѣленнымъ точкамъ и группируются вокругъ нихъ, пока не образуется ледяная поверхность.

Чтобы облегчить обзоръ и дать общую картину, мы считаемъ полезнымъ классифицировать и описывать событія соотвѣтственно различнымъ центрамъ движенія и *различнымъ группамъ*, въ кругу которыхъ совершались эти событія. Такихъ группъ было четыре. Пространственно ихъ можно разграничить слѣдующимъ образомъ: юго-западная Германія — съ Баденомъ въ центрѣ; средняя — съ Франкфуртомъ-на-Майнѣ; сѣверная — съ Берлиномъ; южная Германія и Австрія — съ Вѣной въ центрѣ. Эти четыре центра, опредѣляемые совокупностью политическихъ и географическихъ условій, отчетливо выступаютъ до самаго конца мартовской революціи.

Юго-западная Германія, благодаря своей сравнительно старой культурѣ и близости съ Франціей и Швейцаріей, въ политическомъ отношеніи шла впереди другихъ частей Германіи. Особенно Баденъ [illegible] либе-ральныхъ и радикальныхъ идей; здѣсь даже идеи *республи-канизма* пустили корни среди широкихъ слоевъ населенія, что не удивительно, если принять во вниманіе постоянныя сношенія съ сосѣдней Швейцаріей. Три популярней-шихъ баденскихъ дѣятеля въ эпоху Февральской револю-ціи: *Гекеръ*, *[illegible]* и *Струве* были республикан-цами. Такимъ образомъ, въ Баденѣ и юго-западной Гер-маніи, вообще, движеніе въ [illegible] нашло сравнительно хорошо подготовленную почву. Въ [illegible] городахъ были не только выставлены конституціонныя требованія, но и [illegible] [illegible] дѣйствія. [illegible] *[illegible]* [illegible] собраніе всѣхъ свободомыслящихъ [illegible], кому дороги были интересы отечества. На этомъ собраніи Баденъ, Гессенъ, Вюртембергъ и Рейнская Пруссія были представлены ли-бералами и радикалами. Гекеръ и [illegible] засѣдали здѣсь рядомъ съ [illegible] либералами — [illegible], Бассерма-номъ, [illegible], Гервинусомъ, [illegible], [illegible], съ которыми раньше [illegible] не разъ [illegible] несогла-сія. Но теперь [illegible] [illegible] едино-гласно рѣшено созвать *[illegible] [illegible]*. Это была разумная мысль. [illegible] Союзный Сеймъ [illegible] [illegible] и надо было [illegible]. [illegible] между двумя силами: [illegible] *[illegible]* и [illegible] *прави-тельствами*. [illegible] Гейдельбергское собраніе [illegible] *[illegible]* и, такимъ образомъ, *[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] ціямъ революціи*.

Правда, [illegible] [illegible] народа. [illegible] какого *[illegible]* [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] спасти [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

роться *мартовской* революціи, и отсталость нѣмецкихъ отношеній сравнительно съ французскими становится осязательной. Во Франціи правительство стало въ противорѣчіе къ чувствамъ и волѣ значительной части населенія. Недовольство получаетъ конкретное выраженіе, оно устремляется на конкретнаго врага: правительство. И когда сила этого недовольства низвергаетъ правительство, — готова уже новая форма правленія: — республика. И въ самомъ дѣлѣ, чего иного можно было ожидать, если не республики? Почти два поколѣнія тому назадъ Франція была уже республикой, и, какъ впослѣдствіи ни старались очернить ее роялисты и клерикалы, нельзя было отрицать тотъ фактъ, что эта республика поставила Францію во главѣ всѣхъ государствъ нашего материка и создала основы современной государственной жизни и современнаго права — притомъ, не для одной Франціи. Путь и цѣль — по крайней мѣрѣ, непосредственная цѣль — были ясно обозначены. Кромѣ того, *политическія партіи* достигли *высокаго развитія.* Не было ни одного стремленія въ политической или общественной жизни, которое не нашло бы себѣ выраженія въ болѣе или менѣе прочной партійной организаціи.

А *Германія?* Если не считать пары, другой палатъ въ такихъ мелкихъ государствахъ, какъ Баденъ, Вюртембергъ и т. д., которыя не могли имѣть рѣшающаго значенія ни въ какомъ отношеніи, въ Германіи не было и тѣни партійно-политической жизни, ибо театръ маріонетокъ, называемый Соединеннымъ Ландтагомъ, конечно, нельзя было принимать всерьезъ, хотя противорѣчія, обозначавшіяся въ немъ, обладали очень серьезными размѣрами, или, вѣрнѣе, должны были принять такіе размѣры. Союзы совершенно отсутствовали; вся пресса была подчинена цензурѣ. Гдѣ могло тутъ пріютиться развитое движеніе? Ему недоставало органовъ: недоставало и цѣли. Надо стряхнуть долой старое союзное горе, старый союзный позоръ. Таково было единственное ясное ощущеніе — его даже нельзя назвать сознаніемъ. Но гдѣ же врагъ?

Союзный Сеймъ—конечно! Но развѣ сеймъ былъ правительствомъ Германіи? Развѣ онъ не являлся простымъ орудіемъ, исполнительнымъ органомъ тридцати девяти нѣмецкихъ правительствъ, самыя худшія изъ которыхъ—прусское и австрійское—были и самыми могущественными? Развѣ измѣнилась бы сущность дѣла, если бы выбросить въ Майнъ весь Союзный Сеймъ? Неужели 39 ядовитыхъ растеній, на которыхъ выросли карлсбадскія постановленія и другіе фрукты въ томъ же родѣ, не продолжали бы приносить не менѣе зловредные плоды? Мы видимъ, какой запутанностью отличается въ Германіи тотъ самый вопросъ, который такъ просто былъ поставленъ во Франціи. Во Франціи былъ *одинъ* врагъ, его надо было поразить на смерть *однимъ* ударомъ въ сердце; въ Германіи же предстояло покончить сразу съ цѣлыми дюжинами враговъ, которые защищали и прикрывали другъ друга, какъ бастіоны и форты крупной крѣпости. Правда, эти дюжины враговъ всѣ были ошеломлены, растеряны, безпомощны, но гдѣ же были боевые отряды, чтобы взять приступомъ всѣ форты и бастіоны?

Замѣчательная вещь: въ то время никто не помышлялъ о нѣмецкой *имперіи*. Ни въ одной брошюрѣ, ни въ одной газетѣ, относящейся къ марту, когда народный духъ свободно проявлялся во всей своей самобытности, нѣтъ ни слова, ни намека на имперію и императора. Это обстоятельство лучше всего доказываетъ лживость утвержденія, что идея имперіи цѣлые вѣка таилась въ глубинѣ нѣмецкаго народнаго духа, пока она не претворилась въ дѣйствительность въ 1870 г. Это образчикъ модной тенденціозной лжи. Идея имперіи, воистинѣ, слишкомъ пріѣлась Германіи. Нѣмецкій народъ принялъ всемірно-историческую муку въ эпоху имперіи; и только зеленая молодежь, какъ часть студенчества до и послѣ 20-хъ годовъ, могла наивно искать возрожденія Германіи подъ тѣмъ самымъ знаменемъ, подъ которымъ она пришла въ самый жалкій, са-

[illegible]

Въ Гейдельбергѣ было принято еще одно постановленіе, имѣвшее практическій характеръ въ томъ отношеніи, что оно давало [illegible] продвиженіе къ выработкѣ новаго устройства Германіи. Прежде, чѣмъ начнетъ функціонировать будущій парламентъ, [illegible] нѣмецкаго отечества [illegible], пользующіеся [illegible] довѣріемъ—лица, состоявшія въ то время или раньше членами [illegible], а также и не принимавшія [illegible] участія въ [illegible] дѣятельности,— чтобы обсудить [illegible] (вопросы новаго устройства) и предложить свое содѣйствіе отечеству и *правительствамъ*. Конференція [illegible] приглашала собраться къ 31-му марта во *Франкфуртъ-на-Майнѣ*. Это собраніе, дѣйствительно, [illegible] названіемъ «*Предварительнаго парламента*» («Vorparlament»). Насколько разумной и [illegible] при данныхъ условіяхъ являлась сама по себѣ идея созыва такого собранія народныхъ [illegible], настолько [illegible] было откладываніе въ [illegible]. Въ революціонное время каждое мгновеніе драгоцѣнно, каждый [illegible] можетъ стоить побѣды. [illegible], пока оно горячо. «Лица, [illegible] довѣріемъ», находились въ Гейдельбергѣ въ [illegible] количествѣ, что выбрать [illegible]; въ пять минутъ можно было [illegible], а черезъ недѣлю — къ 13 марта—созвать «Предварительный парламентъ». Тогда этотъ парламентъ [illegible] бы еще [illegible] рѣшающее значеніе въ ходѣ событій. 31-го марта рѣшительный моментъ уже [illegible].

Вмѣсто того, чтобы немедленно и непосредственно приступить къ созыву членовъ, Гейдельбергская конференція выбрала комиссію [illegible], которая должна была составить списокъ приглашенныхъ; а такъ какъ на конференціи преобладали не радикалы, а либералы, то списокъ былъ

составленъ въ такомъ духѣ, что въ «Предварительномъ парламентѣ» [illegible] ствѣ. Медлительность и [illegible], [illegible] силу нѣмецкаго парламента, благодаря которымъ онъ является для насъ страннымъ [illegible] и [illegible], предвѣ-ромъ, характеризовали уже «Предварительный парламентъ» и предшествующую ему дѣятельность. Было бы невѣрно приписывать вину въ этомъ [illegible] личностямъ: ихъ ошибки объясняются [illegible] и трудностью положенія. Замѣтимъ, кромѣ того,—намъ [illegible] часто придется вспоминать объ этомъ,—что въ своихъ сужденіяхъ о прошломъ мы всегда должны исходить изъ *него самого*, а не изъ настоящаго, [illegible] развитія и иныхъ событій, мы [illegible] поступки съ такой точки зрѣнія, которая была и не могла не быть чуждой людямъ прошлаго. [illegible], что [illegible] тридцати-лѣтнюю школу [illegible] парламентскаго [illegible], не должны сравниваться съ нѣмцами, которые до 50-хъ годовъ стояли только на порогѣ политической школы.

Въ Баденѣ [illegible] были [illegible] постановленіями Гейдельбергскаго собранія. [illegible] было [illegible] весело, искра [illegible] огонь въ массѣ. Почему бы, однимъ мощнымъ ударомъ, не поразить на смерть Союзный Сеймъ и реакціонныя правительства, орудіемъ которыхъ онъ является? [illegible] вліяніе Швейцаріи, граничившей съ Баденомъ, [illegible]. Во время затрудненій, вызванныхъ Зондербундомъ, когда казалось неизбѣжнымъ вмѣшательство австрійскаго, французскаго и прусскаго правительствъ, возникъ планъ *[illegible] союза*, союза, составленнаго, съ одной стороны, изъ Швейцаріи и [illegible] любви къ будущей [illegible] роль народолюбца, и изъ юго-западной Германіи, главнымъ образомъ Бадена,—съ другой стороны. Этотъ планъ, который въ то время вовсе не казался такимъ [illegible], какъ теперь, встрѣтилъ большое сочувствіе у баденскихъ

радикаловъ, и не одинъ изъ нихъ вѣрилъ въ «[illegible] *союзъ кантоновъ*», къ которому постепенно, съ прогрессомъ радикальныхъ идей, примкнутъ и другія союзныя государства. И этотъ союзъ кантоновъ былъ республикой.

Поклонники моднаго единства съ казарменнымъ душкомъ съ презрительной улыбкой смотрятъ на республиканцевъ «бурнаго года». «Кантональное хозяйство», по ихъ мнѣнію, представляетъ шагъ назадъ. Экономическое объединеніе Германіи требуетъ государственнаго объединенія, но надъ словомъ «объединеніе» почти такъ же принято издѣваться, какъ надъ словомъ «свобода». По самой своей сущности, капитализмъ стремится къ политическому единству, которое совершенно уничтожаетъ препятствія для свободнаго сообщенія внутри государства; онъ, безъ сомнѣнія, благопріятствуетъ образованію крупныхъ государствъ, гдѣ находитъ себѣ болѣе широкій просторъ, чѣмъ въ «карликовыхъ» государствахъ. Но единство вовсе не исключаетъ федеральной организаціи. *Самое капиталистическое изъ всѣхъ государствъ*, которое капитализмъ, не задерживаемый въ своемъ развитіи историческими пережитками, построилъ по своему вкусу,—*Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты*—является федеральнымъ государствомъ; и это не мѣшаетъ имъ предоставлять въ распоряженіе капитализма все, что только онъ можетъ требовать.

Новая Германская имперія, которая, повидимому, является самымъ законченнымъ воплощеніемъ идеи единства, на самомъ дѣлѣ есть также федеральное государство, федерація комичныхъ карликовыхъ государствъ съ однимъ крупнымъ государствомъ подавляющей величины и, вдобавокъ, съ еще болѣе комичными особыми привилегіями, которыхъ не потерпѣлъ бы самый отсталый, самый закоренѣлый филистеръ изъ республиканцевъ 1848 г. Съ «кантональнымъ хозяйствомъ», т.-е. со средневѣковымъ, отрицающимъ государственное единство воззрѣніемъ, по которому каждая часть государства—кантонъ—пользуется абсо-

лютнымъ суверенитетомъ и не обязана подчиняться большинству частей государственнаго цѣлаго,—съ этимъ воззрѣніемъ было покончено во время войны съ Зондербундомъ. И если бы Германія въ настоящее время состояла изъ такихъ кантоновъ, какъ, напримѣръ, цюрихскій, тутъ не было бы, конечно, ничего «реакціоннаго», да и капитализмъ нашелъ бы въ этомъ свою выгоду — правда, тамъ, гдѣ онъ развился до степени общественнаго зла, какъ въ Германіи и во Франціи, онъ не уживается съ демократическими учрежденіями. Впрочемъ, республиканцы 1848 года мечтали не о кантонахъ, не о мелкихъ государствахъ, а о дюжинѣ союзныхъ государствъ средней величины, въ которыя должны были, по образцу стараго имперскаго устройства, входить, по возможности, старыя племена—франки, саксонцы, тюрингенцы, швабы, баварцы и т. д., причемъ самые многочисленные изъ нихъ, напримѣръ, франки, распредѣлялись на нѣсколько государствъ. Все это было бы вполнѣ разумно, если бы было возможно, ибо разумно только то, что возможно.

Въ средней Германіи—Тюрингіи и Саксоніи—въ концѣ февраля и началѣ марта народное движеніе приняло почти такой же характеръ, какъ въ юго-западной Германіи. Въ Саксоніи, гдѣ центромъ до-мартовскаго либерализма и радикализма являлся Лейпцигъ, а самымъ выдающимся его лидеромъ—*Робертъ Блюмъ*, съ самаго начала дѣло пошло по извѣстной методѣ. Въ Саксоніи, которая уже тогда была самой передовой частью Германіи въ экономическомъ отношеніи, политическая жизнь еще съ эпохи реформаціи отличалась сравнительной интенсивностью, и если здѣсь дебаты земскихъ чиновъ были менѣе жаркими, чѣмъ въ Баденѣ, зато «общественное мнѣніе», т.-е. требованія и стремленія бюргерской молодежи, являлось уже государственнымъ факторомъ. Какъ только въ Лейпцигъ дошли извѣстія изъ Парижа, тотчасъ же, по инціативѣ Роберта Блюма, собрались самыя вліятельныя и популярныя лица въ городѣ, которыя обсудили положеніе дѣлъ и

постановили, что городскіе жители должны послать короткій адресъ съ изложеніемъ думъ и стремленій народа. Требованія состояли въ слѣдующемъ: преобразованіе государственнаго устройства Германіи, соотвѣтственно духу и потребностямъ времени, и прежде всего — свобода печати и созывъ представителей всѣхъ германскихъ народовъ въ Союзный Сеймъ». Мы видѣли, что «нѣмецкіе народы» не дарили вниманіемъ Союзному Сейму. 1-го марта городская дума единогласно приняла адресъ въ этомъ духѣ, въ которомъ, помимо вышеизложенныхъ, входило требованіе отставки ненавистнаго министерства (Фалькенштейна). Этотъ адресъ былъ представленъ королю депутаціей, съ Робертомъ Блюмомъ во главѣ; онъ вызвалъ холодный отвѣтъ. Король, очевидно, не успѣлъ еще переварить парижскихъ извѣстій. Отчетъ депутаціи возбудилъ сильное волненіе въ Лейпцигѣ — волненіе во всей странѣ. Вооруженное столкновеніе уже казалось неизбѣжнымъ, но король сдѣлалъ уступку, и 5 марта министерство Фалькенштейна пало. Но «министерство», находившее поддержку въ Берлинѣ, пока еще казалось прочнымъ.

За три дня до того Союзный Сеймъ разрѣшилъ правительствамъ *уничтоженіе цензуры* — послѣ того, какъ она фактически уже была уничтожена самимъ народомъ, — а пять дней спустя, 10-го марта, онъ потребовалъ отъ правительствъ выбрать «довѣренныхъ лицъ», чтобы въ сотрудничествѣ съ ними преобразовать государственное устройство Германіи. Преобразованіе Германскаго Союза общими силами Союзнаго Сейма и довѣренныхъ лицъ нѣмецкихъ правительствъ!.. такая идея, пожалуй, являлась верхомъ политическаго комизма, которымъ такъ необычайно богатъ 1848 годъ. А сами «довѣренныя лица» правительствъ! Уже одно названіе «довѣренныя лица» характерно само по себѣ. Въ немъ, какъ въ зеркалѣ, отражается туманность и неопредѣленность отношеній. «Довѣренныя лица» народа, «довѣренныя лица» правительства, — словомъ, преобразованіе устройства Германіи, или, иначе,

вѣчная [illegible], представляя [illegible] *[illegible]* *не доктрину*, какъ [illegible] продуктъ какого-нибудь теченія. *Именно* [illegible] *доктрина*, какъ извѣстно всякому, есть [illegible] добродѣтель; съ «доктриною» ни одинъ народъ [illegible] еще никогда ничего не добился, а, наоборотъ, [illegible] не разъ страдалъ отъ избытка доктринерства.

Въ тотъ же день, 10-го марта, Союзный Сеймъ далъ непосредственное [illegible] своего довѣрія къ [illegible] и соблаговолилъ объявить государственными цвѣтами Германскаго Союза тѣ самые «знаменитые» цвѣта: черный, красный и золотой, за ношеніе которыхъ «демагоговъ» тысячами бросали въ тюрьмы и цѣлые годы держали подъ слѣдствіемъ. Конечно, «народы», которые уже давно самовольно присвоили себѣ право ношенія запрещенныхъ цвѣтовъ, немало посмѣялись надъ Союзнымъ Сеймомъ, выказавшимъ такой внезапный [illegible] къ революціонной символикѣ старыхъ «демагоговъ». Однако, дѣло ограничилось насмѣшками. Теперь кажется почти необъяснимымъ, что въ то время никому не пришло въ голову [illegible] народа [illegible] по Большой Эшенгеймской улицѣ, куда въ теченіе 30 лѣтъ, какъ въ гигантскую клоаку, стекались всѣ нечистоты, собирались всѣ ядовитыя испаренія нѣмецкихъ правительствъ, и [illegible] [illegible], [illegible]. Грѣхъ упущенія объясняется отчасти тѣмъ обстоятельствомъ, что Союзный Сеймъ, вынужденный [illegible] добродѣтель, не только не стремился [illegible] революціонный потокъ, но даже, напротивъ, самъ пытался плыть по теченію. И все-таки это упущеніе является непростительною небрежностью. Въ этомъ [illegible] опасность, чтобы, за отсутствіемъ сознательнаго, рѣзкаго сопротивленія, а также опредѣленнаго пункта, къ которому могло бы направиться движеніе, революціонный потокъ, несмотря на все «головокруженіе» и всю суматоху, [illegible] не пронесся бы мимо, не оставивъ никакихъ существенныхъ из-

мѣненій въ политическомъ устройствѣ Германіи. Къ счастью— и это былъ первый случай въ исторіи Германіи, когда двѣ нѣмецкія крупныя державы сдѣлали что-либо для блага Германіи,—къ счастью, тогда было два нѣмецкихъ правительства, которыя не умѣли притворяться мертвыми, и имъ мы обязаны тѣмъ, что дѣло приняло нешуточный оборотъ, и мартовское движеніе разыгралось въ *мартовскую революцію*.

Въ *Вѣнѣ* и *Берлинѣ*—этихъ двухъ столицахъ Германіи, населеніе которыхъ составляло около 400,000 чел. и, слѣдовательно, почти достигало цифры парижскаго населенія передъ началомъ Великой революціи,—парижскія извѣстія вызвали необычайное возбужденіе, какъ и всюду въ Германіи, но здѣсь они встрѣтили горючаго матеріала, сконцентрированнаго на небольшомъ, опредѣленномъ пространствѣ, больше, чѣмъ гдѣ-либо въ Германіи. Въ мартовскіе дни прусскій юнкеръ *Отто фонъ-Бисмаркъ*, бывшій тогда производителемъ работъ при плотинѣ, пріобрѣлъ свой первый политическій опытъ; въ Берлинѣ онъ усвоилъ себѣ основы юнкерской мудрости, по которой всѣ крупные города, какъ разсадники революціи, подлежатъ безпощадному разрушенію. Бисмаркъ, въ своей залихватской удали, считалъ себя сверхчеловѣкомъ, любилъ хвастать своей силой и постоянствомъ и питалъ юнкерское презрѣніе къ городской черни и евреямъ, не подозрѣвая, что настанетъ время, когда онъ сдѣлаетъ своимъ фактотумомъ еврея, будетъ подслуживаться буржуазіи и придерживаться политики, которая въ теченіе двадцати лѣтъ умножитъ втрое берлинское населеніе и превратитъ Германію въ страну крупныхъ городовъ, по образцу ненавистной Англіи. Въ то время въ Берлинѣ, благодаря расцвѣту крупной индустріи, особенно машиностроительнаго дѣла, сосредоточивалось болѣе многолюдное рабочее населеніе, чѣмъ во всѣхъ другихъ городахъ Германіи, не исключая и Вѣны. Здѣсь было также много радикальныхъ элементовъ—журналистовъ, литераторовъ и т. п.; почти

поголовно зараженные гегельянствомъ, они старались перещеголять другъ друга смѣлостью идей и языка. Къ этому присоединяется напоминающая французскіе нравы и отчасти обязанная вліянію многочисленныхъ эмигрантскихъ колоній живость и подвижность берлинскаго населенія и, вдобавокъ—всеобщее недовольство. Все это, безъ сомнѣнія, представляло прекрасную питательную среду для революціонныхъ бациллъ, которыя миліардами носились въ воздухѣ. Уже послѣ перваго извѣстія о паденіи іюльской монархіи массы пришли въ волненіе. Газетныя приложенія писанные и печатные плакаты всюду разносили извѣстіе; возбужденныя группы обсуждали сенсаціонную новость. Дворъ и правительственные круги сначала были охвачены внезапнымъ ужасомъ. Но черезъ нѣсколько дней, когда обнаружилось, что за взрывомъ парижской мины въ Германіи не послѣдовало никакого взрыва—ибо кто могъ бы здѣсь наполнить и заложить мину?—то «наверху» взволнованные умы снова успокоились: 5-го марта министръ фонъ-Бодельшвингъ заявилъ нѣкоему депутату «Соединеннаго ландтага»: *«Черезъ восемь недѣль наши войска будутъ маршировать»*—разумѣется, во Францію и, разумѣется, въ союзѣ съ царемъ Николаемъ, въ котораго еще продолжалъ вѣрить господинъ фонъ-Бодельшвингъ. На слѣдующій день, 6-го марта, «Комиссія» Соединеннаго ландтага, т.-е. тѣнь тѣни, была распущена королемъ въ тронной рѣчи, торжественность которой затмевалась ея комизмомъ; при этомъ король заявилъ: «правительство весьма далеко отъ мысли вмѣшиваться во внутреннія дѣла иностранныхъ государствъ; это возможно только въ томъ случаѣ, если нападеніе послѣдуетъ извнѣ»; эти слова, впрочемъ, вовсе не противорѣчили надменному заявленію Бодельшвинга. И въ самомъ дѣлѣ, что такое *нападеніе*, когда нападающій не утверждалъ, что онъ самъ подвергается нападенію? И развѣ революція не была болѣе опаснымъ «нападеніемъ», чѣмъ вторженіе французской арміи? Правда, въ 1792 г. «маршировка» завела въ топи

и болота Шампани—за дальнѣйшими подробностями мы отсылаемъ къ Гете,—но вѣдь изученіе всемірной исторіи—запретный плодъ для правительствъ и помазанниковъ Божіихъ.

Въ своей «тронной рѣчи» король обѣщалъ также «періодичность» Соединеннаго ландтага и закончилъ ее такимъ образомъ: «Довѣріе народа—самая надежная моя опора», и міръ долженъ узнать, что въ Пруссіи король, войско и народъ остаются одни и тѣ же изъ поколѣнія въ поколѣніе». «Одни и тѣ же»—наканунѣ 18 марта!

И здѣсь модное словечко «довѣріе»!

Тронная рѣчь, которая своимъ [illegible] умышленнымъ игнорированіемъ всемірнаго пожара разоблачила полное непониманіе правительствомъ серьезности положенія, не удовлетворила никого и подверглась безпощадной критикѣ. Дѣленіе прусскаго государства на короля, войско и народъ,—послѣ того, какъ этому самому народу милліоны разъ повторялось, что войско—«вооруженный народъ»!? эта классификація осыпалась безжалостными насмѣшками. Вдобавокъ еще—«періодичность» Соединеннаго ландтага! Періодичность этой косички, этого колтуна! Этимъ ведеркомъ съ помоями и навозной жижей собрались тушить всемірный пожаръ!

Мало-по-малу въ движеніи установилась если не строгая планомѣрность, то, по крайней мѣрѣ, что то въ родѣ системы. Случайныя собранія на улицахъ сдѣлались систематическими. Погода стояла дивно-прекрасная. Такого марта и «старожилы» не могли припомнить. Это была настоящая «весна народовъ»! Ни одинъ журналистъ, ни одинъ ораторъ, ни одинъ поэтъ—и кто тогда не былъ, по крайней мѣрѣ, однимъ изъ трехъ (а какая масса совмѣщала и то, и другое, и третье въ одномъ лицѣ!)—не хотѣлъ упустить «весну народовъ». А прекрасная, солнечная майская погода манила вдаль. Пріятное соединилось съ полезнымъ: народъ сталъ собираться подъ примитивными «палатками». «Періодичность» осуществилась

въ формѣ народныхъ собраній, этой жизненной силы, при помощи которой метла исторіи вымела въ помойную яму Соединенный ландтагъ, это мертворожденное дитя, уже высушенное въ мумію. Пока еще этого не подозрѣвали ни *внизу*, ни вверху. 7 марта состоялось необыкновенно многолюдное собраніе, на которомъ былъ составленъ и единогласно принятъ «всеобщій адресъ» со слѣдующими требованіями: 1) свобода печати; 2) свобода слова; 3) амнистія по всѣмъ дѣламъ, касающимся прессы и политическихъ убѣжденій; 4) свобода собраній и союзовъ; 5) политическое равноправіе всѣмъ гражданъ, безъ различія религіи и имущества; 6) судъ присяжныхъ и независимость судей; 7) уменьшеніе численности постояннаго войска и вооруженіе народа; 8) обще-германское представительство; 9) созваніе Соединеннаго ландтага въ наивозможно скорѣть времени.

Эти «требованія», характерныя для того времени, съ одной стороны (пунктъ 7), разрушаютъ дикую басню, будто прусская военная система является народнымъ вооруженіемъ и самъ народъ не смотритъ на нее иначе; съ другой стороны, въ нихъ отражается изумительная наивность эпохи. Послѣднее требованіе было бы совершенно необходимымъ, если бы полное отсутствіе какого-либо опредѣленнаго пункта, который могъ бы сыграть роль точки опоры для движенія, не давало ключа къ разрѣшенію загадки. «Обще-германское представительство» — учредительное собраніе для обновленія Германіи, для воплощенія въ жизнь идеи національнаго единства и національной свободы,— это требованіе имѣло смыслъ, оно носилось въ воздухѣ. Но какъ осуществить «обще-германское представительство»? Здѣсь-то и была загвоздка. Для этого нужны были *выборы*. Но выборы мыслимы только при существованіи общепризнанныхъ властей. Такими властями въ Германіи являлись *правительства и Союзный Сеймъ*, то-есть именно тѣ власти, противъ которыхъ направлялось народное движеніе и отъ которыхъ надо было ос-

бодить Германію. Запутанность и трагикомизмъ положенія бросаются въ глаза. Для дѣла очистки приходилось призвать именно тѣхъ, кто былъ виновниками загрязненія. Изъ этой дилеммы былъ только *одинъ* выходъ—тотъ, къ которому прибѣгли французы: *устраненіе* правительства. Но этотъ выходъ приходилъ въ голову лишь очень немногимъ въ Германіи, за исключеніемъ юго-западной ея части. Въ такомъ видѣ и оставалась дилемма, изъ которой не могло помочь выпутаться ребяческое «довѣріе». Задача народнаго движенія являлась «дѣломъ довѣрія»; и за требованіемъ «созыва Соединеннаго ландтага въ наивозможно скоромъ времени» скрывалась уже гибельная *теорія соглашенія*, сыгравшая столь роковую роль въ исторіи нѣмецкой революціи. «Соединенный ландтагъ», какъ говорилось въ народныхъ рѣчахъ и листкахъ, долженъ былъ направить на путь «обще-германское представительство». Но *этотъ* путь былъ путемъ заблужденія.

Въ народныхъ собраніяхъ, которыя дополнялись кошачьими концертами, уличными шествіями и тому подобными манифестаціями шуточнаго и серьезнаго характера, соціальный вопросъ, со времени провозглашенія въ Парижѣ «права на трудъ», начиналъ принимать политическія формы. Какъ ни медленно, почти робко подвигался этотъ процессъ, все же филистеровъ начиналъ подирать морозъ по кожѣ: уже 7 марта бумажный прототипъ филистера—«Фоссова Газета» нашла своевременнымъ сдѣлать рабочимъ отеческое внушеніе. „Не вдавайтесь въ обманъ,—поучала почтенная газета.—Вашъ долгъ труденъ, особенно въ наше время серьезныхъ волненій, тяжкихъ испытаній. Но еще труднѣе для васъ, рабочіе, задача остеречься отъ всѣхъ золъ, которыя вамъ угрожаютъ. Не вдавайтесь же въ обманъ! Помните, что первое условіе для плодотворнаго труда—*порядокъ, спокойствіе, миръ*!“ Современные рабочіе видятъ, что фразы, которыми пытается ихъ убаюкивать нынѣшняя буржуазія, не ею выдуманы. Печальная привиллегія никогда ничему не

научаться принадлежитъ не только монархамъ и министрамъ.

Интересно то обстоятельство, что знаменитая фраза юнкерскаго коменданта изъ Берлина: „*Спокойствіе—первый долгъ гражданина!*", сорокъ два года спустя, была направлена противъ рабочихъ, главнымъ образомъ, берлинской буржуазіей. Тогда—*послѣ* Іенскаго позора, теперь—*передъ* второй Іеной. Здѣсь не лишне указать на то, что въ описываемое время въ Берлинѣ господствовала крайняя нужда: кризисъ, какъ мы уже упоминали, перешелъ германскую границу и породилъ въ Берлинѣ, какъ и родственной Вѣнѣ, безработицу и нищету.

Вначалѣ, когда власти находились еще подъ первымъ впечатлѣніемъ парижскихъ событій, полиція и войска не мѣшали народнымъ собраніямъ и уличнымъ шествіямъ, было разрѣшено даже курить по близости дворца. Но черезъ 8—10 дней въ воздухѣ запахло грозой. Полиція предприняла рядъ арестовъ, начались серьезныя стычки съ войсками. Все это вызвало раздраженіе; а кто сѣетъ вѣтеръ, тотъ жнетъ бурю. Адресъ, принятый на собраніи 7 марта, не доходилъ по назначенію: къ правительству и королю. Правительство и король притворялись, что они ничего не знаютъ объ адресѣ. Такое поведеніе было отвѣтомъ само по себѣ. Копія адреса, посланная къ королю по почтѣ, какъ и слѣдовало ожидать, тоже не дошла по назначенію. Тогда слѣдующее собраніе постановило, что берлинскій магистратъ, вмѣстѣ съ городскими гласными, долженъ лично передать адресъ королю. Магистратъ и гласные изъявили свое согласіе; исполненіе этого плана было назначено на 14-е марта. Онъ, дѣйствительно, былъ приведенъ въ исполненіе. Но до тѣхъ поръ положеніе измѣнилось.

13 марта толпы народа, раздраженныя молчаніемъ правительства, переполняютъ улицы; человѣческое море бурно волнуется. Раздаются угрозы противъ министровъ, противъ правительства вообще. Вдругъ налетаютъ солдаты.

Масса хочетъ отхлынуть, но отхлынуть некуда: она останавливается. Въ толпу врѣзываются войска, рубятъ сабля, гуляетъ штыкъ. Всеобщая паника, крики ужаса, вопли бѣшенства. Два-три призыва къ баррикадамъ. Бой кажется неизбѣжнымъ. Но прежде, чѣмъ дѣло дошло до крайности, войска были отозваны, и толпа медленно разошлась по домамъ. Сотни человѣкъ получили легкія раны отъ сабель и штыковъ, нѣсколько дюжинъ—тяжелыя, трое были убиты наповалъ. Возбужденіе было страшное; элементъ, сдерживающій страсти,—юморъ—исчезъ; если бы войска не были отозваны, то 18-е марта замѣнилось бы другимъ числомъ, и Берлинъ не позволилъ бы обогнать себя Вѣнѣ.

. . . .

Въ старой императорской столицѣ на берегахъ Дуная жизнь била такимъ же горячимъ ключомъ, какъ и въ юной королевской столицѣ на берегахъ Шпри. Парижскія извѣстія молніей освѣтили въ народномъ сознаніи всю гнусность политическаго режима, подъ гнетомъ котораго изнывала Австрія не менѣе долго, чѣмъ всѣ остальныя части Германіи, больше всѣхъ задыхаясь въ желѣзныхъ тискахъ деспотизма; вмѣстѣ съ тѣмъ мгновенно возникаетъ рѣшимость положить конецъ этому позору. Въ одномъ отношеніи у австрійцевъ было преимущество передъ остальными нѣмцами. У нихъ была видимая и осязательная точка опоры, за которую они могли ухватиться. Въ Германіи было *много* объектовъ ненависти, и всѣ они были разсѣяны въ разныхъ мѣстахъ; въ Австріи, наоборотъ, олицетвореніемъ всего режима являлся *одинъ* человѣкъ. Каждый австріецъ въ каждый данный моментъ зналъ, куда бить, въ кого направить свои удары: въ *Меттерниха*. Въ Берлинѣ не было своего Меттерниха. Прусское правительство было ненавистно всѣмъ, но оно состояло изъ ничтожествъ; король былъ весьма непопуляренъ, но, благодаря своей измѣнчивой, полной противорѣчій и туманнаго романтизма натурѣ, не могъ сдѣлаться предметомъ серьезной и активной ненависти, а. значитъ, и онъ не

могъ явиться опредѣленнымъ пунктомъ для нападенія. Если бы резиденціей Меттерниха былъ Берлинъ, то 18-е марта кончилось бы иначе.

Итакъ, массы знали, по какому адресу имъ слѣдуетъ обратиться. Они не долго медлили: уже въ началѣ марта сталъ раздаваться крикъ: долой Меттерниха! Что же дѣлалъ Меттернихъ, чтобы «отвратить революцію», чѣмъ занимался онъ въ теченіе 33 лѣтъ, во имя чего цѣлыхъ 33 года мудрилъ онъ въ Австріи, Германіи и другихъ государствахъ Священнаго Союза? Онъ не дѣлалъ *ровно ничего.* Событія оглушили его, несчастнаго, какъ громомъ: онъ, «великій государственный человѣкъ», «величайшій государственный дѣятель всѣхъ временъ» — какъ величали Меттерниха до тѣхъ поръ, лесть его и эгоизмъ другое «великое» и «величайшее» словно — онъ еще меньше былъ въ состояніи оріентироваться въ событіяхъ, чѣмъ самый тупоумный изъ его подданныхъ, которыхъ онъ держалъ въ тьмѣ и невѣжествѣ, считая это квинтъ-эссенціей государственной мудрости. Чѣмъ же объясняется такая растерянность? Подобно другимъ «великимъ» и «величайшимъ», онъ *не зналъ* революціи, онъ зналъ ее не больше, чѣмъ знаетъ природу книжный червь, всю жизнь просидѣвшій надъ растеніями, высушенными между листами пропускной бумаги. Кто не знаетъ *законовъ историческаго развитія,* тотъ не имѣетъ понятія, что такое революція; а кто знаетъ эти законы, — тотъ не станетъ стремиться задерживать революцію, понимая, что она — живое дыханіе человѣчества, жизненный принципъ, уничтоженіе котораго равносильно смерти человѣчества и не находится во власти отдѣльной личности. Бороться съ нею — все равно, что бороться съ воздухомъ, изъ котораго мы вдыхаемъ жизнь. Когда революція предстала передъ Меттернихомъ, она имѣла совершенно другой видъ, чѣмъ онъ ожидалъ: онъ ее не узналъ. «Пусть кричатъ, сколько угодно», говорилъ онъ своимъ коллегамъ и приспѣшникамъ, съ тревогою и со страхомъ смотрѣвшимъ ему въ глаза. «Пусть кричатъ, сколько

угодно!» Но развѣ эти крики были позволительны съ полицейской точки зрѣнія? Конечно, нѣтъ. Но такой ужъ былъ тогда странный воздухъ — обезсиливающій власть имущихъ, ободряющій безсильныхъ, наполняющій все ихъ существо силой и ощущеніемъ своей силы. Гдѣ была полиція, которая за два-три дня пользовалась такой же неограниченной властью, какъ и самъ всесильный министръ? Она исчезла. Она лучше всесильнаго повелителя сообразила, откуда дуетъ вѣтеръ, и поняла, что на сценѣ появилась новая, страшная, таинственная сила, съ которой шутки плохи.

Массы все болѣе и болѣе приходили въ броженіе. Движеніе охватило рабочихъ, бюргеровъ, студентовъ — *многихъ* студентовъ. Въ Австріи политическое и экономическое развитіе на цѣлое поколѣніе отстало отъ другихъ частей Германіи, гдѣ уже въ предыдущемъ поколѣніи студенты стояли во главѣ политическаго движенія. Вѣнскіе студенты «побратались» съ рабочими. Были выставлены обычныя требованія — свобода печати и т. д. Но крикъ: «долой Меттерниха!» доминировалъ надъ всѣмъ. Меттернихъ не трогался съ мѣста. И когда 13 марта — въ тотъ самый день и часъ, когда въ родственномъ Берлинѣ натравленные правительствомъ солдаты звѣрски расправлялись съ народомъ и тѣмъ насильственно толкали его на путь революціи — въ это самое время революція, въ образѣ нѣсколькихъ тысячъ рабочихъ, бюргеровъ и студентовъ, предстала передъ Меттернихомъ; рука его дрогнула, какъ при взглядѣ медузы, и *«Георгій Побѣдоносецъ»*, съ которымъ онъ такъ охотно позволялъ сравнивать себя, *отпрянулъ передъ дракономъ революціи*. Если и было сопротивленіе, то оно исходило не отъ *него*. Никогда ни одна система, ни одинъ человѣкъ не были свергнуты такимъ плачевнымъ образомъ. Плачевность этого зрѣлища показываетъ пустоту, безмозглость системы и человѣка. Это даже нельзя было назвать паденіемъ — все, просто, осѣло, какъ осѣдаетъ надутый шаръ, если въ немъ обва-

зуется дыра. Одна восточная легенда разсказываетъ о прекрасныхъ, сверкающихъ существахъ, подобныхъ ангеламъ свѣта. Но на лбу у нихъ начертано слово: *ложь*, и если кто-нибудь прочтетъ эту надпись и воскликнетъ: ложь!— то гордый, грозный полубогъ мгновенно падаетъ ницъ и отъ него остается лишь горсточка пепла. Отъ *этого* полубога, правда, не осталось горсточки пепла, зато осталась огромная куча сора.

Какъ же это случилось? Очень просто. 13 марта собрались «нижне-австрійскія сословія» —нѣчто въ родѣ провинціальнаго ландтага; нѣсколько адресовъ во дворецъ— мѣстопребываніе короля и правительства—не оказали никакого дѣйствія; рѣшено было вручить требованія народа сословіямъ. Адресъ передается въ ратушу сословій, очень любезно принимается президентомъ ландтага. Между тѣмъ толпа растетъ; произносятся рѣчи, прочитывается пламенная рѣчь *Людвига Кошута*, произнесенная имъ въ венгерскомъ сеймѣ послѣ полученія вѣсти о парижскихъ событіяхъ; грозный крикъ: долой Меттерниха!—оглашаетъ пространство. Войска подвигаются; но до настоящаго боя дѣло не доходитъ; солдаты оказываются плохими «рубаками», орудія системы замѣчаютъ, что вся «система» находится при послѣднемъ издыханіи. Но въ нѣсколькихъ мѣстахъ — серьезныя схватки. Раненые, убитые!.. «Долой Меттерниха!»... «Во дворецъ!» Дворецъ занятъ войсками и хорошо защищенъ. Но солдаты колеблются стрѣлять въ народъ. И бѣдный, слабоумно-мягкосердечный «императоръ Фердинандъ» жалобно говоритъ своимъ придворнымъ: «Я не позволю стрѣлять!» Является депутація отъ народа; она требуетъ отставки Меттерниха. Послѣдній, бывшій въ то время въ сосѣдней комнатѣ, показывается самъ: «Это— просто уличныя безчинства!» — «Нѣтъ, это нѣчто болѣе серьезное! Только ваша отставка можетъ возстановить спокойствіе!» — «Если все зависитъ отъ меня, — *я съ радостью принимаю отставку*». Нѣкто сказалъ о Талейранѣ: «Когда говоришь съ этимъ молодцомъ, онъ постоянно улыбается, и

когда дашь ему пинка, онъ продолжаетъ улыбаться». Такъ улыбался и Меттернихъ. И на плечахъ этого-то Атласа въ теченіе 33 лѣтъ покоился «европейскій порядокъ»! Правда, «порядокъ» былъ таковъ, какъ слѣдовало ожидать. Еще одна черточка для полноты характеристики этого пустоголоваго государственнаго шарлатана: въ разговорѣ съ народной депутаціей, въ то время, какъ революція стучится въ окно, Меттернихъ бросаетъ крылатое слово: «*Народъ подстрекаютъ только жиды, поляки, итальянцы и швейцарцы!*»

Даже не клерикальная политика, нѣтъ, это была настоящая *полицейская* политика. Ни малѣйшаго понятія о движущихъ силахъ человѣческой природы и человѣческаго общества. Точка зрѣнія азіатскаго брамина за двѣ-три тысячи лѣтъ до Р. Х., который все происходящее на землѣ приписываетъ дѣятельности небесныхъ или подземныхъ силъ, — съ той только разницей, что здѣсь сверхъестественная сила переносится въ персть «иностранцевъ»; духовный уровень деревенскаго урядника, начинающаго вопить о комплотахъ и заговорахъ, какъ только крестьяне хотятъ положить конецъ его поборамъ. Кто при оцѣнкѣ историческихъ событій видитъ движущую силу не въ самихъ массахъ или событіяхъ, а внѣ ихъ, тотъ заранѣе выдаетъ себѣ свидѣтельство о бѣдности. Человѣкъ, которому всюду мерещатся заговоры, въ умственномъ отношеніи стоитъ на одинаковой ступени съ дикаремъ, видящимъ причину болѣзни въ зломъ духѣ.

Съ евреями, поляками и т. д. мы еще встрѣтимся въ дальнѣйшемъ изложеніи; но тотъ, кому принадлежала честь открытія, должно быть, или почувствовалъ смертельный страхъ передъ нѣсколькими евреями, поляками и т. д., или же познавалъ самого себя, точнѣе, свою шарлатанскую натуру,—однимъ словомъ, онъ струсилъ. Подъ ребяческимъ предлогомъ—необходимости написать декретъ объ уничтоженіи цензуры — онъ удалился, переодѣлся въ платье слуги, дрожа, выскользнулъ черезъ заднюю калитку, дрожа.

тайкомъ пробрался за городъ и, дрожа, уѣхалъ—по какой дорогѣ, этой тайны онъ намъ не открылъ—въ Лондонъ, гдѣ онъ могъ оправиться отъ страха въ обществѣ своего пріятеля, Луи-Филиппа. Страхъ за свою драгоцѣнную персону былъ совершенно излишенъ: никто не тронулъ волоса у него на головѣ,—на него могли только плюнуть, ибо то была революція презрѣнія и отвращенія, подобно февральской революціи, которую самъ Луи-Филиппъ назвалъ «моральной революціей». Послѣдній даже былъ узнанъ во время бѣгства, и его все-таки не остановили.

Итакъ, Меттернихъ скрылся. Вся операція стоила маленькаго кровопусканія—«всего» только 17 убитыхъ, не считая раненыхъ, изъ которыхъ многіе умерли отъ ранъ. Это было очень дешевой цѣной, если вспомнить, сколькимъ милліонамъ отравилъ жизнь этотъ несчастный. Послѣ удаленія Меттерниха, на Австрію посыпался золотой дождь всякихъ правъ и свободъ: вооруженіе народа, національная гвардія, свобода печати, свобода собраній и, въ заключеніе, къ довершенію благополучія 15 марта обѣщался «созывъ въ самомъ непродолжительномъ времени депутатовъ отъ всѣхъ провинціальныхъ сословій, при чемъ бюргерское сословіе должно получить усиленное представительство; цѣль собранія этихъ депутатовъ выработка *конституціи* отечества, на основѣ дѣйствующихъ положеній въ провинціяхъ». Слово «конституція», несмотря на всѣ оговорки, сдѣлало чудеса. Оно вызвало неописуемый восторгъ,—*мартовскій* восторгъ. Но суровая проза жизни не заставила себя ждать. Съ паденіемъ Меттерниха для Австріи вовсе не кончились всѣ бѣды—напротивъ, онѣ теперь, собственно, только и начинались. Затрудненія, на которыя натолкнулось политическое преобразованіе въ Германіи, существовали въ гораздо большей степени въ разношерстной, разноплеменной Австріи, составленной изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ различныхъ и разнообразнѣйшихъ національностей.

. . . .

Но вернемся къ *Берлину*. Возрастающее ожесточеніе за безсмысленную бойню мирныхъ гражданъ. Ни малѣйшаго признака, что правительство понимаетъ требованія народа и прислушивается къ нимъ. Носятся слухи объ организаціи новой бойни. Въ казармахъ идетъ «подготовка» солдатъ. Гвардейскіе офицеры изъ дворянъ держали кровавыя рѣчи и подбивали войска въ слѣдующій разъ покороче расправиться съ революціонной «сволочью». Разсказывали объ оргіяхъ реакціи, подобныхъ тѣмъ, которыя происходили въ Версалѣ въ началѣ октября 1789 года. Во всѣхъ этихъ случаяхъ было замѣшано имя *принца Прусскаго*, который-де удерживалъ своего брата, короля, отъ всякихъ уступокъ и пытался склонить его къ насильственному подавленію «мятежа». Тотъ фактъ, что принцъ Прусскій, будущій король и императоръ Вильгельмъ I, былъ противъ всякихъ «сдѣлокъ» съ движеніемъ и стоялъ за самыя крутыя мѣры, не подлежитъ никакому сомнѣнію, хотя и отрицается фальсификаторами исторіи. Какъ бы то ни было, глубокая ненависть къ принцу Прусскому ведетъ свое начало еще съ дней, *предшествовавшихъ* 18-му марта.

Адресъ королю, передача котораго была поручена магистрату и городскимъ гласнымъ, помѣченъ 13-мъ марта. Онъ представляетъ собою велерѣчивое посланіе, написанное въ стилѣ того времени и притомъ въ религіозномъ духѣ. 14 марта, въ 2 часа пополудни, магистратъ и городскіе гласные явились во дворецъ, были благосклонно допущены къ аудіенціи, передали адресъ королю и получили милостивый отвѣтъ въ словообильной рѣчи, содержаніе которой сводилось къ слѣдующему: *главное требованіе* удовлетворяется: «конституція»—дѣло такого рода, которое не допускаетъ чрезмѣрной поспѣшности; современный лозунгъ—*свобода народовъ, свобода государей*; имущество—исконная основа сословности; рѣшить германскій вопросъ—не во власти короля, но все устроится къ лучшему при искреннемъ единеніи правительства, сословій и народа.

Короче говоря, «главное требованіе» удовлетворено, больше рѣшительно ничего. Въ чемъ же состояло «главное требованіе»? Созывъ «Соединеннаго Ландтага»! Итакъ, «жалованная грамота», которой этотъ ублюдокъ созывался на 27-е апрѣля, была дана еще 14 марта. На 27-е апрѣля! Но вѣдь это значило чуть ли не къ концу свѣта! Любопытно разсмотрѣть остальную часть королевскаго отвѣта. «Свободные государи»—другими словами, государи, не связанные никакой *конституціей* — «листочкомъ бумаги», стоящимъ между Господомъ Богомъ и помазанниками Божьими; «имущество—основа сословности»: вмѣсто современнаго буржуазнаго общества, средневѣковая феодальная «сословность» и «дѣленіе на сословія». Но достаточно и этого. Букетъ средневѣковой плѣсени несется изъ каждаго слова королевскаго отвѣта. Мы умышленно подчеркиваемъ это, ибо методически организованная фальсификація исторіи утверждаетъ, будто король уже *до* 18 марта согласился на все то, на что онъ вынужденъ былъ согласиться *послѣ* 18 марта.

Зналъ ли король, пуская въ ходъ своихъ «свободныхъ государей и свободные народы», о судьбѣ Меттерниха, который былъ его идоломъ, какъ недосягаемый образецъ политической мудрости? Это можно утверждать почти безъ колебанія, хотя въ такомъ случаѣ его отвѣтъ берлинскимъ отцамъ города является психологической загадкой. Правда, не слѣдуетъ забывать, что электрическій телеграфъ, какъ мы уже упоминали, былъ тогда почти неизвѣстенъ, и вмѣсто него употреблялся воздушный телеграфъ съ сигнальными шестами, зависящій отъ малѣйшей перемѣны погоды.

Вечеромъ 14 марта въ Берлинъ доходитъ вѣсть о побѣдѣ революціи въ Вѣнѣ. Улицы переполнены волнующимся народомъ. Войска не показываются, полиція исчезла. Этого потребовалъ король. Такое распоряженіе приходится не по вкусу юнкерской и военной камарильѣ: она отсылаетъ въ Потсдамъ короля, уступчивость котораго ей не ко двору. Это было 15 марта. 16 марта войска снова

на улицахъ, кое-гдѣ кровавыя стычки, но до крупнаго столкновенія еще не доходитъ. Камарилья, которой такъ же мало дѣла до короля, какъ и до правительства, готовитъ ударъ. Правительство ослѣплено. Бодельшвингъ, который еще наканунѣ собирался выслать войска, вечеромъ 17 марта заявляетъ русскому послу, съ довольнымъ видомъ, потирая руки: «Можете смѣло писать въ Петербургъ, что въ *Берлинѣ дѣло сдѣлано*». Въ ту минуту, когда Бодельшвингъ произносилъ эти слова—и это служитъ для него смягчающимъ обстоятельствомъ,— была уже уничтожена *цензура*, а на слѣдующій день, *18 марта*, появился королевскій эдиктъ, которымъ на 2-е апрѣля созывался Соединенный ландтагъ. Бодельшвингъ, казалось, былъ правъ. Извѣстіе объ уничтоженіи цензуры и о скоромъ созывѣ Соединеннаго ландтага было встрѣчено съ восторгомъ— съ восторгомъ, растущимъ съ минуты на минуту. Чѣмъ большаго напряженія достигаетъ чувство, тѣмъ сильнѣе реакція — такова психологія человѣка. А здѣсь напряженіе, достигнее своего апогея, продолжалось уже почти три недѣли. Мартовскій восторгъ, какъ въ Вѣнѣ, какъ всюду въ Германіи, гдѣ правительство принуждено было отступить передъ народомъ... Между тѣмъ король вернулся изъ Потсдама въ Берлинъ: онъ не довѣрялъ юнкерамъ и войску и хотѣлъ «предотвратить глупости и свинство». Ахъ!—Фридрихъ Вильгельмъ Четвертый! Народъ, въ своей трогательной простотѣ и наивности, хочетъ благодарить короля. Призывъ «*ко дворцу!*» вдругъ потрясаетъ народныя массы. Тысячи и десятки тысячъ стекаются ко дворцу. Многіе въ праздничныхъ одеждахъ.

На лицахъ сіяетъ радость. Число людей, которые остались трезвыми среди всеобщаго блаженнаго опьяненія, различали дѣйствительность отъ миража и цѣнили минуту по настоящей цѣнѣ, было до смѣшного ничтожно. Только въ рядахъ пролетаріата нужда научила многихъ думать правильно. «Все это намъ, бѣднякамъ, не помогаетъ!»,— говорили нѣсколько рабочихъ кучкѣ бюргеровъ, радостно

спѣшившихъ ко дворцу; а одинъ пролетарій—имя его, къ сожалѣнію, не дошло до насъ,—который обнаружилъ больше политическаго чутья и государственнаго ума, чѣмъ всѣ «національные» профессора и другія двуногія достопримѣчательности того времени, вмѣстѣ взятыя, отвѣтилъ министру юстиціи фонъ-Савиньи, когда тотъ, въ разговорѣ съ нимъ, пустился въ разглагольствованія на тему о модной народности и хотѣлъ втолковать ему, что король, въ своей неисчерпаемой добротѣ, далъ еще больше, чѣмъ у него требовали: «*Ты, старина, не понимаешь, съ чѣмъ дѣло. Намъ не дали рѣшительно ничего.*“ Пролетарій былъ правъ, и этого факта не могли измѣнить ни рейнская и силезская депутаціи, ни берлинскій магистратъ съ бургомистромъ Наунынымъ, которые какъ разъ въ это время были во дворцѣ и бомбардировали короля либеральными фразами. Но толпа слышала только райскія мелодіи. Она должна была благодарить короля. Дружный виватъ въ честь короля несся изъ ликующаго человѣческаго моря, покрывавшаго площадь передъ дворцомъ. Король, который какъ и всѣ краснобаи, легко поддавался опьяненію похвалъ, вышелъ на балконъ, милостиво раскланиваясь, и хотѣлъ обратиться съ рѣчью къ народу; но вдругъ онъ раздумалъ и шепнулъ что-то стоявшему возлѣ него бургомистру, который громко прокричалъ съ балкона по направленію къ площади затаившей дыханіе толпѣ: «Король желаетъ, чтобы воцарилась свобода печати; король желаетъ, чтобы ландтагъ былъ созванъ немедленно; король желаетъ, чтобы всѣ германскія земли были сплочены конституціей на самыхъ либеральныхъ началахъ; король желаетъ, чтобы развѣвался германскій національный флагъ; король желаетъ, чтобы во всей Германіи были уничтожены таможенныя заставы; король желаетъ, чтобы Пруссія стала во главѣ движенія».

Если и прежде все было охвачено восторгомъ, то теперь энтузіазмъ достигъ апогея. Произнесенныя фразы были, правда, красивы, но расплывчаты до крайности;

это было все и ничто. Въ самомъ дѣлѣ, что такое конституція на либеральныхъ началахъ? Ни слова о томъ, что конституцію въ Пруссіи и во всей Германіи выработаетъ самъ *народъ*, черезъ своихъ представителей. И гдѣ гарантія, что обѣщанія будутъ исполнены? Ихъ далъ даже не самъ король лично, а другое лицо, отъ его имени. Да, тотъ рабочій былъ правъ. И если бы даже, дѣйствительно, Наунинъ высказалъ желанія короля —развѣ король былъ господиномъ положенія? Развѣ власть принадлежала ему? Развѣ Пруссіей не управляла «небольшая, но сильная» клика, программу которой еще въ 20-хъ годахъ обезсмертилъ Шамиссо: «король—абсолютный повелитель, *когда онъ нашей воли исполнитель*» («der König absolut—wenn er unseren Willen thut»). Развѣ эта клика, состоящая изъ потомковъ тѣхъ хищниковъ-рыцарей, которые нѣкогда чуть не повѣсили одного изъ Гогенцоллерновъ за то, что онъ хотѣлъ положить конецъ ихъ «кулачному праву»,—развѣ эта клика уже около недѣли не хлопотала усердно о томъ, чтобы натравить солдатъ на народъ и выдрессировать армію, какъ бульдога, для нападенія на человѣка? Кому же, въ дѣйствительности, принадлежала власть: королю или этой кликѣ?

Этотъ вопросъ долженъ былъ рѣшиться въ ближайшія минуты. Все сплошь охвачено радостью, восторгомъ! Ни единаго облачка на ясномъ небѣ... Какъ вдругъ толпа съ неудовольствіемъ замѣчаетъ у дворцовыхъ воротъ солдатъ перваго гвардейскаго полка, которые въ предыдущихъ уличныхъ битвахъ отличались особенной свирѣпостью; раздаются отдѣльные крики: «Долой солдатъ! Король долженъ стать подъ защиту гражданъ!» На небѣ показывается облачко... Но *это* что? Эскадронъ драгунъ, съ саблями наголо, бросается съ дворцовой площадки въ густую толпу,—вдругъ поворачиваетъ назадъ, повидимому, дрогнувъ передъ безсмысленностью предстоящей бойни, но затѣмъ, послѣ грознаго окрика офицеровъ, снова дѣлаетъ поворотъ и врѣзается въ ошеломленную толпу. Крики

ужаса, вопли бѣшенства!.. Облачко превратилось въ тучу... Конные драгуны стали топтать беззащитную толпу. Но этого еще мало: въ эту самую минуту—доказательство, что *бойня была организована заранѣе*—рота гренадеръ, со штыками наперевѣсъ, бросилась на тѣсно сбившіяся, какъ дичь во время травли, окруженныя со всѣхъ сторонъ массы народа. И въ то время, когда каждый спасается, какъ можетъ, когда крики ужаса и боли женщинъ и дѣтей смѣшиваются съ криками ярости мужчинъ,—раздаются *два выстрѣла* *). Выстрѣлы переполняютъ чашу: грозовая туча разрѣшается громомъ. Эти два выстрѣла оказали такое же дѣйствіе, какъ 22 дня тому назадъ выстрѣлъ въ Парижѣ, на бульварѣ Капуциновъ. Гроза, которая уже съ полчаса висѣла въ воздухѣ, наконецъ, разразилась; въ этотъ второй поворотный моментъ страшное напряженіе перваго было въ тысячу кратъ усилено гнѣвомъ, вызваннымъ измѣной. „*Измѣна! къ оружію! Къ оружію! Баррикады!*“

Виновники гнуснаго нападенія, направленнаго также противъ короля, показали свою силу. Но народъ показалъ имъ ихъ безсиліе. Вмѣсто того, чтобы поразить на смерть революцію, они *развязали ее*. И *революція началась*. Менѣе трусливые, чѣмъ Меттернихъ, они, подобно ему, убѣдились въ томъ, что борьба съ революціей имъ не подъ силу.

Событія 18 марта невозможно описывать въ отдѣльности. Мы можемъ дать только общія очертанія и набросать существенное крупными штрихами. Кто хочетъ подробнѣе ознакомиться съ этими событіями, долженъ обратиться къ Блоссу, дающему подробное описаніе 18 марта въ своей «Нѣмецкой революціи». Прежде всего,

*) Эти выстрѣлы, которые, къ счастью, никого не ранили, хотя были очень громкими, подтверждены оффиціально. Самыя точныя свѣдѣнія о событіяхъ на дворцовой площади можно найти въ описаніи профессора Шаслена, который спеціально занимается отдѣлкой лживыхъ измышленій придворнаго историка Зибеля (См. «Робертъ Блюмъ», В. Либкнехъ, стр. 297).

установленъ тотъ фактъ, что *нападеніе* послѣдовало не со стороны народа, а *противъ него.* Реакція пустила въ ходъ шарлатанскую уловку—свалить воровство на невиннаго: она выдаетъ 18-е марта за продуктъ заговора. Но народная масса еще никогда не приводилась въ движеніе путемъ заговора, кромѣ тѣхъ случаевъ,—какъ въ сицилійской вечернѣ,—когда заговорщикомъ былъ весь народъ. А въ такихъ случаяхъ это нельзя уже назвать заговоромъ. Если прослѣдить все то, что берлинскій народъ пережилъ 18 марта: сначала восторгъ и благодарность королю, потомъ ярость, вызванная измѣной, и, наконецъ, битва—все это вполнѣ естественно, какъ нельзя болѣе понятно психологически. все это—результатъ внутренняго, собственнаго побужденія. Но нельзя объяснить собственнымъ побужденіемъ того, что драгуны, съ саблями наголо, врѣзались въ мирную, празднично настроенную толпу—они даже явно высказывали свое отвращеніе; не объяснимо собственнымъ побужденіемъ и то, что гренадеры, стоявшіе у дворцовыхъ воротъ, со штыками на перевѣсъ бросились на толпу, и вовсе не является случайностью, что оба нападенія, драгуновъ и гренадеръ, послѣдовали одновременно. *Здѣсь*, дѣйствительно, былъ заговоръ, поскольку, вообще, можетъ итти рѣчь о заговорѣ. И цѣль заговорщиковъ тоже ясна, какъ день. Юнкерская клика не хотѣла никакихъ уступокъ народу, *ей нужна была бойня;* и если бы, дѣйствительно, была сдѣлана попытка отыскать главныхъ заговорщиковъ и виновниковъ нападенія,—это не представляло бы никакого затрудненія.

Когда жертвы юнкерскаго заговора, какъ кто умѣлъ, спаслись отъ солдатъ, событія пошли именно тѣмъ путемъ, какого слѣдовало ожидать при данныхъ условіяхъ и господствующемъ настроеніи. По примѣру Парижа и Вѣны, народъ бросился добывать оружіе и сооружать баррикады. Вѣсть о нападеніи солдатъ съ быстротой молніи распространилась по всему городу; всеобщій гнѣвъ, возмущеніе, масса борцовъ—возрастали съ минуты на минуту. Сила

взрыва была непонятна виновникамъ преступленія. Въ ночь того самаго дня, который ознаменовался битвой и возмездіемъ за ихъ преступленіе, *на вѣки разрушившимъ основы ихъ юнкерскаго государства*, они изобрѣли нелѣпую выдумку о «баррикадныхъ профессорахъ» и иностранныхъ офицерахъ, сооружившихъ баррикады по всѣмъ правиламъ военнаго искусства. Впрочемъ, военное искусство не было сказкой — о немъ позаботился прусскій милитаризмъ. Сравненіе уличной битвы въ Вѣнѣ и Берлинѣ показываетъ въ послѣднемъ на сторонѣ народа выучку и дисциплину, которая отсутствовала въ Вѣнѣ и должна была замѣняться тамъ одушевленіемъ. Кромѣ того, битва была ожесточеннѣе въ Берлинѣ: число убитыхъ 18 марта, *не считая* убитыхъ въ домахъ и похороненныхъ родственниками, больше чѣмъ вдесятеро (183 и 17) превышаетъ число убитыхъ 13 марта въ Вѣнѣ. Милитаризмъ — такая же палка о двухъ концахъ, какъ и капитализмъ, дѣтищемъ и орудіемъ котораго онъ является: ихъ обоихъ преслѣдуетъ злой рокъ: ибо всякая мѣра, направленная ими на усиленіе своего могущества, увеличиваетъ въ то же время и силу ихъ могильщиковъ и, такимъ образомъ, каждый шагъ впередъ *приближаетъ* ихъ къ собственной *гибели*. Ясное дѣло, что населеніе, прошедшее школу солдатчины, лучше будетъ строить баррикады и лучше стрѣлять, чѣмъ люди, никогда не державшіе въ рукахъ оружія.

Около половины третьяго пополудни наступилъ крутой поворотъ. Въ срединѣ марта солнце заходитъ около шести часовъ,— такимъ образомъ, оставалось еще три съ половиной часа до заката. Они были прекрасно использованы народомъ. Единодушіе злобы сообщило единодушіе дѣйствіямъ. Еще до наступленія сумерекъ были выломаны камни мостовой на всѣхъ улицахъ, гдѣ могла произойти битва, вырыты поперечныя канавы, чтобы помѣшать кавалерійской атакѣ, и сооружены сотни баррикадъ — многія изъ нихъ въ два этажа и настолько укрѣпленныя, что

съ успѣхомъ могли отражать артиллерію. У кого было оружіе — приносилъ его съ собой: всѣ оружейные магазины были опустошены, отлиты пули, сорваны крыши и приготовлены груды кирпичей, въ качествѣ метательныхъ снарядовъ. Берлинъ былъ готовъ къ бою. *Весь Берлинъ*, за исключеніемъ юнкеровъ и правительственныхъ чиновниковъ. Гнусность нападенія ожесточила даже высшіе слои бюргерства. Это обстоятельство заслуживаетъ вниманія. Но въ другомъ лагерѣ не замѣчалось такого единства и единодушія. Юнкера не ждали вулканическаго взрыва со стороны возмущеннаго народа: они готовились къ новому изданію 13 марта, лишь нѣсколько увеличенному. Народъ уже не былъ стадомъ овецъ, которое послушно позволяетъ себя перерѣзать. Король, окруженный всевозможными совѣтчиками и наушниками, качался, какъ тростникъ, изъ стороны въ сторону: онъ стоялъ то за продолженіе репрессій, то за прекращеніе ихъ. То онъ объяснялъ нападеніе солдатъ «недоразумѣніемъ», то начиналъ осыпать бранью «проклятыхъ жидовъ, французовъ и поляковъ», развратившихъ его народъ. Военное начальство потеряло голову. Этотъ фактъ тоже знаменателенъ. Тѣ самые храбрецы, которые раньше хорохорились и хвастали, что если бы дѣло дошло до нихъ, они заставили бы «чернь» смиренно просить прощенія, — эти самые храбрецы въ критическій моментъ были словно огорошены. Смятеніе было такъ велико, что уже *послѣ* нападенія солдатъ на дворцовой площади начальство надъ войсками было отнято у генерала Пфуля и поручено генералу Притвицу, который слылъ болѣе «энергичнымъ». Приказъ къ генеральной атакѣ былъ данъ уже послѣ отставки Пфуля. Хотя Притвицъ приходился по душѣ юнкерамъ, но внезапная перемѣна начальства не могла поднять «духа» солдатъ. Какъ бы то ни было, прежде чѣмъ войска шевельнулись, прошелъ цѣлый часъ. Въ этотъ промежутокъ была сдѣлана еще одна попытка предотвратить столкновеніе. Около трехъ часовъ изъ дворца вышли два человѣка, повидимому,

бюргеры; они несли прикрѣпленный между шестами кусокъ полотна, на которомъ огромными буквами было написано: «Недоразумѣніе: король желаетъ добра!» Въ то же самое время распространился слухъ объ образованіи либеральнаго министерства. Но было уже *слишкомъ поздно!* Вулканъ находился въ дѣйствіи—остановить его было невозможно. «Слишкомъ поздно».—А «недоразумѣніе»! Въ Парижѣ тоже стрѣльба въ народъ оказалась «недоразумѣніемъ». Въ Парижѣ даже ружья «сами собою выстрѣлили».—Эта шуточка не осталась безъ подражанія въ Берлинѣ, какъ и меттерниховская премудрость, достойная будочника, о «подстрекателяхъ-иностранцахъ», руководившихъ революціей. Впрочемъ, атмосфера была такъ насыщена электричествомъ, что неудивительно, если ружья «стрѣляли сами собою».

Только къ четверти четвертаго пополудни генералъ Притвицъ кончилъ свои сборы, и войска открыли нападеніе. Былъ ли у Притвица извѣстный планъ или нѣтъ, и въ чемъ именно онъ состоялъ, мы не знаемъ — на этотъ счетъ мнѣнія расходятся — но, въ сущности, это безразлично. Главная битва происходила вблизи дворца. Войска встрѣтили всюду рѣшительный отпоръ. Когда народъ оттѣсняли съ одной баррикады, онъ спѣшилъ къ ближайшей Солдаты, систематически натравливаемые на народъ, дрались съ яростью. Но ихъ было въ городѣ только 12.000, считая съ подкрѣпленіями изъ всѣхъ окрестностей — не больше 20.000, а на баррикадахъ сражался *Берлинъ*. Когда падалъ одинъ, на его мѣсто становились двое; каждый ружейный залпъ увеличивалъ число борцовъ за народное дѣло, между тѣмъ какъ число солдатъ не только не росло, но уменьшалось съ каждой потерей. Если планъ генерала Притвица, какъ увѣряютъ его панегиристы, состоялъ въ томъ, чтобы сдѣлать организаціоннымъ базисомъ часть города между дворцовой площадью, «Линдами» и Денгофской площадью и изъ нея посылать боевыя колонны по всѣмъ направленіямъ, то черезъ нѣсколько часовъ обнаружилось,

что планъ былъ крайне неудачнымъ. Правда, солдаты, цѣною страшныхъ усилій, взяли нѣсколько баррикадъ; но прежде, чѣмъ баррикада попадала въ ихъ руки, приступъ повторялся нѣсколько разъ и велась продолжительная ружейная перестрѣлка; вдобавокъ, за каждой баррикадой они натыкались на новую, ибо баррикадъ было такъ много, что войска могло хватить лишь для ничтожной ихъ части. Это была настоящая баррикадная mise en scène, какъ въ Парижѣ. Борцами были рабочіе, мѣщане, незначительное число студентовъ и людей изъ «высшихъ сословій». Но подавляющее большинство состояло изъ рабочихъ. А за баррикадами женщины, дѣвушки и дѣти занимались приготовленіемъ кофе, отливаніемъ пуль, перевязкой и переноской раненыхъ. На полѣ сраженія была вся *семья* — признакъ, что сражался народъ, для котораго битва вовсе не спортъ. Движеніе войскъ сильно затруднялось градомъ кирпичей и другихъ метательныхъ снарядовъ, сыпавшихся на нихъ съ крышъ. Въ солдатъ стрѣляли и изъ домовъ; прежде чѣмъ идти приступомъ на баррикаду, они принуждены были брать штурмомъ дома. Происходили ужасающія сцены рѣзни. Ворвавшись въ дома, солдаты чинили въ нихъ расправу: кто изъ защитниковъ не былъ убитъ или раненъ, тотъ подвергался жестокимъ истязаніямъ и издѣвательствамъ. Многихъ плѣнныхъ, захваченныхъ въ кельнской ратушѣ, убили ружейными прикладами или закололи штыками. Въ числѣ прочихъ былъ арестованъ, вмѣстѣ съ семьей, докторъ Августъ, ветеранъ, награжденный крестомъ за кампанію 1813 года; причиною ареста, повидимому, было то, что изъ зданія гимназіи стрѣляли въ солдатъ. Когда онъ сталъ протестовать противъ своего ареста, одинъ офицеръ, ударивъ его шпагой въ лицо, нанесъ ему тяжелую рану. Его съ семьей повели къ дворцовому караулу, надѣляя многочисленными пинками и издѣвательствами; по дорогѣ одинъ солдатъ, безъ всякаго повода, застрѣлилъ его племянника, студента фонъ-Гольцендорфа.

Война разнуздываетъ звѣря въ человѣкѣ, и больше всего это относится къ гражданской войнѣ. Мы не будемъ бросать камня въ солдатъ. Когда *со всѣхъ сторонъ* летятъ пули, когда стрѣляютъ даже изъ домовъ,—дисциплинированнымъ солдатомъ овладѣваетъ неукротимая ярость—стоитъ вспомнить только ужасающую бойню въ Базейлѣ; и принимая во вниманіе, какія средства пускались въ ходъ, чтобы разнуздать солдатъ, какъ представляли имъ борцовъ за народное дѣло въ видѣ «переодѣвшагося сброда», «шайки убійцъ и грабителей», «иностранныхъ агентовъ», какъ спаивали ихъ, чтобы превратить ожесточеніе, вызванное подобными рѣчами, въ животную ярость,—принимая все это во вниманіе, мы не можемъ отказать солдатамъ въ смягчающихъ обстоятельствахъ. Тѣмъ болѣе тяжкая вина падаетъ на офицеровъ и виновниковъ перваго нападенія. Но здѣсь не стоитъ труда обосновывать наши обвиненія. Въ своемъ грубомъ высокомѣріи, виновные сами обвинили себя и сами пригвоздили себя къ позорному столбу. Изъ многихъ остановимся на одномъ — на нѣмецкомъ принцѣ, котораго наши враги, безъ сомнѣнія, признаютъ «классическимъ свидѣтелемъ», *принцъ Крафтъ* Гогенлое-Ингольфингенъ, который 18 марта былъ двадцатилѣтнимъ лейтенантомъ, служившимъ въ Берлинѣ. Этотъ господинчикъ, который впослѣдствіи возвысился до крупнаго военнаго чина и недавно умеръ, велъ дневникъ, первый выпускъ котораго («Изъ моей жизни», Берлинъ) на-дняхъ вышелъ въ свѣтъ, — очевидно, какъ юбилейный подарокъ, вышедшій съ цѣлью очернить мартовскую революцію. Но въ дѣйствительности это произведеніе является тяжкимъ обвинительнымъ актомъ противъ автора и его присныхъ; мы горячо рекомендуемъ его всякому, кто хочетъ видѣть враговъ народа въ настоящемъ свѣтѣ: оно усилитъ въ немъ ненависть. Личность и положеніе автора, положеніе его семьи придаютъ этой книгѣ высокую цѣнность для исторіи культуры. Принцъ, какъ человѣкъ заурядный, чуждый всякой оригинальности, тѣмъ болѣе представляетъ со-

бою драгоцѣннаго свидѣтеля: его мнѣніе—мнѣніе его клики, и она-то и является той кликой, которая подготовила 18-е марта и сама упала въ яму, вырытую для народа. Что «князь», послѣ февральской революціи, нашелъ Берлинъ «наводненнымъ пятифранковиками», что онъ «повсюду слышалъ французскую рѣчь» — объ этомъ мы упоминаемъ лишь вскользь, чтобы выставить въ приличномъ освѣщеніи одну выдержку изъ его книги, которую мы намѣрены извлечь изъ мрака забвенія.

О 18-мъ марта онъ разсказываетъ, между прочимъ, слѣдующее: «Многіе защитники засѣли въ кельнской ратушѣ. Въ большомъ залѣ ратуши собралось 47 хорошо вооруженныхъ людей, такъ называемыхъ защитниковъ отечества. Когда ворвались солдаты и пустили въ ходъ штыки и ружейные приклады, ихъ встрѣтилъ крикъ: «Pitié! Vous êtes donc pires que les Russes?» (Пощадите! Неужели вы еще хуже русскихъ?») *Ни одинъ изъ этихъ берлинскихъ героевъ не умѣлъ говорить по-нѣмецки.* Тогда наши закричали: «Что такое? Мы вамъ покажемъ, какъ говорятъ по-нѣмецки!» И *скоро на полу лежало 47 труповъ*».

Подумайте, какое безграничное тупоуміе, какая варварская жестокость сквозитъ изъ этой замѣтки! Какой-нибудь негръ съ Камеруна не повѣрилъ бы о 47 французахъ, найденныхъ въ кельнской (старо-берлинской) ратушѣ. И хладнокровно перерѣзать, *перебить* 47 плѣнныхъ, не оказывающихъ сопротивленія, — это называется на языкѣ *нѣмецкаго* принца: «говорить по-нѣмецки»! И *эта* клика захватила бы власть, если бы 18-е марта не обрѣзало у ней когти и не вырвало самые ядовитые зубы. Въ кельнской ратушѣ, впрочемъ, даже не было убито 47 человѣкъ, а «всего только» около дюжины; и эти убитые были не французами, а самыми подлинными нѣмцами, какъ и студентъ фонъ-Гольцендорфъ, убитый недалеко отъ ратуши.

Легенда объ «иностранцахъ» имѣетъ культурно-историческій интересъ, такъ какъ она показываетъ умственный уровень своихъ изобрѣтателей и распространителей. Замѣ-

тимъ, кстати, что въ числѣ 187 убитыхъ 18 марта *не оказалось ни одного иностранца*. Но это не помогло. Клевета не спрятала свое жало. Чтобы свалить на народъ свой *собственный* позоръ, реакція выдумала «убійство» гренадера Тейсена и увѣковѣчила свою ложь на металлической доскѣ. Пресловутое «убійство» состояло въ томъ, что Тейсенъ, который стоялъ на часахъ, въ началѣ битвы не хотѣлъ сдать своего оружія народу и былъ убитъ выстрѣломъ изъ собственнаго ружья, разрядившагося во время борьбы. У *народа* нѣтъ на совѣсти ни одного убійства. Онъ не убивалъ плѣнныхъ, какъ это дѣлали солдаты; если онъ погрѣшилъ, то только въ одномъ отношеніи: онъ былъ слишкомъ великодушенъ. Какъ неистовствовала бы юнкерская клика, если бы побѣда досталась *ей!* Борющійся народъ всегда великодушенъ — великая цѣль борьбы окрыляетъ его духъ, подымаетъ его надъ уровнемъ обыденщины. Этимъ объясняется и тотъ фактъ, что въ революціонное время уголовныя преступленія совершаются гораздо рѣже, чѣмъ обыкновенно. Этотъ фактъ былъ уже доказанъ въ Парижѣ; доказанъ онъ также для Берлина и Вѣны.

Къ полуночи стало ясно, что войска безсильны подавить возстаніе. Народъ былъ повсюду, народныя силы постоянно освѣжались и умножались, между тѣмъ какъ войска «развинтились» («verkrümelten sich»), какъ заявилъ королю Притвицъ: они не могли смѣняться и были въ конецъ истощены. Во дворцѣ все ходило ходуномъ. Депутаціи пытаются говорить съ королемъ, осажденнымъ юнкерской кликой; король мечется отъ одной крайности къ другой: приказъ, отмѣна приказа, *полный безпорядокъ* *); теперь это называется «курсомъ зигзаговъ». Къ пяти часамъ утра положеніе стало настолько невыгоднымъ, что войскамъ было приказано оставаться на своихъ мѣстахъ. Разрастающіяся рабочія предмѣстья къ

*) Игра словъ: Ordre — приказъ; Contre-ordre — противоположный приказъ, отмѣна приказа; Désordre — отсутствіе приказа, безпорядокъ. *Переводчикъ*

сѣверу и къ востоку, покрытыя баррикадами, кишѣли воинственно-настроеннымъ народомъ, такъ что *если бы даже* войска и овладѣли центромъ города, то и тогда имъ предстояла еще болѣе тяжелая задача. Къ семи часамъ утра появилась знаменитая прокламація короля: «Къ моимъ возлюбленнымъ берлинцамъ». Возлюбленные берлинцы, которые «были совращены къ мятежу шайкой злонамѣренныхъ лицъ, состоящей, большей частью, изъ иностранцевъ», призывались снова стать благонравными и очистить баррикады, а тогда же онъ, король, отзоветъ войска. Возлюбленные берлинцы наклеили прокламацію «Къ моимъ возлюбленнымъ берлинцамъ» въ качествѣ адреса на застрявшіе въ стѣнахъ осколки гранатъ и другіе дары, которые послалъ имъ *король*, но баррикадъ они не очистили. Тогда принцъ Прусскій потребовалъ, чтобы войска немедленно снова перешли въ наступленіе. Но это было невозможно. Войска, которымъ, благодаря окружающей ихъ сѣти баррикадъ, былъ отрѣзанъ подвозъ припасовъ и подкрѣпленій, были бы неизбѣжно разбиты народомъ, а дворецъ взятъ приступомъ. Волей-неволей приходилось сдаться. Солдаты получили приказаніе отступать, и плѣнные — многіе изъ нихъ въ страшно изувѣченномъ видѣ — были выпущены на свободу.

Берлинъ побѣдилъ: когда наступилъ день 19 марта, солнце освѣтило счастливый народъ и обломки правительственной системы. Но радость побѣды не затмила воспоминанія о позорной измѣнѣ. Цѣлыя сотни убитыхъ и раненыхъ!.. Вдругъ возникаетъ мысль: «Ко дворцу! Король долженъ видѣть дѣло рукъ своей банды!» Сказано, сдѣлано. Носилки сюда! И трупы, залитые кровью, изрубленные, прострѣленные, изувѣченные, кладутся на носилки; траурная процессія медленно направляется ко дворцу. «Пусть выйдетъ король!» Король показывается, едва держась на ногахъ. Съ балкона онъ отдаетъ глубокій поклонъ павшимъ. «Сюда, внизъ!» Король спускается внизъ, гдѣ лежатъ трупы, залитые кровью. Онъ долженъ видѣть зіяю-

нія раны, онъ долженъ выслушивать слова оскорбленія. Онъ долженъ обнажать голову передъ павшими*). Такъ перуанскій Инка оставался невозмутимымъ на своей раскаленной рѣшеткѣ. Это былъ *парадъ мертвецовъ*, воспѣтый Фрейлигратомъ въ его прекрасномъ революціонномъ стихотвореніи: «Мертвые къ живымъ». Исторія поистинѣ не знаетъ другого примѣра столь глубоко трагическаго возмездія исторической Немезиды и въ то же время столь ужаснаго, хотя пытка не входила въ намѣренія народа. Онъ не тронулъ волоса на головѣ у монарха, который все же понесъ болѣе ужасную кару за грѣхи своей династіи и своихъ придворныхъ, чѣмъ Людовикъ XVI во Франціи. И когда онъ, понуривъ голову, вмѣстѣ со своей полуживой женой, всходилъ обратно по лѣстницѣ, толпа запѣла церковный гимнъ: «*Господь мое прибѣжище*».

Это было 18-е марта, кульминаціонная точка мартовской революціи.

Мартовская революція была *выиграна*, мартовская революція была *проиграна*.

Она была *выиграна*: армія разбита, юнкерская клика прогнана, правительство свергнуто, король побѣжденъ народомъ, во власти народа.

Она была *проиграна*: народъ побѣдилъ своихъ враговъ, но онъ не разбилъ ихъ оружія, онъ не прогналъ ихъ съ укрѣпленныхъ позицій и оставилъ имъ возможность оправиться отъ пораженія. Гидрѣ отрубили головы, но она была еще жива: головы могли отрасти снова. 18-е марта рѣшило судьбу мартовской революціи. Пруссія со своей столицей Берлиномъ была уже тогда центромъ тяжести всей Германіи.

Одновременно съ парадомъ мертвецовъ во дворецъ направлялось еще одно шествіе: многотысячная толпа, требовавшая вооруженія народа и введенія гражданскаго опол-

*) Во многихъ отчетахъ не упоминается о томъ, что король спускался внизъ и подходилъ къ трупамъ но этотъ фактъ не подлежитъ сомнѣнію.

ченія. Король соглашается. Назначается либеральное министерство Ауэрсвальда, Шверина! Оно встрѣчаетъ довольно холодный пріемъ. Вдругъ изъ одной группы передъ дворцомъ раздается крикъ: «Долой принца Прусскаго!» Крикъ падаетъ на благодарную почву. Голосъ народа обвиняетъ принца въ предательскомъ нападеніи на Дворцовой площади. Но пока еще всѣ охвачены радостью побѣды и печалью по умершимъ. Мысль еще не претворяется въ дѣло. Вечеромъ Берлинъ освѣщается блестящей иллюминаціей. 29-го манифестаціи противъ «принца» принимаютъ угрожающій характеръ. Принцъ спасается бѣгствомъ, его дворецъ предохраняется отъ разрушенія надписью: *«Національная собственность»*. *Амнистія!* Выпускаются на свободу *поляки*, которымъ народъ готовитъ тріумфальную встрѣчу. Прокламація новаго министерства: «Къ нѣмецкой націи»; прусскій король, «въ интересахъ спасенія общаго отечества, сталъ во главѣ Германіи» и совершилъ объѣздъ, украшенный національными цвѣтами, которые еще такъ недавно были ему ненавистны. Наступаетъ часъ объѣзда — король изукрашенъ черно-красно-золотыми цвѣтами; онъ скромно отклоняетъ титулъ «Императоръ Германіи», но чувствуетъ себя «призваннымъ къ спасенію единства и свободы Германіи». Но народъ не забываетъ, что совершается революція и что необходимо завоевать себѣ почву. Одна депутація требуетъ либеральнаго *избирательнаго закона съ прямыми выборами*, другими словами — *всеобщаго избирательнаго права*. Король соглашается.

22 марта происходятъ похороны павшихъ на баррикадахъ борцовъ. Золотое время мартовской революціи близится къ концу. Реакція собирается — сперва съ мыслями, потомъ — съ силами.

Прежде, чѣмъ оставить Берлинъ и обратиться къ другому театру дѣйствій, скажемъ нѣсколько словъ о фальсификаціи исторіи, которая съ особенной ревностью стремится принизить значеніе 18 марта, ибо оно является самымъ выдающимся и важнымъ событіемъ мартовской

революціи, тѣмъ именно событіемъ, которое подняло ее на степень революціи. Прежде всего она утверждаетъ, что 18-е марта, этотъ «позорный бунтъ», не принесло народу ничего сверхъ того, на что король уже раньше соглашался добровольно. Это ложь. Прежде король твердо держался *сословнаго* «колтуна» — только послѣ 18 марта онъ принужденъ былъ согласиться на «*прямые выборы*», то-есть—это выраженіе страдаетъ крайней неясностью—на *всеобщее* избирательное право и, такимъ образомъ, признать *принципъ народнаго суверенитета*: это было *разрывомъ со старой абсолютистской Пруссіей и монархіей Божьей милостью.*

И 18-е марта нанесло такой смертельный ударъ старой Пруссіи, что, несмотря на усердную гальванизацію реакціонеровъ, ее нельзя было воскресить вновь. «Мертвый въ гробѣ мирно спи»... Вторую кардинальную ложь—что 18-е марта было плодомъ заговора «революціонеровъ»—мы уже оцѣнили по достоинству и показали, *кто* были настоящими заговорщиками. Далѣе, систематическая фальсификація утверждаетъ, что побѣжденнымъ былъ *народъ* и что король, въ своей неисчерпаемой добротѣ, остановилъ мечъ, занесенный для послѣдняго удара. Наше строго историческое изложеніе показываетъ, насколько это утвержденіе противорѣчитъ истинѣ. И генералъ фонъ-Пфуль, у котораго юнкерская клика отняла начальство надъ войсками 18 марта, прямо устанавливаетъ фактъ, что войска были побѣждены. (Дневникъ Варнгагена).

Но довольно о фальсификаціяхъ. Перейдемъ къ фальсификаторамъ—нѣтъ, вѣрнѣе, къ господамъ, «*исправляющимъ*» исторію. На первомъ планѣ блистаетъ господинъ *фонъ-Зибель*, Гнейстъ исторіографіи, который «все можетъ доказать», что ему приказано, и который умудрился даже изъ исторіи Французской революціи сдѣлать рекламу для династіи Гогенцоллерновъ. Совсѣмъ другого поля ягода—господинъ *Трейчке*—второй голосъ въ дуэтѣ двухъ великихъ виртуозовъ исторіи. Господинъ Трейчке относится

къ профессіональнымъ «исправителямъ» исторіи такъ, какъ клептоманъ къ профессіональнымъ ворамъ. Онъ такъ же мало повиненъ въ зломъ умыслѣ, въ сознательной фальсификаціи, какъ клептоманъ въ зломъ умыслѣ, въ сознательномъ воровствѣ. Такова ужъ его натура. Есть люди, которые видятъ все въ красномъ свѣтѣ, такъ и онъ видитъ все въ черно-бѣломъ освѣщеніи. Его культъ Гогенцоллерновъ—это религіозный фанатизмъ. Орелъ Гогенцоллерновъ всецѣло завладѣлъ его воображеніемъ: если ему и случается не превознести до небесъ какого-нибудь Гогенцоллерна, то это только для того, чтобы вознести «выше облака ходячаго» имперію Гогенцоллерновъ.

18-е марта пробудило во всемъ германскомъ народѣ чувство собственнаго достоинства. Самый могучій врагъ былъ побѣжденъ. Но и 18-е марта не дало движенію ни опредѣленной цѣли, ни прочной основы. Германскій парламентъ—вотъ что представлялось самой настоятельной потребностью, особенно въ юго-западной Германіи. Благодаря длинной процедурѣ, которую тянули съ разсчетомъ, такъ называемый *предварительный парламентъ* собрался во Франкфуртѣ только 31 марта. Гейдельбергская комиссія семи составила резолюцію въ очень умѣренномъ духѣ и позаботилась о томъ, чтобы радикалы и республиканцы были представлены, по возможности, въ ничтожномъ количествѣ. Всѣхъ депутатовъ было 511 человѣкъ. Распредѣленіе ихъ было самое произвольное: такъ, изъ Пруссіи явился 141 депутатъ, изъ Австріи—только два. Дебаты отличались бурностью и безпорядочностью. Робертъ Блюмъ съ трудомъ предотвратилъ конфликтъ между республиканцами и монархистами и, такимъ образомъ, помѣшалъ расколу предварительнаго парламента. Меньшинство требовало: уничтоженія наслѣдственной монархіи, свободно-избраннаго парламента для всего германскаго отечества, союзной конституціи по образцу Сѣверо-Американскихъ свободныхъ государствъ, учрежденія исполнительнаго комитета, съ полномочіями вплоть до окончательной выработки

конституціи. Большинство вотировало за програму комиссіи семи, которая состояла въ слѣдующемъ: «Глава союза съ отвѣтственными министрами; *сенатъ* отдѣльныхъ государствъ; палата, избираемая народомъ при помощи прямыхъ выборовъ, считая по одному депутату на 70.000 человѣкъ населенія; компетенція Союза по отношенію къ войску, представительству за границей, правосудію; введеніе однообразныхъ монеты, мѣръ, вѣса. Постановленіе о созывѣ учредительнаго національнаго собранія дѣлается *союзными властями, совмѣстно съ уполномоченными.* Предварительный парламентъ выбираеть *комиссію пятидесяти*, которая должна позаботиться о проведеніи въ исполненіе всѣхъ этихъ постановленій». Большинство высказалось въ принципѣ за предложенную резолюцію, меньшинство вышло изъ предварительнаго парламента, за исключеніемъ нѣсколькихъ депутатовъ, считавшихъ еще не все проиграннымъ. Въ комиссію пятидесяти вошли 38 представителей большинства и 12 меньшинства, съ Якоби, Ицштейномъ и Блюмомъ во главѣ. Геккеръ и Струве не получили требуемаго количества голосовъ. Предварительный парламентъ засѣдалъ въ *церкви св. Павла*, очень близко отъ Эшенгеймской улицы, гдѣ, между тѣмъ, *Союзный Сеймъ*, согласно волѣ представителей, соединился съ либеральными уполномоченными. Онъ былъ весьма доволенъ поведеніемъ предварительнаго парламента — послѣдній поручилъ преобразованіе Германіи союзнымъ властямъ, совмѣстно съ уполномоченными и, такимъ образомъ, посадилъ щуку въ воеводы надъ карасями. Большаго Союзный Сеймъ не могъ требовать даже въ томъ случаѣ, если бы онъ самъ выбралъ предварительный парламентъ и далъ ему инструкціи. А какъ легко можно поладить съ «либеральными уполномоченными» — господа реакціонеры уже смекнули.

Казалось, наступило затишье. После 18 марта — больше ни одного взрыва. Только въ *Венгріи* происходило броженіе, да *Италія* была вся охвачена пламенемъ. Здѣсь извѣстіе о паденіи Меттерниха подѣйствовало, какъ искра, попавшая въ бочку пороха: 17 марта возсталъ Миланъ и послѣ битвы, продолжавшейся нѣсколько дней, прогналъ австрійцевъ изъ города; Венеція послѣдовала его примѣру, и «мечъ Италіи», Карлъ-Альбертъ Сардинскій, котораго манило золотое яблочко Гесперидъ — королевская корона Италіи — 24 марта объявилъ Австріи войну и «сталъ во главѣ итальянскаго движенія», какъ наканунѣ его «возлюбленный братъ» въ Берлинѣ сталъ во главѣ германскаго движенія. Радецкій, главнокомандующій австрійскихъ войскъ («Въ твоемъ лагерѣ—вся Австрія»), былъ въ невыгодномъ положеніи. Не располагая достаточными силами для противодѣйствія инсургентамъ и сардинской арміи, онъ отступалъ къ Минчіо въ *четыреугольникъ крѣпостей*, стянулъ туда всѣ свои войска и сталъ выжидать благопріятнаго момента, чтобы сокрушительнымъ натискомъ перейти отъ обороны къ наступленію.

Тактика геніальнаго Радецкаго была, въ сущности, той же тактикой реакціи въ Германіи, перенесенной на политическую почву. Правда, нѣмецкіе реакціонеры были въ болѣе выгодномъ положеніи, зато они не обладали геніальностью австрійскаго бреттера. Реакція находилась въ положеніи коменданта крѣпости, которая была взята врагами, но затѣмъ снова очищена ими, причемъ побѣдители не позаботились о томъ, чтобы срыть до основанія всѣ укрѣпленія и, такимъ образомъ, обезоружить коменданта и гарнизонъ крѣпости. Какъ только реакція замѣтила, что еще не все потеряно, что народъ самъ не понялъ важности своей побѣды и не использовалъ ея,—она втихомолку возстановила свои валы и рвы, укрѣпила слабые пункты, собрала разсѣянный гарнизонъ и реорганизовала боевыя силы для успѣшной обороны, а, въ случаѣ надобности, и для успѣшнаго наступленія: точь-въ-точь,

[illegible] старый режимъ въ [illegible] прѣ-
[illegible].

На сторонѣ реакціонеровъ — или, какъ ихъ называли, контръ-революціонеровъ — было одно громадное преимущество по сравненію съ революціонерами: они знали, чего имъ нужно, между тѣмъ, какъ революціонеры этого не знали. Это обстоятельство, конечно, вовсе не говоритъ въ пользу господъ реакціонеровъ. Въ критическій моментъ они обнаружили не больше ума и мужества, чѣмъ ихъ предшественники въ [illegible] году или [illegible], и во [illegible] въ [illegible] въ нихъ [illegible] не было [illegible]. Но до извѣстной черты они были единодушны: они поставили себѣ задачей защищать и укрѣплять старую машину правительственной власти и, въ то же время, истощать и вытѣснять революціонеровъ, пока съ ними не будетъ покончено. Это была простая тактика, которая вытекала изъ данныхъ условій и представлялась естественной самому недалекому уму: ея успѣхъ былъ обезпеченъ въ томъ случаѣ, если революціонеры не разрушатъ полицейскій военно-бюрократическій правительственный аппаратъ или не возьмутъ его въ свои руки. Но такого исхода нечего было опасаться, ибо достичь его можно было не однимъ насильственнымъ актомъ, а только планомѣрной дѣятельностью. А для такой дѣятельности отсутствовали необходимыя условія и, прежде всего, необходимыя личности.

Нелѣпая сказка, которую пустили въ свѣтъ господа реакціонеры, отчасти по глупости, отчасти для прикрытія своего [illegible] и пораженія, — о томъ, что вся мартовская революція является результатомъ заговора, [illegible] продѣлкой разрушителей и анархистовъ, — эта сказка лучше всего опровергается самими господами сказочниками, или, вѣрнѣе, [illegible], у которыхъ не осталось бы времени придумать эту ложь, если бы такъ было въ дѣйствительности. Ибо, гдѣ организованная сила и заговоръ — тамъ и планъ; а если бы этотъ вулканическій взрывъ сокр-

шался по извѣстному плану, то шайка [illegible] смела бы съ лица земли все зданіе реакціи, вмѣстѣ со всѣми его обитателями, не давая пощады и подземнымъ притонамъ. Кто могъ бы помѣшать тому? Конечно, не рыцари реакціи, которые раньше такъ громко хвастали и [illegible]лись подтереть (wegsubitzen) у народа его 18-е марта — они были бы поглощены волнами революціоннаго потока, какъ полевыя мыши, не успѣвшія во-время спастись отъ внезапнаго наводненія.

Многіе изъ этихъ господъ тоже спаслись бѣгствомъ, и самые рыцарскіе изъ рыцарей — въ такомъ ужасѣ и въ такихъ одѣяніяхъ, которыя меньше всего подобаютъ рыцарскому званію.

Нѣтъ, мартовская революція не происходила по плану, — это была игра природныхъ и стихійныхъ силъ. Изъ всѣхъ революцій, которыя мы знаемъ, это, можетъ быть, наиболѣе самобытная, наиболѣе безъискусственная: народъ былъ предоставленъ исключительно самому себѣ и дѣйствовалъ по собственной иниціативѣ. 1789 годъ встрѣтилъ во Франціи совершенно развитую буржуазію, которая уже являлась господствующимъ классомъ въ экономическомъ и интеллектуальномъ отношеніяхъ и вступила въ революцію съ опредѣленной программой — въ революцію, которая, въ сущности, только санкціонировала существующія отношенія. Въ іюльской и, позднѣе, въ февральской революціяхъ дѣйствовали сплоченныя партіи, которыя, по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени, сознательно подготовили революцію, а при наступленіи ея немедленно брали или пытались взять на себя руководящую роль. Ничего подобнаго въ мартовской революціи. Ни программы, ни партій, ни плана. Оппозиціонный хаосъ, космическій туманъ, еще не сгустившійся въ опредѣленную форму, — туманность безъ ядра. Неужели либеральныхъ героевъ [illegible] южно-германскихъ палатъ и Соединеннаго ландтага можно назвать партіями, а ихъ расплывчатыя, лишенныя всякаго осязательнаго содержанія фразы — программой?

Отсутствіе политическаго опыта самымъ яркимъ и пагубнымъ образомъ сказалось на практикѣ въ призваніи такъ называемыхъ «*довѣренныхъ лицъ народа*», которыя должны были служить посредниками и совѣтниками Союзному Совѣту и отдѣльнымъ правительствамъ. Въ началѣ мартовской революціи «народность» одушевляла массу людей самыхъ различныхъ категорій. Одинъ былъ «народолюбивымъ», потому что онъ, въ качествѣ профессора, отказался принести присягу, противную его убѣжденіямъ; другой — потому, что онъ сочинилъ пару «идейныхъ» стишковъ; третій — потому, что его безъ всякой вины посадили въ тюрьму; четвертый — потому, что онъ во время мятежа выступалъ въ качествѣ оратора и успокоителя умовъ; пятый — потому, что онъ былъ въ дурныхъ отношеніяхъ съ Богомъ-Саваоѳомъ; шестой — потому, что онъ былъ спеціалистомъ по части кувырканья, — такимъ образомъ, почти всѣ, потому что они такъ или иначе попали «въ немилость» къ одному изъ 38 правительствъ. Словомъ, это была чрезвычайно разношерстная компанія; и кто, въ самомъ дѣлѣ, кромѣ самыхъ заядлыхъ правительственныхъ чиновниковъ, ни разу не попалъ въ немилость у правительства? Такимъ образомъ, вывѣска народности прикрывала и праведнаго, и грѣшнаго: и мягкотѣлыхъ филистеровъ, которые разъ въ жизни «свихнулись», и дикихъ филистеровъ, которые, какъ извѣстно, еще безобиднѣе мягкотѣлыхъ — этихъ желчныхъ пессимистовъ и заклятыхъ враговъ всего существующаго. А всякій, кто былъ «народолюбцемъ», претендовалъ на честь сдѣлаться «довѣреннымъ лицомъ» — правда, это «довѣріе» было *оффиціальнымъ*.

Что народъ въ моменты «бури и натиска» сплачивается вокругъ людей, которые завоевали его довѣріе — это естественно и разумно. Но въ мартовской Германіи «довѣренныя лица» были сдѣланы оффиціальными сотрудниками *тѣхъ* властей, противъ которыхъ направлялось движеніе. Представимъ себѣ, что въ Парижѣ побѣдоносные февральскіе борцы, вмѣсто того, чтобы прогнать Луи-

Филиппа со всѣми чадами и домочадцами, помиловали его, подъ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ призвалъ къ правленію «довѣренныхъ лицъ» народа. Кому придетъ въ голову такое предположеніе — тому прямая дорога въ Шарентонъ — парижскій Дальдорфъ [1]). [illegible] и [illegible] въ Германіи. [illegible] были оффиціально [illegible] въ Соединенный Сеймъ — который [illegible] — [illegible] правительствами, которое при этомъ [illegible] бы, если бы имъ [illegible] дробь; они сыграли роль [illegible]. [illegible] народныя [illegible] отъ [illegible] пути и [illegible]ности, [illegible] которыя [illegible] — [illegible] при [illegible] своего «революціи», конечно, [illegible] въ [illegible]. «Довѣреннымъ лицамъ» Соединенный Сеймъ обязанъ тѣмъ, что онъ — не считая [illegible] исчезновенія со сцены — былъ въ состояніи [illegible] мартовской революціи въ Берлинѣ, [illegible]. [illegible], чѣмъ «довѣренныя лица» для Соединеннаго Сейма, оказались бы отдѣльныхъ правительствъ такъ называемые *мартовскіе министры*, то-есть, опять-таки, «довѣренныя лица», которыя, въ качествѣ таковыхъ, были поставлены у кормила правленія. Эта попытка [illegible] казалась реакціонерамъ слишкомъ рискованной, но [illegible], когда упомянутые отцы и [illegible] страны, вмѣстѣ со своей дворянской свитой, — что только въ [illegible] составляетъ правительство — оказались [illegible] агитатами подъ [illegible] шкурой [illegible] и доказали, что они не могутъ [illegible] и что [illegible] позвоночникъ, при [illegible] большей гибкостью и способенъ къ большему [illegible], чѣмъ консервативный. Современное поколѣніе [illegible] ничего удивитель-

[1]) Шарентонъ — [illegible] отъ Парижа. Дальдорфъ — домъ умалишенныхъ [illegible].

чаго. Вѣдь въ первомъ германскомъ рейхстагѣ самыми рѣшительными представителями были именно либеральные Симеоны, [illegible] и такими Симеонами и [illegible] являлись мартовскіе министры — назывались ли они Кампгаузеномъ, [illegible] или [illegible].

Что у реакціи къ тому времени былъ уже составленъ стратегическій планъ въ главныхъ пунктахъ, — ясно изъ той ловкости, съ которой она использовала *шлезвигъ-голштинскій вопросъ*. Прусская армія, потерпѣвшая пораженіе въ Берлинѣ, была послана, подъ начальствомъ Врангеля, въ Шлезвигъ-Голштинію, что вполнѣ соотвѣтствовало «національному» духу времени. Черезъ нѣсколько дней послѣ отправки гвардіи къ датчанамъ датское правительство получило отъ прусскаго (черезъ посредство господина фонъ-Вильденбруха) ноту, помѣченную 5-ть апрѣля 1848 года, въ которой откровенно заявлялось слѣдующее: «*Исключительно желаніе побороть опасное вліяніе радикальныхъ и республиканскихъ элементовъ Германіи* побудило Пруссію къ предпринятымъ шагамъ (военнымъ походомъ). Вступленіе прусскихъ войскъ имѣло цѣлью обезпечить территорію и *помѣшать тому, чтобы все это не попало въ руки республиканскихъ элементовъ Германіи*, къ которымъ, какъ къ послѣднему средству (для сохраненія своей независимости), могли апеллировать герцогства».

Политика на два фронта принесла свои плоды. Восемь мѣсяцевъ спустя, «отецъ» Врангель, со своей «національной гвардіей» и [illegible] вступилъ въ Берлинъ, а черезъ 18 лѣтъ прусскій орелъ проглотилъ Шлезвигъ-Голштинію.

Въ нотѣ Вильденбруха, раскрывающей лицемѣрную двойственность прусской политики съ такой яркостью, какъ никакой другой документъ, особенно заслуживаетъ вниманія страхъ передъ «радикальными и *республиканскими элементами*». Она показываетъ, какія неправильныя понятія о двухъ силахъ были распространены въ высшихъ

сферамъ. «Радикальные элементы»—это еще куда ни шло, ибо какъ провести границу между «радикальными» и *не* радикальными? Но говорить о «республиканскихъ» элементахъ было чистѣйшею безсмыслицей. Въ Берлинѣ республиканскія идеи [illegible] въ немногихъ головахъ, въ массѣ онѣ были совершенно неизвѣстны; то же самое относится и къ остальной Германіи, за исключеніемъ юго-западной ея части, начиная отъ Рейнской Пруссіи, нѣкогда принадлежавшей Франціи, до Бадена и, отчасти, Вюртемберга. Только въ теченіе послѣдняго года, когда обнаружилось, что монархическія правительства—„враги народа", республиканскія идеи распространились въ болѣе широкихъ слояхъ населенія. Историческій интересъ имѣетъ тотъ фактъ, что въ нотѣ Вальдэкруха ни словомъ не упоминается о *соціализмѣ*, *коммунизмѣ* или *анархизмѣ*. Такъ какъ соціализмъ считался еще болѣе страшнымъ пугаломъ, чѣмъ республика, то онъ, конечно, не преминулъ бы фигурировать въ нотѣ, если бы въ то время гдѣ-либо замѣчался. Хотя „Коммунистическій Манифестъ" появился уже въ началѣ февраля, но въ Германіи едва ли нашлось бы три дюжины человѣкъ, которымъ онъ былъ извѣстенъ.

Мы уже видѣли, что въ предварительномъ парламентѣ республиканцы составляли меньшинство. Но самые рѣшительные изъ нихъ вовсе не намѣрены были бездѣйствовать. Хотя республиканцы крайне смутно разбирались въ отношеніяхъ, зато они разсуждали гораздо послѣдовательнѣе своихъ противниковъ. Они говорили такъ: «Союзный Сеймъ и монархическія правительства—виновники позора и несчастія Германіи; чтобы Германія возродилась для чести и свободы, необходимо пресѣчь зло въ корнѣ и устранить старыя правительства. Новое вино нельзя вливать въ старые мѣхи. Теперь, когда бразды правленія выпали у нихъ изъ рукъ, они сулятъ золотыя горы; но какъ только они снова соберутся съ силами, народъ почувствуетъ ихъ месть. Итакъ, долой старыя правительства! Долой Союзный Сеймъ! Да здравствуетъ республика!» Те-

оретически противъ этого ничего нельзя было возразить, практически же — очень многое, и такъ какъ политическіе вопросы, какъ вопросы объ отдѣльныхъ *[illegible]*, являются практическими вопросами, то [illegible] отъ практики. Республиканизмъ пустилъ корни въ Баденѣ. Главные его лидеры — Геккеръ, Струве, Фиклеръ — пользовались большею популярностью въ странѣ, чѣмъ Мати, Бассерманъ и другіе герои либерализма. [illegible] что было республиканскаго въ остальной Германіи и среди нѣмцевъ за границей, только Геккеръ и его товарищи подняли знамя восстанія. [illegible] Непосредственнымъ поводомъ къ этому послужило то обстоятельство, что самый [illegible] для правительства вождь республиканцевъ — Фиклеръ — былъ предательски выданъ и собственноручно арестованъ своимъ другомъ Мати, который [illegible] превратился въ одну изъ самыхъ [illegible] реакціи.

Это вызвало нѣкоторое смятеніе, но не привело къ существеннымъ результатамъ. Судьбы всей Германіи не могутъ быть рѣшены въ одномъ уголку германскаго отечества. Республиканское восстаніе осталось *вспышкой*, которая была подавлена въ самомъ же Баденѣ нѣсколькими полками баденскихъ и гессенскихъ войскъ. Струве и Геккеръ бѣжали въ Швейцарію, откуда Геккеръ, думая, что его «вспышка» разрѣшила весь вопросъ, черезъ два мѣсяца эмигрировалъ въ Америку: этотъ поступокъ еще меньше дѣлаетъ чести его политическому такту, чѣмъ личному мужеству. Не болѣе удачной оказалась дѣятельность *нѣмецко-французскаго легіона*, который, подъ начальствомъ Гервега, вступилъ въ баденскій Оберландъ, едва только потухли баденскія «вспышки». Происхожденіе этого легіона крайне любопытно. Когда во Франціи вступило во власть временное правительство, оно нашло въ странѣ сильно развитымъ пауперизмъ. Тогда одному хитроумному члену пришло въ голову спровадить на родину рабочихъ-иностранцевъ, подъ предлогомъ освобожденія ихъ отечества. Такимъ путемъ возникли, кромѣ нѣмецкаго, итальянскій

бельгійскій и венгерскій легіоны, которые всѣ испытали несчастную судьбу. [illegible] [illegible] [illegible] въ Парижѣ, понять игру и предостеречь друзей. Но Герценъ дался въ обманъ.

Когда въ Берлинѣ былъ разрушенъ сильнѣйшій оплотъ реакціи и старой системы вообще—разрушенъ, по-видимому, до основанія; когда [illegible] по Германіи, за [illegible] мертворожденной попытки въ Вѣнѣ, болѣе не затрѣбовалось и даже не понадобилось бороться силою оружія уничтожить старую сословную конституцію, чтобы на развалинахъ стараго зданія воздвигнуть новое,—тогда предметомъ всеобщаго вниманія естественно становились выборы и дѣятельность *парламента*, которому предстояло выработать и ввести въ Германіи новую конституцію. Хотя первый шагъ учредительнаго парламента вовсе не улыбался Союзному Сейму и правительствамъ, но они были не въ состояніи помѣшать его созыву. Во всѣхъ 38 отдѣльныхъ государствахъ—четырехъ «вольныхъ городахъ» (Любекъ, Гамбургъ, Бременъ и Франкфуртъ на Майнѣ) и 34 монархіяхъ, въ томъ числѣ въ Австріи (для ея союзной территоріи), которая впослѣдствіи была вытѣснена изъ Германіи,—и другихъ [illegible] въ теченіе марта были удовлетворены требованія, которыя буржуазія предъявила въ началѣ мартовскаго движенія. Всюду были обѣщаны конституціи, созваны народныя представительства. Повсюду, какъ изъ рога изобилія, посыпались на народъ «мартовскіе дары»: гарантіи личной свободы, свобода печати, свобода союзовъ и собраній, гражданское равенство со свободно избранными вождями, равенство всѣхъ передъ закономъ, судъ присяжныхъ, независимость судовъ, уничтоженіе исключительныхъ судовъ для политическихъ преступниковъ и преступленій печати, уничтоженіе [illegible] привилегій и полицейскаго [illegible], присяга войска на вѣрности конституціи—словомъ, все, «что душу волнуетъ, что сердце манитъ». Народъ былъ [illegible], онъ широко пользовался своими «свободами» и, прежде всего,

с[illegible] печати и [illegible]. [illegible] [illegible], какъ прежде; [illegible] принципы, [illegible] въ [illegible] предѣлахъ. [illegible] показалась только одна ложка дегтя [illegible] — что [illegible] могло быть? Развѣ государственный [illegible] [illegible] правительственнымъ [illegible]. *[illegible]* не находился въ *[illegible] тысячъ и порабощалъ народы?* Развѣ [illegible] и усовершенствованія и [illegible] имѣли что-нибудь въ этомъ фактѣ? Національный участокъ былъ перестроенъ: надъ нимъ развѣвалось [illegible] черно-красно-золотое знамя; заключенные [illegible] изъ [illegible] они могли получить на свободѣ. Прекрасно [illegible] *[illegible]*. Но все-таки — горько.

Самые дальновидные [illegible] предостерегали, [illegible]. Но ихъ голосъ оставался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. [illegible] довѣрчивыхъ душъ начались выборы [illegible] парламентъ; при этомъ, число депутатовъ [illegible] по одному на 50.000 человѣкъ населенія, вмѣсто 100.000, какъ установилъ предварительный [illegible]. Избирательное право было всеобщимъ. Въ Германіи — Германскомъ Союзѣ, — численность населенія достигла, по [illegible] счетамъ, 42,2 милліона. Поэтому, общее число депутатовъ должно было равняться 844. Но Союзный Совѣтъ, который *руководилъ выборами*, былъ себѣ на умѣ: онъ положилъ въ основу выборовъ статистическіе списки 1849 года, по которымъ въ Германіи [illegible] только 30.464.000 жителей. Такимъ образомъ, *[illegible] милліоновъ не принимались въ разсчетъ*. Германія получила всего [illegible] *) представителей — на 219 меньше, чѣмъ [illegible] по статистикѣ, зато больше, чѣмъ [illegible] для [illegible] народа и для *хорошаго* исполненія задачи народнаго представительства.

---

*) Собственно [illegible] и [illegible] малыя государства, населеніе которыхъ не достигало [illegible], получили тоже [illegible] представителя [illegible] такъ же, какъ и при выборахъ въ рейхстагъ.

Къ концу апрѣля и началу мая выборы, происходившіе не во всѣхъ государствахъ одновременно, закончились; были выбраны не только всѣ депутаты, но даже *замѣстители* для каждаго изъ нихъ. 18 мая 1848 года, среди восторженныхъ криковъ и горячихъ привѣтствій сотенъ тысячъ народа, депутаты направились въ церкви св. Павла. Изъ дальнихъ странъ, изъ всѣхъ концовъ нѣмецкаго отечества съѣхался народъ въ старую имперскую столицу, чтобы присутствовать при торжественномъ зрѣлищѣ — какъ люди, выбранные нѣмецкимъ народомъ для обновленія Германіи, соберутся для своего великаго дѣла и положатъ первый камень новаго зданія. Конечно, если бы успѣхъ зависѣлъ отъ одушевленія и доброй воли, то для этого дѣла онъ былъ бы обезпеченъ. Къ сожалѣнію — или къ счастью, ибо, если бы благо людей зависѣло отъ личнаго произвола и личной воли (доброй или злой), то человѣчеству пришлось бы очень плохо, — къ сожалѣнію, матеріальныя условія успѣха отсутствовали. И потому надежды не могли осуществиться. Буржуазія, которая, при нормальныхъ отношеніяхъ, уже съ полъ-вѣка тому назадъ покончила бы съ реакціонно-феодальнымъ государствомъ и полицейской системой и взяла бы власть въ свои руки, въ данный моментъ, [illegible] оказать сопротивленіе, была уже не въ состояніи выполнить революціонную миссію буржуазіи. Нѣмецкая буржуазія была вовсе не въ такомъ положеніи, какъ третье сословіе во Франціи, когда 59 лѣтъ тому назадъ — 5 мая 1789 г. — представители его пошли къ королевскому дворцу въ Версалѣ: она видѣла не только одного врага *передъ* собой, противъ котораго ей предстояло защищать современныя идеи, но и другого врага *за* собой — сзади и рядомъ съ собой, врага, который былъ для нея еще не совсѣмъ ясенъ, но *именно поэтому* еще болѣе страшенъ, — *пролетаріатъ*, начавшій уже отдѣляться отъ буржуазіи; и этотъ процессъ дифференціаціи ускорялся горячимъ дыханіемъ революціи. Когда бурная волна февральской ре-

[illegible] Германіи. [illegible] исключеніемъ весьма немногихъ, знакомыхъ съ французскимъ и англійскимъ соціализмомъ, не имѣлъ понятія о классовыхъ различіяхъ, классовомъ антагонизмѣ, классовой борьбѣ; на вѣнскихъ и берлинскихъ баррикадахъ рабочіе сражались плечомъ къ плечу съ буржуазіей. Только послѣ побѣды, когда возникъ вопросъ: *кому же благо* и *во имя чего?* — обнаружилось, что если любовь къ свободѣ и объединила всѣхъ, то эта свобода понималась въ самомъ различномъ смыслѣ. Страхъ передъ рабочими сквозилъ уже въ завываніи «Фоссовой Газеты» въ статьѣ 7 марта, о которой мы уже упомянули. Еще не успѣли похоронить въ Берлинѣ павшихъ борцовъ 18 марта, какъ буржуазія обратилась къ королю съ трусливой просьбой вернуть въ городъ войска для поддержанія порядка. Во время организаціи гражданскаго ополченія этотъ страхъ обнаружился въ стремленіи исключить рабочихъ изъ такъ называемаго народнаго вооруженія. Между тѣмъ, нужда росла: голодные рабочіе задавали себѣ вопросъ, что они выиграли отъ побѣды; и когда 26 марта было созвано собраніе въ Шенгаузенскомъ кварталѣ для обсужденія мѣръ противъ нищеты рабочихъ, сюда явилось больше десяти тысячъ пролетаріевъ: въ душераздирающихъ картинахъ ораторы изображали нищету рабочаго класса. Собраніе выставило слѣдующія требованія: организація *министерства труда*, «составленнаго изъ работодателей и рабочихъ», и призрѣніе инвалидовъ труда. О соціализмѣ пока не упоминалось ни слова.

Цѣлыя тысячи рабочихъ голодали и умирали съ голоду. Городская и правительственная администрація на время заняла нѣсколько тысячъ рабочихъ рукъ безполезной, въ сущности, работой, по образцу парижскихъ національныхъ мастерскихъ: это мѣропріятіе глубоко удручало мѣщанъ. Они окрестили «тунеядцами» всякій сбродъ, жаловались, что государство разоряется; рабочіе все болѣе и больше приходили [illegible] —къ ве-

дикой радости тѣмъ, кому мерещился опять красный призракъ. Кроваваго крещенія пока еще не было, но оно уже чуялось въ дурныхъ вѣстяхъ изъ Парижа, гдѣ рабочимъ надоѣло питаться медовыми рѣчами Ламартина.

Парламентъ, вступившій 18 мая въ церковь св. Павла, по своему составу, въ сущности, ничѣмъ не отличался отъ предварительнаго парламента, вступившаго въ нее 31 марта. Онъ являлся представительствомъ буржуазіи всѣхъ оттѣнковъ и направленій,—а въ срединѣ XIX вѣка буржуазія уже не могла совершить революціи. Она *боялась* революціи, ибо послѣдняя освобождала отъ оковъ элементы, страшные для буржуазіи. Въ этомъ кроется объясненіе дѣятельности, или, вѣрнѣе, бездѣятельности, франкфуртскаго парламента. Тутъ, несомнѣнно, играли роль также неспособность и малодушіе, но эта роль была незначительна. Даже при большей политической зрѣлости буржуазіи результатъ получился бы тотъ же. Не неспособность, не малодушіе помѣшали парламенту положить основу зданію конституціи закладкой прочнаго фундамента центральной власти.

Большинство чуяло, что для этого необходимо революціонное ниспроверженіе старыхъ силъ, которыя пощадила мартовская буря. Но не *расширять* революцію, а *остановить* ее было задачей буржуазіи. Такимъ образомъ, неудивительно, что парламентъ запрягалъ лошадь съ хвоста и началъ постройку не съ фундамента, а съ крыши.

На тонкихъ жердочкахъ, какъ каморка Сократа для уединенныхъ размышленій, у автора «Облаковъ», на хрупкихъ подпоркахъ, обреченныхъ на крушеніе при первомъ дыханіи бури, камень за камнемъ былъ сложенъ матеріалъ для конституціи и опредѣлены «*основныя права*», которыми предстояло наслаждаться нѣмецкому народу, *когда* конституція войдетъ въ силу. *Но какимъ образомъ конституція должна была войти въ силу?* Этотъ вопросъ, какъ вопросъ фундамента, обошли молчаніемъ.

[illegible] великихъ [illegible] странъ, [illegible] ...ніе [illegible] власти доль-ше [illegible] было [illegible].

Но такъ какъ [illegible] было [illegible] положенія [illegible] — предложилъ вручить [illegible] съ [illegible] (Reichsverweser) австрійскому эрцгерцогу Іоанну [illegible], который состоялъ въ женитьбѣ на дочери [illegible] и [illegible] провозглашеніе [illegible] свободу и единство Германіи, было, конечно, съ удовольствіемъ встрѣчено. [illegible] не [illegible] Гогенцоллерну. [illegible] верховную власть въ Германіи было отодвинуто на [illegible] время.

Въ Австріи волна [illegible] поднималась все выше и выше; [illegible] уступчивости добросердечнаго императора Фердинанда. 15 мая [illegible] его изъ столицы. Австрійская монархія угрожало распасться по [illegible]. [illegible] власти народа, король въ [illegible], въ Богеміи сильное броженіе, въ Венгріи готово вспыхнуть возстаніе. Италія почти совершенно потеряна — положеніе, дѣйствительно, было критическое. Прусская реакція, въ свою очередь, тоже знала, что [illegible] не [illegible].

Но [illegible] не выростилъ его посѣвы, какъ [illegible]. Черезъ четыре дня послѣ франкфуртскаго парламента въ Берлинѣ открылось „національное собраніе" для Пруссіи. Этому собранію, выбранному [illegible] прямой подачи голосовъ, было [illegible] съ тронной рѣчи, что оно должно принять „соглашеніе" съ прусскимъ правительствомъ по [illegible] конституціи, проектъ которой уже составленъ самимъ правительствомъ. Реакція считала себя уже достаточно сильной, чтобы отрицать принципъ

[illegible] Пруссія. Если [illegible] прусское національное собраніе вовсе такой же [illegible], какъ нѣмецкій парламентъ, то оно [illegible] не способствовать ему, а лишь конкуррировать съ нимъ. Король былъ доведенъ своими окружающими до бѣшеной ненависти къ побѣдившему его [illegible], какъ [illegible] онъ восстаніе 18 марта въ [illegible] 19 [illegible] въ Бундестагъ онъ рѣшилъ, что настало время вернуть въ Берлинъ своего брата, принца Прусскаго. Благовидный предлогъ нашелся въ видѣ мандата изъ Помераніи въ національное собраніе, куда принцъ вступилъ 8 іюня въ качествѣ депутата отъ Вирзица. Съ краткой рѣчи онъ объявилъ себя приверженцемъ конституціонной монархіи, которую *предназначилъ намъ [illegible]*.

«Возвращеніе принца [illegible] началомъ. 14 іюня произошли уличные безпорядки; была сдѣлана попытка овладѣть *арсеналомъ*. Эта попытка, революціонная сама по себѣ, своимъ финаломъ показала, что силъ для мощнаго революціоннаго натиска не было на-лицо. Въ то же самое время въ *Прагѣ* вспыхнуло восстаніе, которое, послѣ продолжительной битвы, было подавлено войсками. Въ *Италіи* тоже движеніе вступило въ періодъ затишья; Радецкій такъ укрѣпилъ свое позиціи, что Карлъ-Альбертъ отказался отъ мысли о нападеніи. Это были невеселыя извѣстія. Но вскорѣ они затмились вѣстью объ ужасныхъ событіяхъ, разыгравшихся въ *Парижѣ*. Между тѣмъ, какъ во Франкфуртѣ Гагернъ дѣлалъ свое смѣлое нападеніе, въ Парижѣ разразилась гроза. Трехмѣсячный вексель, который рабочіе выставили республикѣ, былъ къ сроку погашенъ буржуазнымъ правительствомъ: національныя мастерскія, по крайней мѣрѣ доставлявшія хлѣбъ рабочимъ, вдругъ были закрыты: это [illegible] въ богадельню. Послѣ четырехдневной [illegible] 23 по 26 іюня,—самой кровопролитной уличной битвы, [illegible] исторія, рабочіе принуждены были уступить превосходству организованной силы. Побѣдители бѣшено не разъ [illegible] и [illegible]

того: *Іюньская битва была первой битвой, въ которой классъ пролетаріата сражался противъ класса буржуазіи*.

Іюньская битва, несмотря на свой несчастный исходъ, показала такую силу и стойкость на сторонѣ пролетаріата, что буржуазія была охвачена ужасомъ и видѣла единственное спасеніе въ «сильномъ правительствѣ». Іюньская битва въ Парижѣ — такой же «*мировой поворотъ*», какъ битва при *Вальми* 20 сентября 1792 г. Оба эти раза побѣда была на сторонѣ буржуазіи. Но въ первый разъ въ ея лицѣ побѣждала *революція*, во второй — *реакція*. Для буржуазіи іюньская битва была политическимъ водораздѣломъ. До и послѣ нея теченіе мысли и дѣятельности направляется въ противоположныя стороны. Либеральная и демократическая до іюньской битвы, буржуазія послѣ нея — поскольку она развилась до степени капиталистической, — становится реакціонной: она не хочетъ больше знать ни о какихъ «свободахъ», которыя нужны только для пролетаріата, которыя совершенно не нужны ей самой: она стоитъ за *диктатуру капитала*. Французскіе буржуа, прадѣды которыхъ брали штурмомъ Бастилію и основали республику Конвента, — эти самые буржуа предали Бонапарту февральскую республику. А въ Германіи? Здѣсь буржуазіи оставалось предать не республику, но мартовскую революцію. Во Франціи Бонапартъ захватилъ власть уже въ декабрѣ 1848 года, въ Германіи дѣло тянулось нѣсколько дольше.

Демократическій конгрессъ, засѣдавшій во Франкфуртѣ съ 14 по 17 іюня, не представлялъ никакой реальной силы, да и не могъ создать ея. Потокъ рѣчей и ни тѣни организаціи: демократы и отсутствіе демократіи.

Почти цѣлый мѣсяцъ прошелъ со времени іюньской битвы. Между тѣмъ, рѣшительное пораженіе ожидаетъ революцію еще въ одномъ пунктѣ. Старикъ Радецкій настолько успѣлъ укрѣпиться въ своемъ неприступномъ четыреугольникѣ крѣпостей (Верона, Мантуя, Леньяго, Пескьера), что ра-

лись перейти отъ обороны къ наступленію. Карлъ Альбертъ, военные таланты котораго такъ же сомнительны, какъ и его честность, вмѣсто того, чтобы сконцентрировать и организовать свои боевыя силы послѣ легкой побѣды, одержанной имъ въ прошломъ году надъ ослабленной австрійской арміей, разбросалъ свои войска по Италіи. Радецкій воспользовался этимъ, напалъ на одинъ изъ корпусовъ итальянской арміи, разбилъ его при Сомма-Кампаньѣ, а затѣмъ, несмотря на численное превосходство врага, 25 іюля при Кустоццѣ нанесъ сильное пораженіе Карлу Альберту, спѣшившему туда съ главными силами. «Мечъ Италіи» бросилъ Италію на произволъ судьбы, спрятался въ ножны и смиренно заключилъ миръ.

Поэтъ сказалъ не пустую фразу — въ лагерѣ Радецкаго, дѣйствительно, была Австрія, династическая Австрія Габсбурговъ, которая была прогнана изъ Вѣны, находилась при послѣднемъ издыханіи въ Венгріи и держалась въ Богеміи, несмотря на недавнюю бомбардировку Праги, только благодаря позорной сдѣлкѣ съ чехами. Теперь у династической Австріи оставалась только одна точка опоры, и, вдобавокъ, она представляла собой штыки — опора не особенно удобная, ибо [illegible]. И это случается всегда, когда рѣчь идетъ о спасеніи династіи.

Австрійскій рейхстагъ собрался 22 іюля; во время четвертаго засѣданія до него дошла вѣсть о побѣдѣ Радецкаго — *«спасителя династіи»* было уже не для государей, а для *народовъ*. У монархіи была своя точка опоры. А у народа? У австрійскаго парламента такой опоры не было, какъ не было ея у всѣхъ прочихъ парламентовъ — теперь, кромѣ жалкаго парламента во Франкфуртѣ, [illegible] фразы [illegible] еще тридцатью четырьмя [illegible], считая въ томъ числѣ и [illegible] рейхстагъ. На той сторонѣ — армія. А на этой? Старыя власти, насколько онѣ еще удержались, были на сторонѣ династіи, а новыя — [illegible] — были еще не вполнѣ сорганизованы и весьма ненадежны. Но въ старой Австріи,

какъ и старой Пруссіи, [illegible] ре-шителъ—[illegible] въ нихъ былъ [illegible]. Мы укажемъ только [illegible] [illegible] [illegible], [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] во всей Австріи. И здѣсь [illegible] [illegible] австрійскіе крестьяне не [illegible] у себя [illegible] ре-акціи, какъ имъ французскіе [illegible] не [illegible] свои революціонные порывы. [illegible] тельный ударъ феодальному [illegible]. [illegible] въ [illegible] признавать дворянъ [illegible], [illegible] по происхожденію. [illegible] консервативный крестьянскій [illegible] [illegible] вліянія [illegible].

Въ концѣ августа по Германіи пронеслась вѣсть, что прусское правительство [illegible] съ Даніею перемиріе—26 августа въ [illegible] [illegible], бросило на произволъ судьбы [illegible]. [illegible] на [illegible] Шлезвигъ-Голштинія, [illegible] лучшее примѣненіе. [illegible] Германіи [illegible] гнѣвъ. Возстаніе [illegible]. [illegible] сентября франкфуртскій парламентъ большинствомъ 17 голосовъ отвергъ перемиріе, а [illegible], [illegible] принялъ его большинствомъ 21 голоса. [illegible] крикъ негодованія вырвался у всѣхъ, кто еще не утратилъ вѣры въ парламентскую революцію. Во Франкфуртѣ [illegible] возстаніе, которое было [illegible] подавлено. [illegible] въ Баденѣ постигла такая же участь. Струве, который стоялъ во главѣ его,—Геккеръ находился въ Америкѣ,—былъ пойманъ во время бѣгства: онъ хотѣлъ бѣжать въ Швейцарію, какъ сдѣлалъ Георгъ Гервегъ [illegible] до того.

Наши республиканцы бросили упрекъ [illegible] Гервегу и Струве за то, что они не хотѣли добровольно от-дается въ руки [illegible]—первый при Доссенбахѣ, вторая при [illegible]. Это [illegible], но и глупо. [illegible] въ [illegible], [illegible]

[illegible]

бросаться [illegible]. А [illegible] Гинкель [illegible] акціонеровъ сверкали [illegible] стеклами. Генералъ Гофманъ, побѣдитель при Штауфенѣ, гдѣ былъ разбитъ большій отрядъ Струве, [illegible] не менѣе поспѣшно отступилъ — чтобы не сказать болѣе — передъ добровольцами, вмѣстѣ съ [illegible] герцогомъ, чѣмъ Струве и Шарденъ. А [illegible], принца Прусскаго и многихъ другихъ господъ, имѣвшихъ основаніе страшиться народнаго гнѣва, [illegible] при такихъ обстоятельствахъ, въ которыхъ было, конечно, очень мало геройскаго эти обстоятельства, обыкновенно, упорно замалчиваются ихъ единомышленниками. И эти бѣглецы, безъ сомнѣнія, далеко не такъ должны были опасаться за свою жизнь, какъ побѣжденные революціонеры. Ибо въ бѣгствахъ мартовской революціи народъ, за весьма незначительными исключеніями, проявлялъ изумительное великодушіе. Тамъ, гдѣ страсти не разгорались съ особенной силой, ни одинъ [illegible], попавшій въ руки народа или революціонныхъ [illegible], не подвергался [illegible] насилія. Въ противоположность этому, пойманные добровольцы и [illegible] баррикадъ (въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Дрезденѣ, Баденѣ) немедленно избивались цѣлыми сотнями а послѣ битвы ихъ цѣлыми дюжинами хладнокровно разстрѣливали по приговору военнаго суда.

Здѣсь повторяется старая исторія о примѣненіи двухъ различныхъ мѣрокъ.

Послѣ неудачныхъ сентябрьскихъ возстаній — во время возстанія во Франкфуртѣ юнкерскій скоморохъ Лихновскій (воспѣтый Георгомъ Вертомъ подъ именемъ *Шнапганскаго*) былъ убитъ преслѣдовавшими его инсургентами, раздраженными его легкомысленнымъ вызывающимъ поведеніемъ, за что [illegible] былъ причисленъ къ лику святыхъ своими присными, — послѣ подавленія вооруженнаго протеста противъ «датскаго позора» пламя революціи внезапно вспыхнуло еще разъ — въ *Вѣнѣ*.

Побѣда Радецкаго была истолкована реакціей въ

Австріи. Съ [illegible] заключила сдѣлку: если Италія была спасена, оставалось раздавить нѣмцевъ, и [illegible] съ помощью славянъ. На сцену выступила старая политика «раздѣляй и властвуй» и натравливанія національностей другъ на друга. Венгрія объявила себя независимой. 3 октября имперское правительство назначило знаменитаго хорватскаго головорѣза Елачича главнокомандующимъ всѣхъ имперскихъ войскъ и намѣстникомъ Венгріи. Маска была сброшена. Пораженіе Венгріи было равносильно гибели Вѣны и утратѣ всѣхъ мартовскихъ и майскихъ завоеваній. Вѣнцы поняли это, и 6 октября, когда долженъ былъ выступить вѣнскій гарнизонъ, чтобы встать подъ начальство Елачича, народъ — въ лицѣ академическаго легіона, массы рабочихъ и части національной гвардіи — воспротивился выступленію. Часть войскъ — такъ называемый Рихтеровскій батальонъ и еще одинъ нѣмецкій полкъ — перешла на сторону народа: народъ побѣдилъ. Но на слѣдующее утро онъ узналъ, что дворъ, который въ послѣднее время жилъ въ Вѣнѣ, ночью былъ увезенъ своими приближенными въ Ольмюцъ. Это предвѣщало битву. Вѣна была во власти народа. Но власть эта не распространялась на городской округъ. Движеніе было обречено на гибель, если оно не пойдетъ въ ширь, — тогда Вѣна не могла выдержать. А, между тѣмъ, побѣдители оставались въ бездѣйствіи — они ликовали, но ничего не предпринимали. Не было учреждено даже временное правительство, а о *республикѣ никто не думалъ.*

Горячее сочувствіе къ вѣнцамъ охватило населеніе Германіи. Франкфуртскій парламентъ, который, благодаря своему нерѣшительному поведенію послѣ заключенія перемирія въ Мальмэ, потерялъ всякую тѣнь популярности и уваженія, хранилъ полное молчаніе. Но «лѣвая», желая, какъ-нибудь очистить себя, послала депутацію въ Вѣну, чтобы передать вѣнцамъ симпатію нѣмецкаго народа: депутація состояла изъ Морица Гартмана, Юліуса Фребеля, Альберта Трампуша и *Роберта Блюма.* 17

[illegible] Вѣну, [illegible] Германіи, не дожидаясь своихъ войскъ. 31 октября Вѣна была окружена со всѣхъ сторонъ. [illegible] долго продер-жалась. 30 октября [illegible] рабочіе и студенты [illegible] большая часть гражданскаго ополченія перешла [illegible] — а [illegible] ноября [illegible] 4 ноября былъ арестованъ Блюмъ, храбро сражавшійся въ рядахъ инсургентовъ, — ссылка на неприкосновенность его личности, какъ депутата, только ускорила его [illegible]: 8 ноября онъ былъ приговоренъ къ смертной казни военнымъ судомъ, а утромъ 9 ноября *разстрѣлянъ* въ Бригиттенау.

Жертва Блюма оказалась еще [illegible] — онъ сорвалъ у Габсбурговъ императорскую корону Германіи.

Пули, пронзившія [illegible] Роберта Блюма, поразили на смерть мартовскую революцію, нѣмецкій народъ.

Въ Австріи снова восторжествовала реакція; и въ тотъ самый день, когда въ *Вѣнѣ* былъ символически разстрѣлянъ суверенитетъ народа въ лицѣ Роберта Блюма, контръ-революція наступила въ *Берлинѣ*. Это совпаденіе вовсе не является случайностью. Несмотря на свое соперничество за господство въ Германіи, противъ нѣмецкаго *народа* Габсбурги и Гогенцоллерны дѣйствовали единодушно, слѣдуя извѣстному плану, они братски помогали другъ другу. Въ Берлинѣ дѣло обошлось безъ кровопролитія. Національное собраніе, вмѣсто того, чтобы призывать народъ къ оружію, проповѣдывало спокойствіе, [illegible]. На послѣднемъ своемъ засѣданіи, подъ [illegible] грубаго вторженія солдатъ, оно пустило въ [illegible] стрѣлу — отказъ отъ платежа налоговъ, но [illegible] такъ [illegible] своей собственной храбрости, что впослѣдствіи сами же [illegible] своего постановленія.

Между тѣмъ, *Франкфуртское учредительное собраніе*, въ потѣ лица своего благодарно [illegible], воздушный замокъ— «Германскія основныя права» и [illegible] въ [illegible] построило: германскую конституцію. Но увы! Подъ его ногами была не земля, а [illegible] и, за отсутствіемъ твердой почвы, пришлось самыя строить въ воздухѣ. Воздушная постройка или какъ [illegible]—а воздухъ тоже все терпитъ, какъ бумага и [illegible]. Пока дѣло не дошло до злополучнаго вопроса: кто станетъ во главѣ Германіи? Послѣ того, какъ [illegible] *идея* потерпѣла крушеніе, парламенту оставался только одинъ выборъ—между *габсбургской и гогенцоллернской династіей*. Мертвый Робертъ Блюмъ склонилъ чашу вѣсовъ въ пользу Пруссіи. Габсбургъ долженъ былъ уступить мѣсто Гогенцоллерну. 28 марта 1849 года [illegible] между этимъ [illegible] и [illegible]—парламентъ постановилъ 290 голосами, при воздержаніи 248 депутатовъ, предложить императорскую корону королю Прусскому (общее число присутствовавшихъ депутатовъ равнялось 538, а слѣдовательно, большинство—[illegible] голосовъ). Предложить [illegible]! Предложить императорскую корону! Но [illegible] соображенія были чужды франкфуртскимъ героямъ. Избирается депутація изъ 30 членовъ, чтобы передать корону—или хотѣли сказать, *предложить* корону—Фридриху-Вильгельму IV. 3 апрѣля депутація была принята королемъ. Пріемъ, при которомъ присутствовалъ и принцъ Прусскій, былъ настолько [illegible], что депутаты, удалившіеся съ аудіенціи гораздо поспѣшнѣе, чѣмъ шли на нее, дали другъ другу слово сохранить въ тайнѣ его подробности. Офиціальный ихъ отчетъ является лишь fable convenue—условной басней. Словомъ, король отклонилъ предложеніе—отшвырнулъ его ногой. За кого его принимали? Неужели депутаты думали, что онъ, король Божіей милостью, согласится и [illegible] свою царственную главу [illegible] короной, слѣпленною изъ *грязи* и глины—и [illegible] *[illegible] усло-*

цію»? Такъ писалъ онъ [illegible] году лондонскому послу Бунзену, своему закадычному другу.

Этотъ плевокъ былъ королевской местью за 18-е марта и, въ то же время, за мужественныя слова, съ которыми обратился къ королю *Іоганнъ Якоби* 2 ноября «безумнаго года». Тогда тоже къ нему явилась депутація — отъ прусскаго національнаго собранія: оно хотѣло протестовать по поводу назначенія реакціоннаго министерства Бранденбурга. На вѣрноподданный вопросъ: «угодно ли его величеству выслушать депутацію?» король рѣзко отвѣтилъ: «нѣтъ!», на что Якоби, одинъ изъ членовъ депутаціи, не менѣе рѣзко бросилъ въ отвѣтъ: *«Въ томъ-то и несчастіе всѣхъ королей, что они не желаютъ выслушивать истины»*... И не могутъ ея выслушивать — прибавимъ мы отъ себя. Коллеги Якоби были поражены еще больше самого короля. И королевскій отказъ депутаціи парламента косвенно направляется также по адресу депутаціи палаты.

Какъ прибитые, возвратились депутаты во Франкфуртъ. Цѣлыхъ десять мѣсяцевъ корпѣлъ нѣмецкій парламентъ надъ разработкой конституціи для Германіи — и все это было напрасно: карточный домикъ нежданно-негаданно распался. Ученые профессора, доктринеры, изображавшіе собой государственныхъ мужей, исчерпали всю свою премудрость. Если бы у нихъ хватило мужества на рѣшительный шагъ — они закрыли бы свою лавочку. Но они были слишкомъ пассивными даже для самоубійства.

Они отдались теченію событій и это теченіе принесло ихъ въ пучину. Въ Берлинѣ и Вѣнѣ, двухъ центрахъ силъ, торжествовала реакція: въ распоряженіи франкфуртскаго парламента не было ни одного полка солдатъ. А народъ? — «Парламентъ» сдѣлался для него браннымъ словомъ.

Но, и помимо парламента, не было ни одной организованной силы, которая, съ надеждой на успѣхъ, могла бы бороться съ реакціей.

Еще одна вспышка революціоннаго духа! Если король

Пруссіи и отдали ее королю. Это имѣлась *имперская конституція*, которая во многихъ отношеніяхъ соотвѣтствовала демократическимъ требованіямъ, главнымъ образомъ, въ своемъ избирательномъ законѣ. Надо было заставить правительства признать имперскую конституцію. Но кто заставитъ? Пруссія и слышать не хотѣла о ней, Австрія — еще того меньше. А противъ нѣмецкаго *народа* оба правительства попрежнему были единодушны. *Признавали* конституцію только нѣсколько мелкихъ правительствъ, не имѣвшихъ большого значенія.

Такимъ образомъ, по ироніи судьбы, демократическіе элементы группировались вокругъ имперской конституціи, которая была направлена противъ демократіи. Нѣсколько палатъ объявили себя за имперскую конституцію. За исключеніемъ баденскаго, всѣ болѣе или менѣе значительныя правительства были противъ этой конституціи. Благодаря враждебному отношенію правительствъ, имперская конституція пріобрѣла передовую окраску и сдѣлалась знаменемъ, вокругъ котораго сплотились демократическіе элементы. Но имъ попрежнему недоставало организаціи.

Второй демократическій конгрессъ, собравшійся въ самое послѣднее время, не могъ пополнить этого пробѣла. Въ политической атмосферѣ все болѣе и болѣе сгущались тучи; наконецъ, въ началѣ мая, во многихъ мѣстахъ возсталъ народъ за *имперскую конституцію*. Одна изъ главныхъ битвъ произошла въ *Дрезденѣ*, гдѣ хорошо организованная демократія Саксоніи сконцентрировала всѣ свои силы, чтобы сломить сопротивленіе правительства, находившагося подъ вліяніемъ Пруссіи. Послѣ шестидневной геройской борьбы народъ былъ побѣжденъ. Болѣе значительнымъ является возстаніе въ *Баденѣ* и *Пфальцѣ*. Здѣсь возстаніе получило поддержку со стороны войскъ: *все баденскіе* и часть баварскихъ войскъ перешли на сторону народа.

Инсургенты сражались съ отчаянной храбростью — пруссаки, которые присоединились къ императорскимъ отрядамъ, которые нѣсколько пораженій подъ началь-

[illegible] Франціи [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и жалкіе. Но [illegible] на [illegible] вопросъ во Франціи. 10 [illegible] въ президенты республики избранъ былъ большинствомъ голосовъ [illegible] извѣстнаго [illegible] Луи-Наполеонъ. [illegible] [illegible] власти [illegible] агитацію радикальныхъ республиканцевъ, называвшихъ себя соціалистами, — [illegible] моментъ былъ назначенъ на 13-е іюня. Но, во-первыхъ, [illegible] никогда ни къ чему не приводятъ, во-вторыхъ, [illegible] буржуазія никогда не совершаетъ революціи — [illegible] тому назадъ революціонныхъ [illegible] тысячъ разстрѣливались [illegible] и нѣсколькихъ дней и десятками тысячъ отправлялись на [illegible]. Итакъ, во Франціи [illegible]. [illegible], въ самомъ дѣлѣ, [illegible] дѣло было проиграно. [illegible] и [illegible] силы были безсильны [illegible] не оказалось бы лучше и безъ участія Пруссіи, разыгравшей въ возстаніи столь жалкую роль. [illegible] *движеніе въ пользу имперской конституціи* съ самаго начала страдало внутреннимъ противорѣчіемъ. Имперская конституція была лозунгомъ движенія и вмѣстѣ не являлась цѣлью борьбы. Кто, дѣйствительно, стоялъ за имперскую конституцію, тотъ не сражался за нее, а кто сражался за эту конституцію, тотъ, на самомъ дѣлѣ, былъ противъ нея. Почти всѣ люди, бравшіеся за нее, были республиканцами. И не странно-ли, что въ этой битвѣ за имперскую конституцію инсургенты сражались съ правительствомъ, которое съ самаго начала признало ее?

Между тѣмъ, франкфуртскій парламентъ безславно и незамѣтно распался; часть депутатовъ лѣвой отправилась въ Штутгартъ, [illegible] тамъ «*парламентъ-*

чтобы извлечь изъ ножень мечъ, заржавѣвшій за цѣлый годъ бездѣйствія. — 13 августа, при *Вилагошѣ* были разбиты остатки венгерской арміи. 27 сентября капитулировала неприступная крѣпость Коморнъ; послѣ этого и въ Венгріи начали свирѣпствовать военные суды. Только здѣсь больше работала веревка, чѣмъ пули. Въ Арадѣ было воздвигнуто девять висѣлицъ для девяти храбрѣйшихъ борцовъ и полководцевъ.

Могилы казненныхъ по приговору военнаго суда во Фрейбургѣ, Мангеймѣ, Раштаттѣ; [illegible] каменныхъ въ Вѣнѣ и [illegible] и [illegible] въ Арадѣ, гдѣ [illegible] палачъ, — таковъ былъ финалъ мартовской революціи.

Ихъ павшіе — *наши* павшіе: безъ *нихъ* не было бы *насъ*. Безъ мартовской революціи не было бы почвы, на которой стоитъ и борется германская соціалъ-демократія. Потому-то и защищаемъ мы память мартовской революціи и ея павшихъ борцовъ отъ всякаго посягательства; и еще ревностнѣе, чѣмъ противъ дикой ярости партійной вражды, защищаемъ мы ее противъ святотатственной попытки представить прусско-германскую имперію осуществленіемъ завѣтовъ мартовской революціи. Развѣ партія, господствующая въ прусско-германской имперіи, — не *та же самая партія, изъ рядовъ которой* исходило приказаніе *предать военному суду и разстрѣлять* плѣнныхъ борцовъ за свободу въ Баденѣ? Итакъ, исполнилось ли то, къ чему стремились эти жертвы?

Гнусные лицемѣры! И еще разъ: руки долой! Народъ помнитъ своихъ мертвецовъ. *Онъ не забываетъ жертвъ, не забываетъ и палачей.* Какую роль игралъ соціализмъ въ мартовской революціи? Что дѣлали *рабочіе, какъ таковые*? Отвѣтить на оба эти вопроса нетрудно: соціализмъ въ смыслѣ организованнаго крупнаго движенія, какъ существуетъ онъ у насъ, или въ смыслѣ стремленія, господствующаго въ рабочихъ массахъ, какъ это было во Франціи въ 1848 году, — не имѣлъ мѣста въ мартовской революціи въ

Германіи. Рабочіе [illegible] были [illegible] большинствѣ и *спереди* на всѣхъ баррикадахъ, во всѣхъ битвахъ за свободу. Вездѣ, гдѣ бились за свободу Германіи, проливалась кровь нѣмецкихъ рабочихъ. Итакъ, они боролись повсюду, социалисты — [illegible] въ 1848 г. въ *Баденѣ*; но и здѣсь боролись не за социалистическія требованія. Въ 1848 г. Германія была еще, преимущественно, мелкобуржуазной страной. Крупное производство, создающее современный пролетаріатъ, существовало только въ зачаткахъ; этимъ объясняется, что рабочій вопросъ представлялся [illegible] образомъ, въ видѣ вопроса: быть или не быть *ремеслу*, въ видѣ задачи: «Ремесло, спасайся», какъ озаглавилъ Готфридъ Кинкель одну изъ своихъ брошюръ. Спасти ремесло отъ натиска капитализма — такова была цѣль; ее искали не въ *будущемъ*, а въ *прошломъ*. Однако, рабочіе скоро замѣтили, что они понимали мартовскую революцію иначе, чѣмъ буржуазія. Послѣ іюньскихъ дней въ Парижѣ между рабочими и буржуазіей [illegible] какъ въ Вѣнѣ, такъ и въ Берлинѣ дѣло дошло до кровавыхъ столкновеній, но для *социалистической партіи* пока еще не хватало необходимаго матеріала. Социалисты имѣли своихъ приверженцевъ, но они были слишкомъ малочисленны, чтобы пользоваться вліяніемъ. Социализмъ былъ чуждъ массамъ. Хотя пламенная пропаганда [illegible] въ Берлинѣ, въ устахъ *[illegible]* или *[illegible]*, зажигала многія сердца, но она не проникала въ головы. А «Новая Рейнская Газета» нашего друга Маркса играла роль въ мартовской революціи скорѣе въ качествѣ политическаго, чѣмъ социалистическаго органа. Попытка, при помощи *рабочаго конгресса* (состоявшагося въ Берлинѣ, отъ 25 августа до 3 сентября 1848 г.), вызвать къ жизни самостоятельную рабочую — даже не *[illegible]* — [illegible] должна была кончиться неудачей. Хотя предсѣдатель конгресса, благородный *[illegible]*, пріобрѣлъ право на наше высокое уваженіе. [illegible] о которыхъ

[illegible] *[illegible]* и [illegible] *[illegible]*, [illegible] реституціи [illegible] [illegible] и коммунистомъ — [illegible], [illegible] страны, [illegible] и индустріи, [illegible]. Въ [illegible] рабочихъ [illegible] благородный [illegible] время [illegible] идеализма [illegible] нѣсколько замѣ[illegible] по поводу [illegible] рабочаго движенія.

[illegible] которую въ первой трети нашего столѣтія [illegible] [illegible] что съ [illegible] сту[illegible]. Теперь онъ [illegible] *ра[illegible]*. Въ [illegible] рабочихъ и [illegible] интересамъ — [illegible] очень [illegible]. *Или* ужъ [illegible] [illegible] къ [illegible] реакціонера.

[illegible] въ свои силы, а [illegible] своего дѣла. Главное [illegible] и борьба со [illegible] съ соціализмомъ [illegible]. Она должна выбрать [illegible].

Или остаться [illegible], бороться за соціализмъ противъ капитализма *или* [illegible] за капитализмъ противъ соціализма, тѣмъ самымъ [illegible].

[illegible] проскользнуть незамѣтно.

[illegible] рабочихъ, [illegible] торическому [illegible] благодаря введенію паровой машины, начали [illegible] *борьбу* противъ [illegible] до безконечности [illegible] рабочій [illegible], притягивалъ на фабрику женщинъ и дѣтей и отнималъ *право коалицій* у рабочихъ, [illegible] въ сопротивленіи инстинктомъ самосохраненія. Такимъ образомъ, классовая борьба англійскихъ рабочихъ естественно приняла форму *профессіональной борьбы* за *рабочій день* и *право коалицій*. Изъ этой профессіональной классовой борьбы [illegible] только въ новѣйшее время, дополняя и расширяя ее, выросла *классовая борьба интернаціональной соціалъ-демократіи*, которая стремится положить конецъ классовому господству и уничтоженію капиталистическую эксплоатацію, [illegible] общественно- и культурно-необходимый трудъ въ интересахъ и въ выгодахъ всего общества.

Иное дѣло въ Германіи. Благодаря развитію экономическихъ основъ общественной жизни, [illegible] съ разви-

тіемъ буржуазіи, здѣсь задерживалось и [illegible] развитіе рабочаго класса: средневѣковые цехи, которые въ Англіи сохранились въ формѣ *trade unions* и, прогрессивно развиваясь, вмѣстѣ съ отношеніями, взяли на себя борьбу съ современнымъ капитализмомъ, — эти организаціи совершенно выродились, вымерли въ Германіи. И въ то время, какъ въ Англіи пролетаріатъ, стоя на почвѣ профессіональной борьбы, бросилъ перчатку самой богатой и могущественной буржуазіи всего міра и началъ противъ нея борьбу на жизнь и смерть, борьбу, въ которой онъ потерпѣлъ множество пораженій, но ни разу не былъ побѣжденъ, — въ Германіи еще не было ни буржуазіи, ни пролетаріата, не было, слѣдовательно, и классовой борьбы пролетаріата. Полное отсутствіе классовой борьбы, классоваго самосознанія — и ни одного, даже самаго мелкаго, рабочаго союза, который могъ бы самостоятельно представлять интересы рабочихъ! Когда 50 лѣтъ тому назадъ, т.-е. черезъ два поколѣнія слишкомъ послѣ начала классовой борьбы между англійскимъ «среднимъ классомъ» [1]) и англійскимъ рабочимъ классомъ, въ Германіи вспыхнула мартовская революція, она не нашла буквально *ни одной рабочей организаціи*, кромѣ заплѣсневѣлыхъ и разлагающихся цеховыхъ наростовъ, лишенныхъ живого духа. Старѣйшія рабочія организаціи Германіи были основаны не ранѣе 1848 года, и такихъ организацій — всего двѣ-три. Всѣ остальныя ведутъ свою родословную — если вычеркнуть изъ исторіи позорный эпизодъ закона противъ соціалистовъ — только съ шестидесятыхъ годовъ нашего столѣтія: онѣ, слѣдовательно, возникли *почти цѣлымъ столѣтіемъ позже* начала профессіональнаго рабочаго движенія *въ Англіи*.

При такихъ отношеніяхъ въ Германіи запоздалая классовая борьба рабочихъ должна была принять совершенно иную форму, чѣмъ въ Англіи. Да, я [illegible] сказать: [illegible]

---

[1]) Не смѣшивать съ нашимъ «среднимъ сословіемъ»: *middle class* — среднимъ классомъ — въ Англіи называется буржуазія.

ральныя здѣсь были *обратными*. Между тѣмъ, какъ въ Англіи классовая борьба, въ концѣ концовъ, привела къ соціализму, въ Германіи, наоборотъ, соціализмъ привелъ къ классовой борьбѣ. Мы не хотимъ этимъ сказать, что классовая борьба не могла бы развиться и помимо соціализма. Но, благодаря запоздалому и неправильному экономическому росту, въ Германіи условія для классовой борьбы оказались на-лицо лишь тогда, когда въ Англіи и, особенно, во Франціи, гдѣ политическая революція способствовала возникновенію соціалистическаго ученія, соціализмъ уже успѣлъ развиться въ опредѣленное, хотя и лишенное научной основы міровоззрѣніе. Творцами этой научной основы были два нѣмца: *Марксъ* и *Энгельсъ*, авторы «Коммунистическаго Манифеста». Но еще раньше чѣмъ Марксъ и Энгельсъ оказали эту услугу «*пролетаріямъ всѣхъ странъ*», раньше, чѣмъ авторы «Манифеста» за нѣсколько недѣль до февральской революціи, обратились къ нимъ съ всемірно-историческимъ призывомъ: «Соединяйтесь!» — нѣмецкій рабочій уже увидѣлъ на горизонтѣ зарю соціализма. Въ тѣсномъ полицейскомъ участкѣ, въ который превратили Германію ея правительства, онъ почуялъ сквозь щели и трещины утреннюю свѣжесть. Его тянуло изъ тюрьмы на вольный свѣтъ. Нѣмцы всегда были народомъ-странникомъ и народомъ-мечтателемъ. Политическій и экономическій упадокъ мѣшалъ развитію здоровой, мощной дѣятельности на землѣ и обращалъ духъ въ заоблачныя сферы мысли — въ царство науки, царство грезъ. Мы сдѣлались «народомъ мыслителей и учителей». И въ царствѣ науки мы совершили больше, чѣмъ въ царствѣ грезъ. Кромѣ греческой, нѣмецкая философія является единственной, заслуживающей этого названія. Но что пользы парить въ заоблачныхъ высотахъ мысли, если въ земной юдоли она скована свинцовыми цѣпями рабства?

Изъ заоблачныхъ сферъ мысли — въ земную дѣйствительность, въ земную борьбу, земныя битвы. Таковъ былъ лозунгъ [illegible] и борцовъ, которымъ

мы обязаны научнымъ обоснованіемъ [illegible]. И теперь быть—въ смыслѣ матеріальной сущности требованій—уже до Маркса и Энгельса [illegible] сотенъ и тысячъ нѣмецкихъ рабочихъ.

Мы коснемся здѣсь самыхъ интересныхъ страницъ въ исторіи [illegible] [illegible] *[illegible] движенія*, которые были основаны [illegible] нѣмецкими рабочими—*[illegible]* въ болѣе свободныхъ иностранныхъ государствахъ: въ Парижѣ, Лондонѣ, Брюсселѣ, [illegible] и [illegible] и, наконецъ, особенно въ Швейцаріи какъ романской, такъ и германской. Швейцарія, которая по-прежнему и теперь служитъ убѣжищемъ для тысячъ [illegible] изъ другихъ [illegible] [illegible], съ начала прошлаго [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Швейцарія все еще тѣсно связана съ Германіей, [illegible] многихъ [illegible] составной частью. Въ двухъ третяхъ этой [illegible] страны населеніе говоритъ на нѣмецкомъ языкѣ, нравы его почти не отличаются отъ нравовъ сосѣднихъ мѣстностей Германіи; и даже въ романской Швейцаріи нѣмецкій языкъ считается туземнымъ и понятенъ весьма многимъ. Поэтому неудивительно, что для каждаго нѣмца, одержимаго самой тяжелой формой *тоски по родинѣ*—тоскою родины, тоской за родину, Швейцарія служитъ ближайшимъ и естественнымъ убѣжищемъ, когда онъ, вырвавшись изъ спертой атмосферы отечественной [illegible] и [illegible] участка, хочетъ расправить [illegible] въ клѣткѣ крылья и [illegible] [illegible] необъятную ширь. Парижъ, въ свою очередь, манитъ, какъ очагъ революціи, куда уже въ концѣ прошлаго столѣтія стремились, какъ бабочки на огонь, и гдѣ опаляли свои крылья *Форстеръ*, *[illegible]* и другіе передовые умы своего времени, [illegible] нѣмецкой [illegible] Германіи тогда еще

не было. Здѣсь въ 1834 году были основаны нѣмецкими эмигрантами общества съ цѣлью пропаганды: «*союзъ гонимыхъ*», состоявшій, главнымъ образомъ, изъ рабочихъ, изъ котораго вскорѣ образовались «*союзъ справедливыхъ*» и «*союзъ коммунистовъ*»; въ числѣ членовъ послѣдняго были Марксъ и Энгельсъ. Но какъ ни привлекателенъ былъ Парижъ, «иностранный языкъ» является порядочнымъ камнемъ преткновенія для нѣмецкихъ ремесленниковъ, которые, не говоря уже о французскомъ, не успѣли толкомъ научиться даже нѣмецкому языку въ народной школѣ нѣмецкаго учителя изъ Кенигсберга. То же самое относится къ Брюсселю и другимъ бельгійскимъ городамъ; въ Лондонѣ также существуетъ эта неудобная застава, стѣснительность которой мы такъ тяжело испытали на себѣ во время интернаціональныхъ конгрессовъ. Въ Парижѣ этомъ исходномъ пунктѣ буржуазной революціи, нѣмецкіе піонеры буржуазіи и революціи, «демагоги» и «черные», вмѣстѣ съ другими буржуазными элементами, основали первые нѣмецкіе рабочіе союзы. Въ Лондонѣ нѣмецкіе рабочіе союзы примкнули къ чартистскому движенію: опираясь на теоріи *Роберта Оуэна*, наиболѣе выдающагося изъ предшествующихъ Марксу соціалистовъ, они съ самаго начала носили строго соціалистическій или, какъ выражались до 1848 года, строго *коммунистическій* характеръ. «Коммунистическій Манифестъ» былъ составленъ въ лондонскомъ коммунистическомъ союзѣ нѣмецкихъ рабочихъ, а чѣмъ обязаны авторы «Манифеста» нѣмецкому рабочему союзу въ Лондонѣ — это мы знаемъ изъ ихъ собственныхъ словъ. Но въ Парижѣ, Лондонѣ, Брюсселѣ нѣмецкіе рабочіе союзы всегда оставались экзотическими растеніями, которые не могли тамъ акклиматизироваться; лишенные почвы для практической дѣятельности, они, главнымъ образомъ, предавались теоретическимъ спорамъ и сектантству. Въ противоположность имъ, *нѣмецкіе рабочіе союзы въ Швейцаріи*, находясь въ постоянномъ соприкосновеніи съ нѣмецкими [illegible] и [illegible]

ціалистовъ, работавшихъ нормально и правильно нормаль-ную практическую дѣятельность. Эта дѣятельность на-правлялась въ двоякую сторону: во-первыхъ, несмотря на теоретическіе споры между различными школами, они ни-когда не теряли изъ виду вопросовъ политики и оказы-вали на политическихъ работахъ весьма значительное вліяніе. Во-вторыхъ, они старались, съ одной стороны, распространять соціализмъ путемъ практической пропа-ганды, съ другой стороны — примѣнять и осуществлять его на практикѣ, поскольку это возможно при современ-ныхъ условіяхъ: путемъ популярнаго обученія, дискуссій и рефератовъ, основанія потребительныхъ товариществъ по образцу Оуэна, общественныхъ столовыхъ, общежи-тій и другихъ «учрежденій для поддержанія благосостоянія», стоявшихъ гораздо выше всѣхъ «благотворительныхъ» учрежденій современныхъ капиталистовъ, которые, упорно отказывая рабочему въ томъ, что принадлежитъ ему по праву, своими грошовыми подачками стремятся превратить его въ смиренное, жалкое существо. Въ этихъ рабочихъ союзахъ нѣмецкій «пролетарій» находитъ одновременно тѣлесную и духовную пищу; онъ, котораго любой поли-цейскій или жандармъ въ своемъ отечествѣ имѣетъ право травить, какъ дикаго звѣря, — онъ находитъ здѣсь новую родину; передъ нимъ открывается цѣлый міръ науки и поэ-зіи. Вмѣсто стѣнъ казармы, куда бросилъ его отечественный и правительственный режимъ, онъ видитъ передъ собой вольный, бѣлый свѣтъ, онъ видитъ народы, которые бо-рются за свободу, за свободу и равенство. Новое уче-ніе соціализма, «евангеліе бѣдняковъ», которое доказы-ваетъ имъ царство Божіе на землѣ, проникло въ его ухо, завладѣло его сердцемъ и умомъ. Нелѣпая сказка, кото-рую разсказывали ему Гогенцоллерны, о «непримиримыхъ врагахъ» и «злѣйшихъ врагахъ» по ту сторону границы, то-есть за предѣлами отечественной тюрьмы, — эта сказ-ка лопнула, какъ мыльный пузырь, при соприкосновеніи съ дѣйствительностью. [illegible] рабо-тель, съ нимъ [illegible] отечественный [illegible]

[illegible] границы, то [illegible] самы нѣмецкіе рабочіе,—вѣроятно и [illegible] для лихорадочно [illegible], [illegible] ого отъ. Ис-[illegible], [illegible], [illegible] не [illegible] и [illegible] ихъ, [illegible] за границу, [illegible] и [illegible] новыхъ [illegible], [illegible] въ свою [illegible]. Такимъ образомъ, [illegible] страну [illegible] и [illegible], [illegible] результаты, [illegible] въ отдѣльныхъ [illegible] и [illegible], [illegible] была [illegible] и [illegible] въ [illegible] и [illegible].

«Коммунистическій Манифестъ» и «[illegible]» оба [illegible], что Германія [illegible] еще [illegible] условій, а [illegible] и необходимой почвы для научнаго соціализма,—[illegible] не [illegible] бы соціалдемократическаго рабочаго движенія въ Германіи, если бы эта [illegible], эти условія не [illegible] постепенно въ ней самой. [illegible] «Коммунистическій Манифестъ» не [illegible] [illegible] вліянія—это мы можемъ [illegible] утверждать. А непосредственное вліяніе [illegible], «[illegible]», несмотря на то, что въ ней [illegible] самые выдающіеся представители современнаго соціализма, [illegible] только [illegible] вліяніе [illegible] того времени, [illegible] и [illegible]. [illegible] условій для [illegible] партіи еще не было, а [illegible], [illegible], [illegible] не въ состояніи [illegible] и [illegible]. [illegible] и [illegible]. Но то, что [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible].

[illegible] необходимо всѣ [illegible] человѣческой жизни. Общество, въ которомъ орудія труда (орудія и сырье, трудъ, приносящій пользу) такъ примитивны, что каждый можетъ ихъ собственноручно изготовить, а мотивы труда такъ несложны, что каждый можетъ ихъ изучить,—такое общество должно, естественно, вылиться въ иныя формы, чѣмъ общество, въ которомъ орудія труда группируются такими сложными и разнообразными способами, что изготовленіе и пріобрѣтеніе ихъ доступно лишь немногимъ. Пастушескій народъ не можетъ обладать такими же государственными и общественными учрежденіями, какъ земледѣльческій народъ, земледѣльческій—какъ промышленный. Когда устарѣвшіе способы производства замѣняются болѣе прогрессивными, въ то же время обнаруживается необходимость преобразованія государственныхъ и общественныхъ учрежденій. Англійская революція XVII в., французская—XVIII столѣтія явились слѣдствіемъ того, что буржуазный способъ производства переросъ средневѣково-феодальныя отношенія собственности. Но величайшій, самый коренной переворотъ нашего времени—несомнѣнно тотъ, который произвелъ современный капитализмъ. Онъ разрушилъ старый общественный строй. Онъ окончательно отдѣлилъ трудъ отъ орудій труда, такъ что собственниками послѣднихъ являются лишь незначительное меньшинство, между тѣмъ какъ подавляющее большинство людей обречено на подневольную службу этимъ немногимъ; благодаря концентраціи средствъ производства въ немногихъ рукахъ, онъ увеличилъ до чрезвычайныхъ размѣровъ производительность труда и бросилъ массы въ пучину нищеты во имя собственности, онъ экспропріировалъ безчисленное множество собственниковъ; въ своей жадной погонѣ за рабочей силой, для выжиманія изъ нея [illegible] онъ отправилъ на фабрику женщинъ и дѣтей, разрушилъ семью, въ такой степени перетасовалъ населеніе, что переселеніе народовъ въ началѣ христіанской эры кажется ничтожнымъ сравнительно съ колоссальными переселеніями въ эпоху капитализма, который въ одной Германіи выгналъ изъ деревни въ городъ

ее населенія три десятилѣтія не болѣе девяти милліоновъ жителей,—а теперь уже с [illegible] перешло за границу, гдѣ тоже приходится сказать [illegible] Германія, которая въ концѣ 40-хъ годовъ была земледѣльческимъ государствомъ,—деревенское населеніе составляло въ Германскомъ союзѣ три пятыхъ, а въ одной Пруссіи — двѣ трети общаго количества населенія — въ настоящее время представляетъ собою промышленное государство съ преобладающимъ городскимъ населеніемъ; капиталистическое крупное производство, отдѣльныя колоніи котораго существовали тогда только въ Рейнской провинціи и Вестфаліи (въ двухъ частяхъ промышленныхъ центровъ Германіи, Саксоніи и Силезіи, [illegible]),—теперь это производство вездѣ въ Германіи побѣдило и вытѣснило мелкобуржуазную форму производства, приведя ее къ вымиранію. Такая экономическая революція сама собою разумѣется должна была рѣзко обособить и умственную физіономію. Старыя [illegible] утратили свой смыслъ, старые партійные принципы уступили, старые партійные идеалы потускнѣли. Въ буржуазіи произошла метаморфоза.

До конца 40-хъ годовъ нѣмецкая буржуазія, поскольку она пробуждалась къ политической жизни, была либеральной, демократической. Выраженіе «буржуазная свобода» покрывалось понятіемъ «политическая свобода». Но, съ развитіемъ капитализма, въ нѣдрахъ буржуазіи выкристаллизовался новый слой, который, отдѣлившись отъ окружающей среды, быстро образовалъ особый міръ съ отдѣльными интересами, особыми понятіями, особыми цѣлями, этотъ слой —капиталистическая крупная буржуазія. Это явленіе совершилось во всѣхъ культурныхъ странахъ, особенно же — въ Германіи и во Франціи. Въ капиталистической крупной буржуазіи нѣтъ ни слѣда буржуазнаго либерализма и радикализма. Она ненавидитъ буржуазную свободу, она открещивается отъ «грѣховъ молодости»—Великой Французской революціи, іюльской революціи, февральской и мартовской революціи. Экономическая революція, которой она обязана своимъ существованіемъ

и господствомъ въ государствѣ и обществѣ, перенесла ея политическую позицію въ другую плоскость; эта революція толкнула ее въ лагерь реакціи,—то-есть тѣхъ элементовъ, которые стремятся сдѣлать государственную власть орудіемъ порабощенія новыхъ слоевъ народа, борющихся за свою политическую и соціальную эманципацію,—въ лагерь той самой реакціи, которая, полвѣка тому назадъ, являлась для буржуазіи, тогда еще не капиталистической, такимъ же предметомъ страха и ненависти, какъ нечистая сила. Это кажущееся противорѣчіе объясняется очень просто. Тогда буржуазія сама была *новымъ слоемъ населенія*, который стремился къ эманципаціи и политической власти; теперь крупной капиталистической буржуазіи принадлежитъ не только государственная власть, но и фактическое господство. А на смѣну ей, за политическую и соціальную эманципацію теперь борется новый слой населенія, интересы и цѣли котораго діаметрально противоположны цѣлямъ и интересамъ капиталистической буржуазіи; слой этотъ—*пролетаріатъ*, торжество котораго равносильно гибели капитализма.

Такимъ образомъ, буржуазія примирилась со своимъ смертельнымъ врагомъ—монархическимъ, полицейскимъ и милитаристическимъ государствомъ; она отказывается отъ непосредственной политической власти въ государствѣ и довольствуется экономическимъ господствомъ, которое фактически превращаетъ государство въ ея слугу и [illegible], хотя номинально оно управляется *не-буржуазными* элементами. Настоятельной потребностью капитализма было «сильное» правительство, то-есть—прямая противоположность демократіи—правительство, которое «желѣзнымъ кулакомъ» усмиритъ враговъ капитализма и отдастъ въ его распоряженіе всю государственную власть, все государственное достояніе; правительство, которое во всѣхъ отношеніяхъ будетъ защищать интересы капитализма и отражать натискъ пролетаріата,—другими словами: ему нужна была *диктатура капитализма*.

Такая диктатура существуетъ во Франціи съ декабря

1840 года, въ Германіи — въ концѣ 1841 года. Такъ было и [illegible] въ [illegible] *[illegible]*.

Между тѣмъ, какъ капиталистическое развитіе на одномъ полюсѣ благопріятствуетъ политической реакціи и доводитъ ее до апогея, на другомъ полюсѣ оно освобождаетъ и создаетъ, кромѣ [illegible], силы, которыя [illegible] и упрочивать, [illegible] у политической реакціи ея [illegible], ея почву и, опираясь на экономическое [illegible], подготовляютъ соціально-политическое развитіе, которое [illegible] дальше [illegible] на пути къ осуществленію соціализма.

Эта отвѣтная сила — рабочій классъ, численными [illegible] котораго являются [illegible], эта сила — переходные слои населенія: мелкая буржуазія, мелкое крестьянство, ремесленники, которыхъ капитализмъ экспропріируетъ и лишаетъ средствъ существованія при помощи подавляющей конкуренціи крупнаго производства и которые, вмѣстѣ съ рабочими, образуютъ непрерывно растущую армію пролетаріата.

Эта армія, которой [illegible] капитализмъ, реакціонная въ политическомъ отношеніи, революціонная въ экономическомъ, непрерывно доставляетъ и не можетъ не доставлять все новыхъ и новыхъ рекрутовъ, — эта армія организуется во всѣхъ странахъ земного шара подъ знаменемъ интернаціональнаго соціализма. Въ настоящее время она охватываетъ уже весь мыслящій, дозрѣвшій до классоваго самосознанія авангардъ рабочаго класса, вмѣстѣ съ лучшими элементами буржуазіи. Вопросы *государственно-національнаго бытія* больше не могутъ вносить путаницу и сбивать съ пути Германію. Когда *вторая* попытка государственнаго объединенія *страны* потерпѣла крушеніе въ 1848—49 году, какъ *первая* потерпѣла въ эпоху великой крестьянской войны въ 1525 г., оставалось одно разрѣшеніе вопроса: династическое. Послѣ безобразныхъ плутней и отвратительной драки съ иностранными государствами желѣзный жребій войны и шулерство дипломатіи рѣшили въ пользу династіи Гогенцоллерновъ противъ Габс-

бурговъ. *Но кто остался доволенъ?* И кто въ наше время не знаетъ, что за политическими вопросами всѣхъ огромнѣе, всѣхъ грознѣе стоитъ *соціальный вопросъ?*

Нашу эпоху можно сравнить съ эпохой, предшествовавшей Французской революціи, когда экономическій переворотъ неудержимо влекъ за собой политическій. Какъ тогда феодальное, такъ нынѣ буржуазное общество находится въ процессѣ разложенія. Буржуазное общество стало даже въ болѣе вопіющее противорѣчіе къ интересамъ всего народа, чѣмъ феодальное. Повышенная производительность труда служитъ источникомъ обогащенія лишь немногихъ, обрекая массы на нищету; классовая борьба со дня на день становится интенсивнѣе: государство находится подъ опекой «короля Штумма» и принуждено отдавать свои орудія власти въ распоряженіе капитализма. Всѣ попытки капиталистическихъ партій увѣковѣчить этотъ порядокъ разбиваются о логику вещей, которая бросаетъ въ нищету все бѣльшія и бо́льшія массы и толкаетъ ихъ къ борьбѣ противъ капитализма. Рабочая партія такъ же *интернаціональна*, какъ отношенія, которыя вызвали ее къ жизни. Для нея существуютъ только *два народа*: угнетатели и угнетенные, эксплоататоры и эксплоатируемые. Въ Германіи, несмотря на самыя жесткія и свирѣпыя преслѣдованія, соціалъ-демократія сдѣлалась самой сильной изъ всѣхъ партій— той осью, вокругъ которой, по признанію канцлера Каприви, вращается политическая жизнь имперіи, настолько сильной, что она можетъ съ успѣхомъ бороться противъ коалиціи капиталистическихъ партій. Кто умѣетъ подсчитать силы по ту и сю сторону, для того побѣда соціалъ-демократіи является итогомъ ариѳметическаго вычисленія. Между тѣмъ, какъ соціалъ-демократія непрерывно растетъ во всѣхъ странахъ земного шара, образуя одну великую армію, капитализмъ теряетъ способность такъ крѣпко затягивать петлю эксплоатаціи на шеѣ рабочаго класса, чтобы принудить его работать для себя, подъ своей ферулой. *Колоссальныя стачки* англійскихъ углекоповъ и недавняя стачка англійскихъ машиностроительныхъ рабочихъ, которыя, соеди-

няясь съ массовымъ разсчетомъ, надолго парализовали двѣ крупнѣйшія отрасли индустріи,—такія стачки доказываютъ намъ, что капитализмъ больше не въ состояніи регулировать производство въ человѣческомъ обществѣ, что дни его господства сочтены. Правда, пролетаріатъ не такъ счастливъ, какъ французская буржуазія въ концѣ прошлаго столѣтія, которая, начиная свою борьбу за свою эмансипацію, являлась носительницей знанія, носительницей науки и искусства; благодаря экономическому рабству, пролетаріатъ изгнанъ изъ храма науки и искусства. Но во всѣхъ мыслящихъ рабочихъ живетъ классовое самосознаніе, живетъ сознаніе экономической и соціальной несправедливости, экономическихъ и соціальныхъ бѣдствій; они ясно понимаютъ *источникъ этихъ золъ*,—а желѣзная логика отношеній толкаетъ ихъ къ побѣдѣ и разбиваетъ оружіе ихъ врага. Кого Юпитеръ хочетъ погубить, того онъ поражаетъ слѣпотой. Справедливость этой поговорки доказывается поведеніемъ сильныхъ міра сего, которые, совершая промахъ за промахомъ, не въ состояніи разрѣшить простѣйшихъ вопросовъ политики. Вспомнимъ проказы «*европейскаго концерта*» и вавилонское смѣшеніе языковъ въ Австріи. «А вы, друзья, какъ ни садитесь, все въ музыканты не годитесь».

Но міръ идетъ все впередъ да впередъ.

За 18-мъ марта въ *Берлинѣ*, которое было побѣдой *демократіи*, черезъ 23 года слѣдуетъ 18-е марта въ *Парижѣ*, которое являлось тріумфомъ, если и не окончательной побѣдой *соціализма*.

За 18-мъ марта въ Берлинѣ, за 18-мъ марта въ Парижѣ наступаетъ новая *весна народовъ*, *весна человѣчества*, которая увѣнчаетъ дѣло перваго и дастъ санкцію побѣды тріумфу второго. И никакой силѣ на землѣ не удержать этой весны.

Нѣмецкая соціалъ-демократія ожидаетъ и подготовляетъ ее, сама готовясь къ ней.

Цѣна 3 р. 80 к.